37. 77. 6. 36.

Сергѣй Кречетовъ.

Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ.

№ 363

15
—
II

Кн-во „Прометей“
Н. Н. Михайлова.

СЪ ЖЕЛѢЗОМЪ ВЪ РУКАХЪ
СЪ КРЕСТОМЪ ВЪ СЕРДЦѢ

37 77. 6 36

СЕРГѢЙ КРЕЧЕТОВЪ.

СЪ ЖЕЛѢЗОМЪ ВЪ РУКАХЪ СЪ КРЕСТОМЪ ВЪ СЕРДЦѢ

ЗАПИСКИ ОФИЦЕРА.

ИПБ
1915 г.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ"
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

ТИПОГРАФІЯ
„ПЕЧАТНЫЙ ТРУДЪ“
ПЕТРОГРАДЪ, ПРАЧЕШНЫЙ ПЕР., 4.

КАКЪ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рукой Всевышняго хранима,
Навстрѣчу грянувшей грозѣ
Идешь ты, Русь, неколебима
По міровой твоей стезѣ.

Сергѣй Кречетовъ.

Я не стратегъ и всего менѣе историкъ. Я — только поэтъ, и гляжу на то, что совершается, глазами художника, человѣка отъ искусства. Великая война найдетъ себѣ много историковъ, которые сумѣютъ зафиксировать и возсоздать ее подробно въ ея фактическихъ очертаніяхъ.

Мои писанія глубоко субъективны. Изображаю то, что говоритъ моему глазу. Пропускаю быть можетъ многое важное. Примѣчаю, навѣрно, многое несущественное только потому, что оно красочно. Но если въ этихъ страницахъ, которыя я набрасывалъ безпорядочно и торопливо, на случайныхъ ночлегахъ, на недолгихъ стоянкахъ подъ грохотъ канонады, отъ которой жалобно звенѣли окна, читатель на мгновеніе ощутитъ странное и трудно опредѣляемое ч у в с т в о войны, вдохнетъ ея неуловимый воздухъ, то мнѣ не нужно ничего другого, ибо я поэтъ.

Если же тотъ, кто прочтетъ мои страницы, замѣтитъ и еще одно: ясную вѣру въ нашъ могучій народъ, въ нашу грядущую полную побѣду и въ свѣтлое будущее славянства, пусть не объясняетъ это моей патріотической настроенностью. Ни мало! Въ этомъ я только похожъ на всѣхъ. Такъ вѣритъ вся армія, такъ вѣрю и я, потому что я русскій.

I.

Вотъ и Тильзитъ позади съ его внушительными памятниками, съ его модными кафе и магазинами, съ его кокетливыми виллами, съ его подвижной, но молчаливой уличной толпой.

Снова гладкое укатанное шоссе, окаймленное старыми деревьями, снова уходящая въ даль безконечная вереница орудій, коней и зарядныхъ ящиковъ, снова перебрасывающаяся по колоннѣ команда „ѣздовые слѣзай“ и короткіе 15-минутные привалы, гдѣ еле успѣешь, растянувшись на зеленомъ откосѣ шоссе, выкурить папиросу и погрызть вынутаго изъ кобуры шоколаду, такъ славно пахнущаго кожей.

Передъ закатомъ мы прибыли въ С., живописное нѣмецкое мѣстечко, утопающее въ садахъ.

Обычная встрѣча. Всѣ жители у домовъ. Низкіе подобострастные поклоны и любезно предлагаемые проходящимъ войскамъ корзины съ яблоками и грушами.

Что говорило въ этихъ людяхъ съ ихъ угощеніями и привѣтствіями? Только ли страхъ за себя и надежда смягчить сердца „свирѣпыхъ сѣверныхъ варваровъ“? Или, быть можетъ, злорадная увѣренность въ будущей

расплатѣ еще ниже гнула ихъ спины? Кто разгадаетъ!

Отрядъ миновалъ мѣстечко и расположился бивакомъ въ полѣ, гдѣ вдоль дороги тянулось нѣсколько отдѣльныхъ домовъ и стояла неподалеку отъ послѣдняго высокая вѣтряная мельница. Наша батарея стала у мельницы. Мы, офицеры, расположились въ ста шагахъ, въ маленькомъ средней руки домикѣ съ сараемъ и надворными стройками.

У мельницы разбили палатку. Чай пить рѣшили въ домикѣ, ночевать въ палаткѣ.

Быстро вскипятили чайникъ, хлопотливые вѣстовые уже извлекли наши разнообразные припасы. Мы сѣли за столъ.

Вдругъ тревожные возгласы снаружи и сквозь нихъ отчетливо вливающееся черезъ открытое окно какое-то странное, низкое гудѣніе.

Аэропланъ! Мы вскочили и бросились вонъ изъ дома.

Помню, когда я выскочилъ на крыльцо, со всѣхъ сторонъ уже трещала ружейная перестрѣлка. Пули свистѣли во всѣхъ направленіяхъ, звонко чмокая въ стѣны сараевъ и высокія кровли домовъ. Съ деревьевъ у дороги сыпалась листва. Сзади рѣзко и ритмически, точно проворныя металлическія сѣялки, стрекотали пулеметы.

— Вотъ оно... Должно быть, еще и засада!..—промелькнуло у меня въ головѣ. И первое движеніе,—скорѣе къ батареѣ, къ своимъ.

Я быстро пробѣжалъ черезъ дворъ и на мигъ остановился у воротъ, чтобъ разобраться, откуда идетъ опасность. Внезапно сильнѣйшій ударъ сзади въ бедро, и я качусь по землѣ, нѣсколько разъ перевернувшись отъ силы удара.

„Кончено... раненъ“,—звенитъ въ мозгу. Сбоку проносится тяжелая артиллерійская повозка, влекомая парой взбѣсившихся лошадей. Вотъ въ чемъ дѣло! Встаю, ощупываю бедро. Ничего, ходить можно, это только ушибъ. Спѣшу, прихрамывая, налѣво, къ мельницѣ, гдѣ стоитъ батарея. Пули жужжатъ, какъ осы.

Рядомъ перебѣгаютъ отдѣльные пѣхотинцы и стрѣляютъ съ колѣна куда-то вверхъ.

Подымаю голову, — вверху, на темнѣющемъ небѣ гудя, проносится огромная зловѣщая черная птица съ загнутыми крыльями. Два-три круга, и она удаляется постепенно скрываясь изъ глазъ.

Стрѣльба стихаетъ... Громкіе окрики офицеровъ быстро прекращаютъ послѣдніе, одиночные, уже ненужные выстрѣлы. Рядомъ съ мельницей группа солдатъ, столпившись, окружаетъ неподвижное тѣло. Это одинъ нашъ молодой артиллеристъ, застигнутый во время перестрѣлки шальною случайной пулей. Бѣдняга, кажется, уже не дышитъ, и смертныя тѣни легли на его безбородое, чѣмъ-то удивленное, съ черными усиками лицо. Его увозятъ въ лазаретной линейкѣ.

Мнѣ нужно зайти по дѣлу къ командиру бригады. Тороплюсь сдѣлать это, пока еще не темно.

Бѣлый домъ на окраинѣ города. Возлѣ садъ съ цвѣтущими клумбами, газономъ, бесѣдками и отягченными плодами деревьями. Фасадъ и ажурный балконъ увиты виноградомъ, и спѣлыя его гроздья выглядываютъ изъ-за пышной листвы.

Посылаю доложить о себѣ. Командиръ бригады, полковникъ К., изысканно свѣтскій петроградецъ (чуть не сказалъ „петербуржецъ"), любезно приглашаетъ остаться пить чай.

Мнѣ начинаетъ казаться—нѣтъ ни войны, ни аэроплановъ, ни пулеметовъ. Изящная гостиная съ легкой свѣтлой мебелью. Столовая изъ сѣраго клена. Хорошее піанино. Двѣ-три качалки съ небрежно брошенными подушками съ вышитыми вѣнками изъ розъ. Небольшой тонкой работы книжный шкапъ съ отлично подобранными томиками міровой литературы. На немъ бюсты Гете и Шиллера. Чисто одѣтая горничная въ бѣломъ передникѣ и гофреной тюлевой наколкѣ. Ни въ чемъ нѣтъ грузной нѣмецкой претензіи, — на всей обстановкѣ печать хорошаго вкуса и какой-то радостной легкости.

Спрашиваю, кто хозяева. Полковникъ разсказываетъ любопытную исторію. Домъ принадлежитъ двумъ молодымъ состоятельнымъ барышнямъ. При извѣстіи о вступленіи нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію, уѣзжая въ Берлинъ, онѣ оставили все, какъ было, въ полномъ порядкѣ, ничего не увозя, и дали прислугѣ такое распоряженіе: „Кто бы ни пришелъ, будь онъ другъ или

врагъ, всякаго принимать радушно, какъ брата. Все въ домѣ къ его услугамъ. Особенно заботиться о раненыхъ, своихъ или чужихъ одинаково, ухаживать за ними и класть ихъ на наши постели". Онѣ много разъ повторяли это прислугѣ, и та запомнила эти слова буквально.

О, милыя мечтательницы о всеобщемъ братствѣ! Я запомню ваши газельи глаза, ваши лебединыя шеи, ваши руки съ длинными пальцами, что я видѣлъ на большомъ портретѣ въ гостиной. Черезъ какую земную пыль влачите вы теперь ваши легкія одежды! И воцарится ли когда-нибудь на землѣ ваша мечта! Теперь кровавое зарево окутало полміра, Война, гнѣвная богиня, сдвинувъ брови, тяжелой своей стопой идетъ по полямъ, и вашъ тихій голосъ, вашъ кроткій призывъ одиноко потонулъ среди грохота орудій и изступленныхъ криковъ.

Покидаю милое жилище.

Ночь въ палаткѣ. Сверху укрылся пледомъ, но холодъ коварно подбирается снизу, сквозь тонкій, туго натянутый брезентъ походной кровати. Денщикъ забылъ подложить снизу купленный въ Тильзитѣ недешево за чистыя русскія денежки отличный войлочный фильцъ. Ежусь, но встать и позвать его лѣнь.

Утромъ выступаемъ въ 7 часовъ. Короткая молитва надъ могилой убитаго вчера артиллериста. Выѣзжая на шоссе, долго провожаю глазами свѣжій бугоръ земли съ маленькимъ, наскоро сдѣланнымъ бѣлымъ крестомъ.

Мы снова въ пути.

Яснымъ, теплымъ вечеромъ наша бригада стала бивакомъ при большомъ селеніи Г., вдоль великолѣпнаго обсаженнаго вѣковыми тополями и буками шоссе изъ Тильзита въ Кенигсбергъ. Батареи расположились тутъ же на лугахъ и воздѣланныхъ поляхъ, гдѣ въ изобиліи растетъ рѣпа и еще какой-то другой очень сладкій и крупный овощъ, нѣчто среднее между брюквой и рѣпой. Одинъ ѣздовой моего взвода, Пряхинъ, большой любитель сельскаго хозяйства, собиравшійся на родинѣ, гдѣ-то въ Вятской губерніи, держать экзаменъ на помощника агронома, волнуясь и размахивая руками, тщетно доказывалъ, что „по наукѣ“ это овощъ кормовой и предназначенъ только для рогатаго скота.

Солдатики одобрительно покачивали головами. „Наука, оно точно... наука первое дѣло“... Но овощъ ѣли и въ похлебкѣ варили, и похваливали очень.

Вездѣ весело запылали костры. На нихъ какіе-то котелки и чугунки, выросшее какъ изъ-подъ земли немудрое солдатское хозяйство.

Мяса было довольно, и врядъ ли наши солдаты часто ѣдали у себя дома такіе наваристые супы, какіе доставались имъ въ Пруссіи. Не хватало лишь двухъ вещей: хлѣба и соли. И было негдѣ достать, такъ какъ ихъ почти не было у населенія. Хлѣбъ не замѣнишь ничѣмъ, но насчетъ соли ухитрялись.

Сыпали какое-то красное минеральное вещество,

употребляемое нѣмцами для удобренія огородовъ. Ничего,—сходило...

Офицеры нашей батареи расположились въ маленькой, покинутой жителями, крестьянской усадьбѣ. Среди другихъ домъ изъ самыхъ неважныхъ, и все-таки тамъ четыре комнаты, постели съ занавѣсками и полочки съ дешевымъ фарфоромъ. На стѣнахъ портреты. Вотъ почтенный лысый отецъ семейства въ неуклюжемъ сюртукѣ и съ нимъ рядомъ круглолицая фрау въ накрахмаленномъ чепцѣ и со связкой ключей у пояса, знакомъ ея хозяйской власти. Вотъ ихъ сынъ, молодой прусскій пѣхотинецъ. Снятъ онъ явно при помощи трафарета, гдѣ въ готовую фигуру вставляется одно лицо. Онъ почему-то верхомъ. Одною рукой, подбоченившись, держитъ узду, другою указываетъ впередъ, гдѣ бѣгутъ устрашенные непріятели, конечно, съ весьма окладистыми бородами. Конь попираетъ ногами пушку. Лицо у солдата круглое, безбровое, съ ямочками на щекахъ.

Фигура въ профиль, лицо en face,— картина, могу сказать, величественная.

И рядомъ еще фотографія: онъ же съ невѣстой, миловидной, съ большими косами, такой же круглолицей и тоже съ ямочками. Стоятъ, держась за руки. Внизу на паспорту, два голубка и надпись: „Фрицъ Шольпъ и Грета Майеръ. Обручены 1 іюля 1914 г.“.

Гдѣ ты теперь, почтенная фрау въ чепцѣ и съ ключами, и ты, голубоглазая Грета? Знаете ли вы, что рус-

скій „варваръ“ безпечно разлегся на вашей постели и ваши фарфоровыя тарелочки дрожатъ отъ испуга на своихъ полочкахъ, когда мимо въ своихъ грузныхъ сапогахъ проходитъ мой денщикъ.

На другой день, часовъ въ шесть вечера, мы получили приказъ выступить и къ ночи занять позиціи на правомъ берегу рѣки, впадающей въ Балтійское море, верстахъ въ двѣнадцати къ сѣверу. По ту сторону рѣки городъ и вдоль теченія рядъ укрѣпленныхъ непріятельскихъ позицій, защищающихъ подступы къ Кенигсбергу.

Къ позиціямъ вело прямое шоссе, но такъ какъ въ значительной части оно пролегало по возвышенности въ районѣ непріятельскаго обстрѣла, нашъ отрядъ рѣшили провести лѣсомъ, чтобы уже затемно, скрыто отъ нѣмцевъ, размѣстить на позиціяхъ.

Мнѣ хорошо запомнился этотъ вечеръ.

Сперва шоссе, потомъ рѣзкій поворотъ влѣво, у маленькаго кладбища съ зелеными деревянными скамейками, кустами акацій, плющомъ на памятникахъ и бѣлыми каменными крестами. Дальше небольшія фермы, еще неубранныя нивы, лѣсная опушка съ какими-то павильонами, бесѣдками и столиками для народныхъ гуляній. Навѣрно, сюда любила приходить окрестная молодежь и степенные бюргеры изъ города, чтобы мирно выпить за этими бѣлыми столиками свое неминуемое пиво.

Потомъ старый береженый, подчищенный, съ пря-

мыми, какъ стрѣла, просѣками сосновый лѣсъ. Верста по широкому шоссе, и отрядъ свернулъ на грунтовую лѣсную дорогу.

Солнце было на закатѣ. Лѣсъ тихо рдѣлъ, и сквозь сливающуюся чащу стволовъ струились расплавленные рубины и червонное золото. Хотѣлось молчать. Было тихо и торжественно въ лѣсномъ храмѣ, и въ величавомъ его спокойствіи золотой ѳиміамъ проливался благостно, не вѣдая людскихъ распрей, равно для правыхъ и виноватыхъ.

Кончился лѣсъ. За нимъ темнѣющія поля, мѣстами низменности, гдѣ колеса орудій глубоко врѣзаются въ мягкую почву. Порою небольшія селенія. Темныя окна, не видно никого. На одномъ дворѣ воетъ позабытый песъ, на цѣпи у своей конуры. Нѣсколько дней спустя я вновь проѣзжалъ мимо и видѣлъ его издыхающимъ съ голоду. Я кинулъ ему кусокъ хлѣба, но онъ былъ уже не въ силахъ его съѣсть.

Мѣстность становится выше. Солнце зашло, и черныя тучи зловѣще клубятся на кровавокрасной, неширокой закатной полосѣ.

Какія странныя очертанія! Черные всадники въ черныхъ плащахъ... Черныя женщины съ развѣвающимися волосами... Какіе-то крылатые черные драконы... Не призраки ли это враждебныхъ божествъ германскаго эпоса тянутся въ даль, покидая занятую нами землю, и, уходя, угрожаютъ?...

Но не удержать вамъ, негодующія тѣни, этихъ неспѣшно катящихся орудій!

Закатъ погасъ. Вѣтеръ, луна, быстро летящія облака. Засеребрился прудъ. Мы вновь вышли на шоссе и вступили въ деревню К.

Резервы остались здѣсь. Впереди деревни, верстахъ въ полутора-двухъ расположатся наши позиціи.

Устроивъ резервы на ночлегъ, поздней ночью ѣду съ коннымъ вѣстовымъ установить ближайшій подъѣздъ къ позиціямъ. Ѣдемъ сперва по шоссе, потомъ сворачиваемъ по отчетливому слѣду отъ прошедшихъ раньше орудій. Еще съ версту—и мы на позиціяхъ.

Темные правильные полукруги окоповъ. Слабо поблескиваетъ подъ луной сталь глубоко ушедшихъ въ свои земляныя гнѣзда орудій. Около нихъ, подъ навѣсами изъ вѣтвей и соломы, рвы для людей, зіяющіе своей чернотой. Кажется, какой-то насмѣшливый могильщикъ нарылъ впрокъ свѣжихъ могилъ и онѣ, оскаливъ пасти, ждутъ своихъ неизвѣстныхъ гостей.

„Кто идетъ?“

„Свои“...

Спрашиваю, гдѣ офицеры. Одинъ дежуритъ на батареѣ. Прочіе неподалеку, ушли ужинать. Иду повидаться съ ними. На холмѣ стройный высокій домъ, бѣлый въ лунныхъ потокахъ, сквозитъ черезъ раскидистыя деревья. Темныя окна,—домъ кажется мертвымъ, необитаемымъ. Подъ деревьями, съ обратной непрія-

телю стороны, вижу нѣсколько лошадей и группу вѣстовыхъ.

Меня проводятъ внутрь. Миную темныя сѣни. Распахиваю дверь. Полуосвѣщенная огромная зала. Это школа. Оплывающая свѣчка, прилѣпленная къ учительской кафедрѣ, слабо озаряетъ отодвинутыя въ сторону парты и у стѣны пару большихъ черныхъ досокъ съ какими-то неоконченными ариѳметическими задачами. Въ глубинѣ, черезъ пріоткрытую дверь, падаетъ свѣтъ. Вхожу.

Большая, залитая яркимъ свѣтомъ столовая нѣмецкаго педагога. Окна наскоро заколочены коврами. Длинный столъ, кипящій россійскій самоваръ, дымъ русскихъ папиросъ и знакомыя веселыя лица. Никогда еще стаканъ горячаго чаю съ коньякомъ не казался мнѣ такимъ вкуснымъ, какъ въ эту ночь, въ двухъ верстахъ отъ непріятеля, въ нѣдрахъ этого страннаго, живущаго тайною ночною жизнью дома.

Черезъ 20 минутъ снова ѣду съ своимъ коннымъ вѣстовымъ черезъ бѣлыя лунныя поля, теперь уже иначе, намѣчая новый кратчайшій путь.

— Ваше благородіе! А ваше благородіе! Вы бы больше къ березкамъ, въ тѣнь, а то видно очень... неравно подстрѣлятъ.

— То-то... къ березкамъ. Ничего, милый, Богъ не выдастъ.

Мой конный вѣстовой, случайно найденный мною землякъ изъ окрестностей моего имѣнія, — существо

толстое, съ красноватымъ носомъ, круглоликое, подобное не то румянорожему Силену, не то Санхо Пансѣ. Чрезмѣрной отвагой онъ не обладаетъ, но въ меня быстро увѣровалъ, прицѣпился ко мнѣ и очень убѣжденъ, что я отъ нѣмецкихъ пуль заколдованъ и, разъ онъ со мной, то все въ общемъ благополучно. Иногда онъ причитаетъ, но больше для виду. За мной онъ полѣзетъ, куда угодно. Я же, въ своихъ частыхъ съ нимъ поѣздкахъ, люблю рысить неторопливо тамъ, гдѣ, вижу, ему хочется проскакать поскорѣе, и со вкусомъ читаю ему въ высокомъ стилѣ лекціи „о любви къ отечеству и народной гордости", которыя онъ слушаетъ, насупившись и моргая глазами.

У него есть много достоинствъ. Парень онъ оборотистый, хозяйственный. Въ его карманахъ всегда яблоки и спички, и моя лошадь оказывается чѣмъ-то накормленной при самыхъ невѣроятныхъ условіяхъ.

Возвращаюсь въ деревню къ зарряднымъ ящикамъ. Ночую въ чистой нѣмецкой избѣ. Хорошая постель. Только перина куда-то исчезла. Вмѣсто нея мнѣ положили сѣна. Сверху кладутъ простыню. Раздѣваюсь, какъ слѣдуетъ. Какъ хорошо будетъ соснуть. Нѣсколько дальнихъ ружейныхъ выстрѣловъ. Должно быть, балуются нѣмецкіе дозоры. Нѣтъ чтобъ пожалѣть Вильгельмова имущества!.. Засыпаю сладко и спокойно. Если не будетъ тревоги, будить не раньше половины седьмого.

Денщикъ пожалѣлъ, разбудилъ въ семь... Прежде

всего, конечно, бриться. Это моя маленькая слабость. Моя голова острижена нашимъ батарейнымъ Фигаро подъ первый номеръ и весь мой суровый, загорѣлый и запыленный видъ мало напоминаетъ того франтоватаго кавалера, который за нѣсколько дней до отъѣзда на войну разгуливалъ у себя на дачѣ въ бѣломъ спортивномъ костюмѣ съ широкимъ отложнымъ воротникомъ модной мягкой рубашки и говорилъ комплименты очаровательнымъ дамамъ. Однакожъ я храню мой „грифскій“ стиль, ношу крахмальные воротники (ради похода марка „Линоль“,—весьма остроумное изобрѣтеніе) и упорно бреюсь каждый день ко всеобщему удивленію. Бреюсь при всякихъ обстоятельствахъ и чѣмъ угодно,—холодной водой, молокомъ, чаемъ и даже кофе.

Еще не кончилъ правую щеку. Вбѣгаютъ вѣстовой и денщикъ.

— Баринъ! Баринъ! Еропланъ нѣмецкій! Гляди бомбу броситъ.

Въ четыре взмаха кончаю правую щеку. Бомба бомбой, но неприлично умирать съ недобритой щекой. Стиль—великая вещь!

Выбѣгаю съ биноклемъ на крыльцо.

— Всѣ по сараямъ! Не толпиться и не бѣгать!

Дворъ, только что походившій на встревоженный муравейникъ, сразу пустѣетъ... Лошади еще съ ночи поставлены въ густомъ саду, зарядные ящики подтянуты ближе къ тѣнистымъ деревьямъ вдоль ограды,

чтобы не быть слишкомъ замѣтными сверху,—насчетъ аэроплановъ предупреждали.

Гляжу кверху,—тамъ, на ясномъ, утреннемъ небѣ, съ злобнымъ, басистымъ и немного гнусавымъ гудѣніемъ носится черное крылатое чудовище, точно огромный шмель изъ Гофмановской сказки. Кружитъ и уносится въ сторону, и вновь возвращается, что-то ищетъ, что-то выбираетъ.

Послѣ я успѣлъ привыкнуть къ этимъ германскимъ шмелямъ съ изогнутыми крыльями, но всякій разъ охватывало меня при видѣ ихъ чувство какого-то злобнаго безсилія. Что предпринять противъ этой проклятой машины, шныряющей въ высотѣ и кидающей бомбы, отъ которыхъ десятки людей обращаются въ мелкія клочья мяса и кровавыхъ тряпокъ! Что-то темное, шмелиное, нечеловѣческое просыпается въ душѣ. Такъ бы и взлетѣлъ самъ въ высоту и впился въ этого колдовского шмеля и грызъ бы его, рыча отъ ярости, чтобы свалить на землю. А вмѣсто того надо прятаться, если укрытіе близко, и застывать недвижно на мѣстѣ, если оно далеко, чтобы быть какъ можно незамѣтнѣе и какъ бы слиться съ землей.

На этотъ разъ обошлось безъ бомбы. Шмелю не попались на глаза человѣческія группы и онъ, покружившись, улетѣлъ.

Спѣшу умываться и пить чай. Изъ всѣхъ норъ вылѣзаютъ, весело балагуря, солдаты. Пью чай на крыльцѣ. Солдатики устроили мнѣ сюрпризъ. Еще съ

ранняго утра подоили нѣмецкую корову, и я подбавляю въ чай густого кипяченаго молока.

Подъѣзжаетъ кавалерійскій офицеръ съ нѣсколькими всадниками. Проситъ угостить папиросой, два дня не курилъ. Дѣлюсь моимъ табачнымъ запасомъ. Пріятно видѣть, съ какимъ наслажденіемъ онъ дѣлаетъ затяжки,—даже глаза заблестѣли. Онъ изъ отряда, теперь смѣняемаго нашимъ. Пою его чаемъ и попутно разспрашиваю объ обстановкѣ.

Мажду нами и нѣмцами глубокая рѣка съ подходящими къ ней во многихъ мѣстахъ вплотную лѣсами. Берега илистые, топкіе. Нѣмцы опутали ихъ сѣтью колючихъ проволокъ, частью поверху, частью погрузивъ въ илъ. Бродовъ нѣтъ. Есть одинъ желѣзнодорожный мостъ. Его ничего не стоило бы взорвать и нѣмцамъ и нашимъ. Но обѣ стороны берегутъ этотъ мостъ, какъ единственное средство для переправы, которое каждый изъ противниковъ надѣется использовать при удачѣ для наступленія. Пока же артиллерійскія дуэли да ночныя попытки перейти мостъ пѣхотой.

Кавалеристъ со своимъ маленькимъ отрядомъ стоялъ дня два у самаго моря. Разсказываетъ, какое глубокое волненіе охватило его, когда впервые, сквозь лѣсную опушку, засверкали подъ солнцемъ голубыя волны.

Послѣ, черезъ два-три дня, оказавшись въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моря, я, выполнивъ данное мнѣ порученіе, соблазнился и сдѣлалъ порядочный крюкъ, чтобы увидѣть море.

И я пережилъ это волненіе, когда сквозь вѣтви подернутыхъ осеннимъ золотомъ буковъ блеснула и черезъ нѣсколько мгновеній мощно возстала передо мной уходящая въ даль безкрайняя синеголубая ширь.

Я вспомнилъ тогда, какъ Ксенофонтъ въ своемъ „Анабазисѣ“ описываетъ радость, охватившую грековъ, когда послѣ долгаго похода по враждебной странѣ они увидѣли море.

Есть чувства, которыя неизмѣняемыми проходятъ черезъ вѣка.

Талатта! Талатта!

Слава тебѣ, то радостно голубое, то нахмуренно синее, то грозно свинцовое, многошумное, многосмѣющееся море! Во всякій часъ, во всякой странѣ, своей иль чужой, счастливъ тотъ, кому послѣ труднаго пути дано увидѣть твои плавно зыблемыя воды и услышать твой несмолкаемый, суровый, поющій о Вѣчности гулъ.

Кавалеристъ простился, собирается уѣзжать. Приносятъ конвертикъ съ приказомъ. Я назначенъ офицеромъ-ординарцемъ къ начальнику отряда. Со мною слѣдовать конному вѣстовому. Эй, сѣдлать!

Беру моего круглоликаго Силена, даю ему саквояжъ съ необходимѣйшими предметами. Ѣдемъ быстро. Черезъ полчаса стою передъ генераломъ.

Съ этого момента начинается новая, весьма занимательная фаза моей военной жизни.

II.

Вотъ уже нѣсколько дней я офицеромъ - ординарцемъ у начальника отряда.

Генералъ Х. жилъ въ небольшемъ двухэтажномъ домикѣ въ деревнѣ Г., у шоссе. Двѣ комнаты внизу и три маленькихъ въ мезонинѣ. Генералъ и его адъютантъ помѣщались внизу; съ адъютантомъ былъ и другой ординарецъ, низенькій, добродушный пѣхотный прапорщикъ съ дѣловито озабоченнымъ видомъ. Я занялъ комнату наверху. Пуховиковъ — увы! — уже не было, но была деревянная, уемистая, подобная Ноеву ковчегу кровать, куда мнѣ наложили сѣна.

Эта кровать мнѣ очень памятна, такъ какъ на ней пришлось мнѣ провести во время дежурства не одну ночь безъ сна, каждую минуту ожидая, что меня позовутъ къ телефону, находившемуся у гусаръ въ сосѣднемъ домѣ. Ночные вызовы къ телефону для принятія донесеній съ позиціи были такъ часты, что пробовать раздѣваться было совершенно безплодно, и я лежалъ въ полномъ снаряженіи.

Со сномъ приходилось очень бороться. Сперва былъ пересмотрѣнъ весь запасъ лежавшихъ въ углу на эта-

жеркѣ совсѣмъ еще недавнихъ нѣмецкихъ юмористическихъ и иллюстрированныхъ журналовъ, гдѣ „русскіе медвѣди“ изображались въ самыхъ жалкихъ и комичныхъ образахъ, разбитыми и отброшенными чуть не къ самой Москвѣ, а карта Россійской Имперіи перекраивалась за счетъ будущихъ нѣмецкихъ побѣдъ съ неподражаемымъ аппетитомъ.

Послѣ взялся за нѣсколько захваченныхъ изъ Москвы книжекъ „Пользы“. Разсказы Джека Лондона проглотилъ я очень быстро, но зато выручилъ романъ какого-то нѣмецкаго автора „Совиный домъ“, безконечное повѣствованіе о душевныхъ терзаніяхъ потерявшей богатство молодой и прекрасной фрейлины, въ которую влюбленъ герцогъ, но которая сама влюблена въ графа. Этотъ „Совиный домъ“ сослужилъ мнѣ большую службу,—его я не дочелъ и до сей поры.

Первая моя поѣздка по должности ординарца была къ командиру артиллерійской бригады, полковнику К., жившему въ той самой деревнѣ, передъ которой были расположены позиціи нашихъ батарей. Помню его маленькій домикъ, со всѣхъ сторонъ оплетенный паучьими тенетами телефоновъ. Помню тотъ горячій чай съ краснымъ виномъ, которымъ меня такъ радушно угощали полковникъ и его адъютантъ—молодой и симпатичный князь К.

Зашла рѣчь о мѣстномъ населеніи и о той сѣти предательской сигнализаціи и враждебнаго шпіонажа, которой мы окружены. Жителямъ предложено было вы-

селиться изъ района позиціи, и селенія были почти сплошь покинуты, но все-таки изъ домовъ, и особенно отдѣльныхъ фермъ, то и дѣло стрѣляли въ одиночныхъ всадниковъ, да ночью внезапно возникали пожары, зажигаемые нѣмцами, чтобы обозначить расположеніе нашихъ частей.

Вся мѣстность была опутана тайными телефонами. Между прочимъ они прибѣгали къ одному очень остроумному способу, быстро нами открытому.

Отступая передѣ нашими войсками за рѣку, гдѣ они разсчитывали прочно закрѣпиться, нѣмцы увели изъ оставленной ими полосы почти всѣхъ крупныхъ собакъ. Послѣ дѣлалось такъ. Собакъ дня два держали взаперти, не кормя. Потомъ выпускали, прицѣпивъ къ ошейнику катушку съ тончайшимъ телефоннымъ проводомъ. Голодная собака естественно летѣла со всѣхъ ногъ домой, разматывая дорогой катушку. Дома ее встрѣчалъ „мирный житель“, примыкалъ къ проводу въ какомъ-нибудь подвалѣ аппаратъ, и телефонъ готовъ.

Конечно, не всѣ оставшіеся близъ позиціи мирные жители были шпіонами. Были и просто несчастные, старые, слабые и больные, которымъ было некуда идти и которыхъ наши жалѣли и кормили, часто дѣлясь съ ними послѣднимъ кускомъ.

У полковника К. тоже оказался такой „подопечный“, какъ онъ его, шутя, называлъ. Это былъ древній восьмидесятилѣтній старикъ, одинокій, никому не нужный, покинутый односельчанами во время поспѣшнаго

бѣгства. Все богатство его было въ свиньѣ и дюжинѣ маленькихъ поросятъ, которыхъ онъ, самъ голодный, кормилъ картофелемъ и кореньями и берегъ, какъ зѣницу ока.

Полковникъ взялъ его подъ свое покровительство, дѣлился съ нимъ своимъ хлѣбомъ (хлѣбъ на позиціяхъ былъ рѣдкое лакомство!) и строго приказалъ слѣдить, чтобъ его поросята, гулявшіе въ огородѣ, ненарокомъ не попали въ солдатскій котелъ. Каждый день по утрамъ полковникъ самъ заходилъ провѣрять ихъ сохранность и провѣдать старика.

Такова ты, русская душа! Нѣмцу не понять ея. Онъ только посмѣялся бы надъ „славянской сантиментальностью". Но эта сантиментальность есть именно то, за что Богъ милуетъ Россію.

Черезъ полъ-часа я съ моимъ коннымъ вѣстовымъ уже ѣду назадъ. Къ намъ присоединились еще человѣкъ шесть конныхъ солдатъ.

Проѣзжаемъ черезъ небольшую усадьбу. Тамъ размѣстился какой-то перевязочный пунктъ. Останавливаюсь напоить лошадь. Перекидываюсь нѣсколькими словами съ подошедшими поздороваться докторомъ и толстымъ невозмутимымъ батюшкой въ подрясникѣ, съ ременнымъ сползающимъ кушакомъ, въ широкополой порыжѣлой фетровой шляпѣ съ сѣрою объемистой флягой для воды черезъ плечо. Докторъ разсказываетъ, что дня два тому назадъ, когда они стояли верстахъ въ 15 къ югу, имъ пришлось быть въ гостяхъ у нѣм-

цевъ. Случилось такъ, что во время боевыхъ передвиженій нашъ и нѣмецкій перевязочные пункты оказались въ полуверстѣ.

Въ періодъ роздыха доктора ходили другъ къ другу въ гости. Наши угощали папиросами и чаемъ, а нѣмцы—хорошимъ кофе и сигарами.

Скоро начальникъ отряда рѣшилъ перемѣнить мѣсто своего пребыванія, и мы поселились версты на три западнѣе прежняго, на окраинѣ другого селенія, въ богатой покинутой жителями крестьянской усадьбѣ, тоже неподалеку отъ шоссе.

Я поѣхалъ впередъ, чтобы выбрать и приспособить помѣщеніе. Вѣковые вязы и тополя, окаймляющіе шоссе, версты на двѣ были спилены въ одну ночь, чтобы затруднить непріятелю артиллерійскую пристрѣлку, и вѣтвистыя ихъ тѣла лежали на землѣ, широко раскинувъ руки, подобно поверженнымъ гигантамъ.

Печальное и грозное зрѣлище!

Въ одну ночь рухнуло то, что взрощалось столѣтіемъ. Промчится военная непогода, но путникъ уже не укроется въ знойный полдень подъ ними и вѣтеръ не будетъ шумѣть въ ихъ темной листвѣ.

Много страшнаго несетъ съ собой война!

И все-таки во всѣхъ этихъ срубленныхъ лѣсныхъ великанахъ, окопахъ, чернѣющихъ на зеленыхъ пажитяхъ, невѣдомыхъ одинокихъ могилахъ, въ этихъ багровыхъ факелахъ ночныхъ пожаровъ, въ этихъ раз-

рушенныхъ домахъ мрачно вздымающихъ къ небу угрюмо торчащія оголенныя свои трубы, въ прожекторахъ, шарящихъ по облакамъ своими ослѣпительно бѣлыми пальцами, въ ритмическомъ грохотѣ правильной артиллерійской перестрѣлки, въ сіяющихъ точкахъ шрапнельныхъ разрывовъ на дневной лазури, въ огненныхъ ихъ снопахъ на черномъ бархатѣ ночи, въ стрекозиномъ стрекотаніи пулеметовъ, въ провалившихся въ воду взорванныхъ желѣзнодорожныхъ мостахъ, въ домахъ, плачущихъ къ Богу выбитыми своими окнами, въ покрившихся башняхъ съ разбитымъ верхомъ,—во всемъ, во всемъ, даже въ тучахъ воронья, съ крикомъ подымающихся съ полей, есть своя суровая красота, жуткое и неизъяснимое очарованіе.

И на войнѣ больше, чѣмъ гдѣ-либо, понялъ я стихъ поэта:

«Все то, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья».

Новое наше помѣщеніе оказалось лишеннымъ мебели, хотя бы самой примитивной, и мнѣ пришлось позаимствовать ее изъ ближайшихъ домовъ, главнымъ образомъ изъ покинутой нѣмецкой школы.

Въ результатѣ для генерала появился круглый столъ, нѣсколько стульевъ и даже темно-красное бархатное кресло, для прочихъ же пара бѣлыхъ столовъ и нѣсколько деревянныхъ кроватей.

Жить можно,—мѣшало лишь огромное количество мухъ, черными стаями сидѣвшихъ на потолкѣ.

Съ виду сосѣдняя деревня казалась покинутой, но когда стали проводить телефонъ, въ одиночнаго телефониста было сдѣлано на другой ея окраинѣ нѣсколько предательскихъ выстрѣловъ, на счастье не причинившихъ ему вреда. Деревню пришлось обыскать пѣхотой, при чемъ генералъ по обыкновенію занятый множествомъ важныхъ дѣлъ, кратко приказалъ мнѣ разобраться съ захваченными и поступить съ должною строгостью.

Стрѣлявшій, несомнѣнно, успѣлъ скрыться и послѣ обыска предо мною стояли четыре сѣдыхъ старика сгорбленныхъ, больныхъ и одна старуха, оставленные своими во время бѣгства или, быть можетъ, не хотѣвшіе оставить насиженныхъ гнѣздъ даже передъ надвигающейся бурей. Ни при нихъ, ни въ ихъ домахъ никакого оружія найдено не было.

Одинъ изъ нихъ и теперь стоитъ передо мною, какъ живой. Посохъ въ рукахъ, древнее, неподвижное, точно высѣченное изъ вывѣтреннаго камня библейское лицо съ сѣдыми прядями падавшихъ изъ-подъ шляпы волосъ, и на немъ такая глубокая скорбь, которую, казалось, уже ничѣмъ нельзя увеличить.

Послѣ краткаго допроса я объяснилъ имъ, что не сдѣлаю имъ никакого вреда, но оставаться въ районѣ позиціи, особенно въ виду выстрѣловъ изъ ихъ селенія, разрѣшить не могу. Этотъ день они проведутъ въ

сѣнномъ сараѣ подъ карауломъ, а на утро будутъ отправлены съ конвоемъ на восемь верстъ въ тылъ до одного изъ нѣмецкихъ селеній, гдѣ еще есть жители.

Я предложилъ имъ хлѣба. Всѣ взяли, но тотъ, съ каменнымъ лицомъ, отказался. Я спросилъ его, неужели онъ не голоденъ, и онъ отвѣтилъ мнѣ: «Была жена—умерла. Было два сына,—убиты. Я ничего не хочу, кромѣ смерти».

Что могъ я сказать этому старику? Я положилъ ему руку на плечо и произнесъ, указывая рукою на небо, два простыхъ, неуклюже слѣпленныхъ мною нѣмецкихъ слова: «Gott ist». Но онъ не отвѣтилъ ничего и черты его были попрежнему недвижны. И много ихъ было такихъ, чью жизнь раздавила желѣзными своими ободьями грузно катящаяся по полямъ колесница Войны. Но другихъ было во много разъ больше.

Весь край кишѣлъ переодѣтыми нѣмецкими солдатами,—шпіонами, убійцами изъ-за угла, сигнализаторами и поджигателями, которые даже въ случаяхъ прямого захвата на мѣстѣ преступленія по большей части избѣгали заслуженной кары. Обыкновенно ихъ забирали, и кончалось тѣмъ, что ихъ отправляли въ Россію въ качествѣ плѣнныхъ или, всего чаще, просто отсылали въ тылъ.

Мы, русскіе, умѣемъ драться, но намъ всегда трудно принудить себя раздѣлываться со связаннымъ человѣкомъ.

Тягостное впечатлѣніе отъ только что видѣнныхъ

мною стариковъ томило меня и мнѣ хотѣлось отвлечься. Я тутъ же нашелъ случай отправиться вмѣстѣ съ какимъ-то коннымъ ординарцемъ отвезти приказаніе въ одну изъ частей, расположенную при деревнѣ К-ъ, верстахъ въ шести отъ нашего жилища. Въ тѣ же края направлялся казачій офицеръ съ нѣсколькими своими казаками.

Ѣхали вмѣстѣ, очень быстро, какими-то путанными лѣсными дорогами, и въ оживленной бесѣдѣ время пролетѣло незамѣтно.

Я опасался возвращаться лѣсными дорогами, которыя плохо примѣтилъ за разговоромъ, и рѣшилъ ѣхать къ югу по шоссе до поворота на другое, приводящее въ конечномъ счетѣ къ мѣсту, гдѣ мы жили.

Уже въ какой-нибудь полуверстѣ отъ перекрестка я вспомнилъ, что придется проѣзжать у селенія Л., высокимъ участкомъ шоссе, по которому нѣмцы отлично пристрѣлялись и били съ большой точностью. Генералъ съ самаго начала приказалъ, чтобъ ординарцы по этому шоссе не ѣздили и направлялись окольными путями.

Но ѣхать назадъ было лѣнь, перекрестокъ былъ совсѣмъ рядомъ и по обычной россійской манерѣ думалось, что сойдетъ и такъ. Какъ разъ въ это время все было тихо, и ни съ нашей, ни съ нѣмецкой стороны не было слышно ни единаго выстрѣла.

Я подъѣхалъ къ повороту благополучно и свернулъ на другое шоссе. Впереди въ пятистахъ шагахъ подви-

галась навстрѣчу группа какихъ-то всадниковъ, человѣка въ четыре. Вдругъ выстрѣлъ позади, мгновенный вой снаряда и оглушительный взрывъ неподалеку влѣво.

Я пришпорилъ коня и, нахлестывая его нагайкой, понесся карьеромъ по шоссе. Всадники впереди тоже ударили по лошадямъ и мчались навстрѣчу.

Сбоку, вдоль шоссе, стремительно мелькала кинематографическая лента какихъ-то строеній. Смутно помню полуразрушенный господскій домъ, облицованный блестящими кирпичами, должно быть построенный не безъ претензій на стиль. Какія-то черныя дыры оконъ, пробитыя стѣны, торчащія трубы, полуобвалившіяся башни.. Какое-то пожарище... Какіе-то каменные сараи...

Всадники пролетѣли мимо. Снаряды гудя взрывались то сбоку, то спереди, и шрапнельныя пули звонко щелкали по каменнымъ стѣнамъ. Пять минутъ грохота и бѣшеной скачки, и разомъ тишина, точно не было ничего. Дорога пошла ниже.

На сей разъ сошло! Усталая лошадь перешла на шагъ.

Въ тотъ же день вечеромъ я сидѣлъ на скамейкѣ въ плодовомъ саду близь того дома, гдѣ мы жили, подъ большимъ каштаномъ.

Кругомъ была тишина. День умиралъ, успокоенный, ясный и теплый. Тонкія кольца табачнаго дыма плыли въ воздухѣ, напоенномъ дыханіемъ свѣжаго сѣна и спѣлыхъ яблокъ. Надъ осенними поздними травами

слабо жужжали шмели. Легкія перистыя облачка нѣжной волнообразной тканью розовѣли на закатѣ. И было все такъ безбурно и было все такъ прекрасно и просто, точно не было ни войны, ни окровавленныхъ труповъ, ни взрытыхъ гранатами темныхъ и грозныхъ полей.

Изъ кустовъ выбѣжалъ бѣлый кроликъ и сѣлъ передо мной, насторожив ушки, круглый забавный шаръ. Я взялъ его на руки, онъ не испугался. Должно быть, онъ былъ ручнымъ и его, убѣгая, забыли. Продолжая держать его, я подошелъ къ дому. Генералъ стоялъ на крыльцѣ и курилъ. Я молча показалъ ему кролика.

Онъ долго смотрѣлъ на него, и на его всегда суровомъ лицѣ я уловилъ съ удивленіемъ тѣнь волненія и нѣжности. „Онъ ничего не знаетъ о войнѣ. Позаботьтесь, чтобъ ему не сдѣлали вреда". Генералъ повернулся и ушелъ въ домъ.

Я не забылъ о кроликѣ. Онъ ночевалъ въ комнатѣ, въ углу глубокой деревянной кровати, наполненной сѣномъ. Его кормили капустными листьями и, когда мы уѣзжали, я, оставшись послѣднимъ, пустилъ его въ садъ. Пусть онъ ничего не узнаетъ о войнѣ.

Утромъ я отправилъ нѣмецкихъ стариковъ въ тылъ. Утромъ же мнѣ пришлось увидѣть еще двухъ шпіоновъ, уже несомнѣнныхъ.

Одинъ былъ молодой парень, лѣтъ двадцати трехъ, здоровый, плечистый, бѣлотѣлый, румяный тѣмъ яркимъ румянцемъ во всю щеку, который кажется почти не-

*

натуральнымъ. Широкое грубое лицо, короткая щетка рыжеватыхъ волосъ, низкiй лобъ.

Онъ былъ схваченъ при попыткѣ поджега, подъ платьемъ нашли электрическiй фонарь съ разноцвѣтными стеклами.

Я спросилъ его что-то, онъ отвѣтилъ грубымъ ругательствомъ. Нельзя не жалѣть безпомощныхъ стариковъ, но къ этому не можетъ быть жалости.

Еще одна незабываемая фигура прошла передо мною. Это была шпiонка.

Молодая дѣвушка, стройная, золотокудрая, съ легкой поступью и гордо откинутой назадъ головой.

На ней одежда крестьянки, но она носитъ ее такъ, какъ носятъ модныя платья. Руки бѣлыя, изнѣженныя, не знавшiя труда.

Ее замѣтили на одной изъ передовыхъ позицiй. Вѣжливо попросили уйти. Послѣ на другой, на третьей. То же самое. Уходила, а черезъ нѣкоторое время попадалась опять. Наконецъ, арестовали, обыскали, нашли фотографическiй аппаратъ, снимки позицiй, шифръ, сигнализацiонные флажки. Жила онъ, какъ оказалось, въ отличной господской усадьбѣ въ лѣсу. Съ ней вмѣстѣ взяли ея старика-отца. Помню, я спросилъ ея имя, она презрительно повела бровями и не отвѣтила ничего.

Она была отправлена подъ конвоемъ въ одинъ изъ Штабовъ. Впослѣдствiи, во время нашего отступленiя, уже на русской землѣ я встрѣтилъ ее вновь, непода-

леку отъ Нѣмана. Конвойные везли обоихъ на обывательской фурманкѣ. Дѣвушка сидѣла прямо, не сгибаясь, разсыпались золотыя волны ея непослушныхъ волосъ. Больше я ее не видѣлъ.

Развѣдчики доносили, что съ вершины деревьевъ на высокихъ пунктахъ нашего берега видно, какъ къ городу Л. за рѣкой непрерывно одинъ за другимъ прибываютъ съ запада поѣзда, выгружаютъ войска и колонны куда-то уходятъ. Назрѣвало что-то серіозное. Усиливалась дневная стрѣльба нѣмецкихъ орудій, на которую наши почти не отвѣчали, чтобъ до времени не обнаружить себя. Уже всѣ послѣднія ночи нѣмецкая пѣхота, переходя черезъ рѣку по желѣзнодорожному мосту пыталась выбить изъ лѣсу нашу, но послѣ упорныхъ схватокъ, отбиваемая огнемъ и штыками, отходила назадъ. Въ темнотѣ у рѣки, что ни вечеръ, безпокойно стрекотали пулеметы и глухо ухала тяжелая нѣмецкая артиллерія. Въ воздухѣ вѣяло близостью рѣшительнаго боя и мы собирались принять его.

Новая квартира начальника была назначена при маленькомъ желѣзнодорожномъ полустанкѣ, невдалекѣ отъ центра нашихъ боевыхъ позицій.

Мы переѣхали туда подъ вечеръ. Это было самое лучшее изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ мы жили.

Богатая барская вилла, съ красивымъ, еще молодымъ англійскимъ паркомъ. Стриженыя аллеи, желтыя дорожки, переплетающіяся въ затѣйливомъ узорѣ, купы позднихъ осеннихъ розъ и овальный искусственный

прудъ съ медлительно-важными лебедями на розовѣющемъ его зеркалѣ.

У самаго берега повозка на боку, сползшій въ воду цѣлый ворохъ дорогихъ ковровъ въ глубокихъ тонахъ поблекшаго гобелена. Бѣжали видимо ночью. Повозка завалилась и пришлось ее бросить.

Въ домѣ великолѣпная мебель, сдвинутая въ безпорядкѣ. Хотѣли, должно быть, вывезти и не успѣли. Бросили, какъ было. Столы и кресла краснаго дерева, отличный рѣзной дубовый кабинетъ, глубочайшіе диваны, обитые темнымъ бархатомъ, художественной работы шкафъ съ инкрустаціей изъ разноцвѣтнаго дерева, граціозныя шифоньерки, маленькіе столики съ рельефной бронзовой отдѣлкой. Огромнѣйшія кровати краснаго дерева съ цѣлыми горами матрасовъ, перинъ и пуховиковъ.

Здѣсь мы расположились комфортабельно. Разставили мебель по-своему. Кабинетъ—для генерала. Рядомъ комната наша—адъютанта и двухъ офицеровъ. Въ пріемной очередные ординарцы. Дальше въ корридорѣ, въ особой комнатѣ, аппараты полевыхъ телефоновъ, черезъ часъ уже соединившихъ насъ съ высшимъ начальствомъ и съ отдѣльными боевыми участками.

Распаковали чемоданы, вынули бѣлье, приготовили постели.

Выйдя изъ дому, я поставилъ сзади и спереди часовыхъ, а самъ пошелъ прогуляться по парку.

Вечерѣло. Закатный пламень тихо догоралъ на горизонтѣ. Прозрачное небо—какъ огромная опрокинутая надъ міромъ блѣдносапфировая чаша съ розовыми прожилками облачныхъ волоконъ. Иду по пустыннымъ аллеямъ, кое-гдѣ усыпаннымъ желтыми листьями. Вотъ мраморный замолкшій фонтанъ. Сажусь на скамейку, укрытую высокимъ экраномъ изъ стриженой зелени. Какой уютный уголокъ для влюбленныхъ!

Гдѣ вы, шептавшіе здѣсь нѣжныя рѣчи? Горячій вѣтеръ, вѣтеръ, летящій съ пожарищъ, развѣялъ любовныя клятвы и не плачетъ ли теперь любимая объ утраченномъ женихѣ?

Генералъ готовитъ приказы. Завтра, надо думать, бой.

Командиръ одного изъ полковъ прислалъ большую пачку нѣмецкихъ погоновъ и солдатскихъ билетовъ съ обозначеніемъ частей и фамилій. Это снято съ убитыхъ послѣ только что отраженной нѣмецкой атаки. Все въ крови, многое прострѣлено пулями. Гляжу на красныя пятна, расплывшіяся по сѣроватой бумагѣ. Какъ просто! Совсѣмъ какъ пролитыя неосторожно красныя чернила. Посмотрѣвъ, кладу на подоконникъ.

На столѣ тарелки, ножи и вилки.

Изъ кухни тащатъ дымящіеся бифштексы. Есть бѣлый хлѣбъ. Сегодня будетъ пиръ. Велѣли еще сварить чернаго кофе. Отправимъ приказы и рано заляжемъ спать.

Захожу провѣрить телефонистовъ. Вдругъ четыре протяжныхъ и рѣзкихъ гудка. Это вызовъ высшаго

начальства. Беру трубку. Отчетливый, металлическій голосъ вызываетъ начальника отряда. Иду въ кабинетъ,—докладываю и, возвратившись вмѣстѣ, передаю генералу трубку. Стою сзади, ожидая распоряженій. Генералъ внимательно слушаетъ. Его брови сдвинулись.

— Выйдите всѣ.

Я и телефонисты выходимъ изъ комнаты. Творится что-то важное. Черезъ пять минутъ генералъ созываетъ офицеровъ въ кабинетъ.

„Приказано немедленно отступать. Садитесь,—я продиктую приказы войскамъ. Разослать ихъ немедленно съ ординарцами и подтвердить по телефону".

Впослѣдствіи мы узнали, что противъ нашей арміи въ тотъ день стояло 8 новыхъ корпусовъ нѣмецкихъ, спѣшно переброшенныхъ съ французскаго фронта, чтобъ остановить нашъ стремительный набѣгъ въ Восточную Пруссію,—въ этомъ отвлеченіи и состояла наша задача. Но въ тотъ моментъ мы, простые офицеры, конечно, еще не знали ничего.

Приказы продиктованы. Генералъ обращается ко мнѣ: „Распорядитесь укладываться. Пѣхотѣ, казакамъ и коннымъ ординарцамъ изготовиться немедленно. Мы выступаемъ черезъ тридцать минутъ".

Выходя, размышляю. Въ тридцать минутъ надо сдѣлать многое. Сперва приказываю личному прикрытію генерала, 28 пѣхотинцамъ, собраться, построиться и быть наготовѣ, казакамъ и коннымъ ординарцамъ не-

медленно сѣдлать лошадей. Теперь можно подумать и о себѣ. А думать есть объ чемъ.

Всѣ эти дни, при переѣздахъ, наши вещи переправлялись на маленькомъ нѣмецкомъ тарантасѣ, но особой лошади съ упряжью къ нему не было...

. .

Какъ быть теперь! Быстро рѣшаю. Надо спѣшить моего коннаго вѣстового. Лошадь впрягу въ тарантасъ, самъ онъ за кучера. Остановка за упряжью. Я долженъ добыть ее! Не оставлять же мнѣ въ жертву нѣмцамъ мое бѣлье, мои куртки, мои духи, мои бритвы, наконецъ, мой нелѣпый брезентовый чемоданъ-кроват системы „Дементъ". Я купилъ его въ Москвѣ за 42 рубля по совѣту моего добраго друга поэта А. Брюсова (онъ же Alexandèr), который понимаетъ толкъ рѣшительно во всемъ и разсуждаетъ такъ убѣдительно, что ему нельзя не повѣрить. Я проклиналъ въ походѣ не разъ этотъ грузный, громоздкій и жесткій аппаратъ, гдѣ всѣ перекладины выпираютъ вамъ прямо въ ребра, но это мой крестъ и я хочу нести его честно. Гдѣ найти упряжь? Въ конюшняхъ пусто. Интуиція подсказываетъ: чердакъ. Шарю на чердакѣ съ электрическимъ фонаремъ, нахожу чуланъ, въ чуланѣ пара отличныхъ шлей. Полъ-дѣла сдѣлано. Остаются постромки. Гляжу по сторонамъ. Круги какихъ-то шелковыхъ съ проволокой кабелей для электрической проводки. Годится! Ура, мой „Дементъ" спасенъ! Все это забираютъ вѣстовой и денщикъ. Гора съ плечъ долой! Теперь можно подумать

и о кофе. Онъ уже давно стоитъ на столѣ и обидно оставлять его нѣмецкимъ разъѣздамъ.

Пока вѣстовые выносятъ уже сложенныя вещи и хлопочутъ съ тарантасомъ, я надѣваю шинель, застегиваю походное снаряженіе и торопливыми глотками пью крѣпкій, сладкій черный кофе.

Генералъ въ своей коляскѣ проѣхалъ впередъ съ адъютантомъ и десяткомъ казаковъ. Съ нимъ же въ коляскѣ другой офицеръ-ординарецъ. Онъ пѣхотный и не имѣетъ лошади. Пропускаю сперва пѣхоту и повозки. Пересѣкаемъ желѣзную дорогу. Ѣду впередъ съ конными ординарцами. Нагоняю генерала.

— Прапорщикъ! Я съ казаками и конными ординарцами поѣду болѣе сѣвернымъ путемъ. Вы свернете направо и поведете пѣхоту и повозки въ Мелаукенъ. Тамъ присоединитесь ко мнѣ. Мелаукенъ верстахъ въ двадцати. Онъ находится на востокъ.

— Слушаю, Ваше Превосходительство.

Возвращаюсь къ пѣхотѣ. Сворачиваемъ направо и углубляемся въ лѣсъ по узкой дорогѣ.

Еще нѣсколько минутъ,—и темная чаща, словно задвинувшись, принимаетъ маленькій отрядъ мой въ свои непривѣтливыя нѣдра. Надо найти Мелаукенъ. Онъ находится на востокѣ.

III.

Что зналъ въ отдѣльности я, временно прикомандированный офицеръ-ординарецъ, я тихо ѣхалъ верхомъ неширокой лѣсною дорогой впереди своего маленькаго отряда. За мною слѣдовали семь рядовъ пѣхоты и двѣ повозки съ багажемъ, окруженныхъ вѣстовыми.

Двигались въ молчанiи. Лишь изрѣдка позвякивали солдатскiе котелки, да жалобно поскрипывалъ неподмазанный нѣмецкiй тарантасъ съ вещами. Мой вѣрный денщикъ Костинъ перегрузилъ его свыше мѣры и теперь самъ шелъ около, подпирая въ опасныхъ мѣстахъ это сомнительное сооруженiе, связанное всевозможными веревочками, снабженное въ послѣднiе полчаса постромками изъ какихъ-то электрическихъ проводовъ и грозившее каждую минуту разсыпаться на всѣ свои составныя части.

Луна казала изъ-за негустыхъ облаковъ печальное свое лицо—тогда по обѣ стороны сплошною, блѣдною массою возникалъ боръ, и мы плыли блистающимъ свѣтлымъ каналомъ, гдѣ струилась межъ серебряными стѣнами лунная рѣка.

То вдругъ закрывалась луна фатою, и тьма, вра-

ждебное чудовище, таившееся за стволами, спѣшила протянуть на дорогу свои длинные цѣпкіе щупальцы. Мглистыми становились очертанія деревьевъ, и тускнѣли, и пропадали, и расплывались, и таяли, словно чьи-то невидимыя руки безшумно свивали все видимое въ одинъ легкій свитокъ.

Такъ въ театрѣ свиваютъ ненужныя декораціи во время мгновенной перемѣны, при потушенномъ зрительномъ залѣ, и стѣны уходятъ, и со сцены вѣетъ холодомъ зловѣщая жуткая чернота, провалъ, уходящій въ безконечность.

И снова лунное сіяніе дрожитъ въ вышинѣ, пробивая сквозь легкую облачную пелену, и кругомъ встаетъ, быстро возвратившійся на мѣсто, земной обманчивый міръ.

Смутные шорохи, шопоты, шелесты, таинственные лѣсные голоса ползутъ изъ чащи. Совы перекликаются въ глубинѣ. Непонятные, легкіе свисты проносятся и замираютъ.

„Свистъ звѣринъ,
Дивъ кличетъ верху древа,
Зоветъ послушати землѣ незнаемой".

— Вспомнилось мнѣ изъ „Слова о полку Игоревѣ". О, какъ вы близки мнѣ, черезъ вѣка, дружинники славнаго князя Игоря и буй-тура Всеволода, шедшіе много столѣтій назадъ по землѣ половецкой.

„О, русская земля, уже за шеломенемъ еси".

Какъ далека ты, моя родина!

Отрываюсь отъ моихъ мыслей. Я не одинъ, мнѣ ввѣрены люди. Я долженъ найти Мелаукенъ. Мелаукенъ находится на востокѣ.

Облака разошлись. Поднимается легкій вѣтерокъ. Неподвижное лѣсное серебро стало струящимся и зыбкимъ.

Изъ поперечнаго луннаго потока выплываетъ какая-то сѣрая вереница.

— Кто идетъ?

— Свои.

Подъѣзжаю. Два хмурыхъ прапорщика ведутъ туда же, что и я, полуроту и тоже обуреваемы сильными сомнѣніями насчетъ дороги.

Соединяемся. Вмѣстѣ спокойнѣй и удобнѣе. У попутчиковъ есть двухверстная карта, хотя они поглядываютъ на нее довольно нерѣшительно. Разбираемся по ней сообща. Выходитъ, какъ будто, вѣрно, а впрочемъ...

Двигаемся дальше. Въ критическихъ обстоятельствахъ я всегда веселъ, — веселѣютъ мало-по-малу и мои новые спутники.

Выступаетъ какая-то деревня. Хорошо бы узнать ея названіе,—тогда могли бы отлично оріентироваться по картѣ. Приближаемся къ домамъ. Стучимъ. Не тутъ-то было, нѣтъ ни души.

Темныя окна и одинокій песъ на дорогѣ, жалобно воющій на луну.

Ѣдемъ. Снова перекрещивающіяся лѣсныя дороги, ведущія невѣдомо куда.

Ничего! Общее направленіе на востокъ.

Мелаукенъ находится на востокѣ.

Начинаетъ свѣтать. Небо розовѣетъ. Надъ лѣсными полянами клубится туманъ. Ночныя чудовища спрятались въ чащи. Все такъ просто, спокойно и ясно. Дѣлается ясной и такая неубѣдительная ночью карта.

Вдали непрерывный шумъ колесъ. Скоро выходимъ на большое шоссе, гдѣ сплошной лентой тянется артиллерія. Солнце брызнуло изъ-за стволовъ и заиграло на стали орудій и жалахъ пикъ идущей за ними конницы.

Втягиваемся въ общее теченіе. Дальше все просто.

Въ 9 часовъ утра мы въ Мелаукенѣ.

Генералъ X. со своими всадниками пріѣхалъ часа на два раньше меня и остановился въ отличномъ покинутомъ отелѣ. Когда я прибылъ, онъ находился на совѣщаніи съ командирами полковъ. Точно еще ничего не было извѣстно, но говорили, что мы выступаемъ дальше сегодня же.

Я тоже выбралъ себѣ чистый и удобный номеръ, и денщикъ внесъ туда мой чемоданъ.

Но прежде, чѣмъ толкомъ подумать о себѣ, надо было подумать о моихъ 28 пѣхотинцахъ.

Это были два отдѣленія изъ разныхъ полковъ, приданныя генералу въ видѣ личнаго прикрытія и, въ силу разстоянія и частыхъ передвиженій, давно утратившія постоянную хозяйственную связь со своими полками. Ихъ продовольствіемъ, въ числѣ различныхъ

моихъ функцій, вѣдалъ я и кормилъ ихъ, какъ могъ и умѣлъ, изворачиваясь всякими средствами и пуская въ ходъ всю изобрѣтательность, на какую былъ способенъ. Скажу одно: въ общемъ они не голодали.

Въ отвѣтъ на мои заботы они привязались ко мнѣ, какъ дѣти, и уже впослѣдствіи, при случайныхъ походныхъ встрѣчахъ на бивакахъ и привалахъ, завидя меня издали, бросались ко мнѣ всей толпой, окружали, радовались, одѣляли меня яблоками изъ своихъ тощихъ солдатскихъ кармановъ.

Итакъ, надо было накормить и устроить моихъ пѣхотинцевъ, изнуренныхъ ночнымъ переходомъ. Иду на поиски. Въ томъ же домѣ нахожу большой театральный залъ съ фойэ и рестораномъ. Стѣны зрительнаго зала декорированы флагами разныхъ германскихъ государствъ и ихъ національными эмблемами. Должно быть, послѣднее, что было здѣсь, — какой-нибудь патріотическій вечеръ или праздникъ.

На сценѣ еще висѣлъ сдѣланный, видимо, къ случаю, ярко расписанный занавѣсъ: порталъ какого-то дворца, сверху на облакахъ цифра „1914“, на ступеняхъ дворца достаточно безвкусные толстоногіе и толстощекіе геніи съ трубами вѣнчаютъ лаврами дебелую молодую женщину въ шлемѣ, опирающуюся на мечъ,— надо полагать, Германію.

Одно изъ оконъ было выбито, и краски просырѣли и затекли.

Флаги съежились и повисли, какъ тряпки. Дебелая

женщина распустила губы, а толстощекіе геніи плакали сверху темными, грязными слезами.

Какой еще казармы для моихъ пѣхотинцевъ! Мигомъ въ залъ наносили сѣна изъ сараевъ на дворѣ, и вдоль одной изъ стѣнъ было устроено сплошное мягкое ложе.

Посреди зала составили ружья въ козлы.

Мнѣ не хотѣлось причинять вреда этому блѣдному поблекшему театральному великолѣпію.

„Братцы! Смотрите у меня. Со стѣнъ не рвать, ничего не трогать. Сѣна по залѣ не раскидывать. Будете спать, лежите рядкомъ, какъ барышни“.

Одно дѣло готово. Но надо сперва ихъ накормить. Посылаю троихъ въ огороды промышлять картофель и брюкву. Далъ нѣсколько рублей на покупку хлѣба у нѣмцевъ. Самъ отправляюсь въ нижній этажъ дома. Тамъ еще сначала запримѣтилъ я большой колоніальный магазинъ и съ мѣста поставилъ къ нему часового.

Захожу туда. Увы! Магазинъ смѣшанный, все больше мануфактура, галантерея, да желѣзные предметы. Однакожъ, пошаривъ, нахожу сало въ запаянныхъ жестянкахъ, штукъ десять банокъ съ мясными консервами и ящикъ отличнаго чаю.

Великолѣпно! У моихъ пѣхотинцевъ будетъ картофельная похлебка съ мясомъ и съ саломъ и почетверткѣ чаю въ придачу.

Отбираю сколько-нужно. Велю забрать. Надъ при-

лавкомъ приколачиваю гвоздемъ написанную чернильнымъ карандашомъ квитанцію:

Такого-то мѣсяца дня, 1914 года.

Взято для нуждъ россійской арміи:

Банокъ сала 4.

Банокъ консервовъ мясныхъ 10.

Пакетовъ съ чаемъ 28.

Прапорщикъ такой-то.

Выхожу спокойный. Теперь мои солдатики будутъ сыты.

Что же мнѣ дѣлать дальше? Иду къ себѣ въ номеръ. Денщикъ уже устроилъ постель. Развѣ соснуть? Но въ окна свѣтитъ яркое солнце, да и стоитъ ли ложиться на два часа. Мало ли сутокъ проводилъ я безъ сна на своемъ вѣку по всякимъ пріятнымъ и непріятнымъ причинамъ? Есть силы, не все ли равно?

Самое правильное, по-моему, побриться, что я упорно стремлюсь дѣлать ежедневно. Прошу денщика добыть у солдатъ кружку горячей воды. Приноситъ кружку горячаго чаю,—кипятку нѣтъ,—пѣхотинцы прямо вскипятили чай въ кухонномъ котлѣ ресторана. Что за бѣда,—побреюсь нѣмецкимъ чаемъ.

— Тащи другую. Изъ этой буду бриться.

Мой неуклюжій Лепорелло привыкъ къ моимъ чудачествамъ и все-таки считаетъ долгомъ, уходя, поворчать подъ носъ.

— Ну, ну, не бурчи! Я себя, а не тебя брею. А тебѣ бы полезно,—ты вотъ медвѣдь медвѣдемъ.

Костинъ уходитъ. Еще въ Россіи онъ купилъ машинку для стрижки, но почему-то бережетъ ее и не стригся ни разу, изъ-за чего и похожъ на существо пещернаго періода.

Я побрился, умылся, протеръ лицо одеколономъ, сѣлъ въ глубокое мягкое кресло у окна и курю, прихлебывая горячій чай. Мнѣ кажется, я отдохнулъ совершенно.

Генералъ вернулся съ военнаго совѣщанія и ушелъ къ себѣ въ номеръ прилечь. Адъютантъ съ другимъ прапорщикомъ тоже.

Все выяснилось. Мы выступаемъ въ пятомъ часу.

Пошелъ провѣдать пѣхотинцевъ. Они уже поѣли свою похлебку и завалились спать. Лежатъ себѣ чинно, рядкомъ, вдоль стѣны въ театральномъ залѣ, подъ нѣмецкими гирляндами и нѣмецкими флагами. У составленныхъ ружей часовой. Вѣтерокъ сквозь окно чуть колышетъ занавѣсъ съ героическимъ германскимъ апофеозомъ. Глубокая нѣжность къ этимъ одинокимъ стриженымъ затылкамъ охватываетъ меня.

Часовъ около пяти мы выступили изъ Мелаукена.

Ѣхали въ общей вереницѣ отступающихъ войскъ. Широкое шоссе, какъ всегда, съ деревьями по бокамъ. Въ сторону, сколько хватитъ взоръ, зеленыя равнины. Рѣже лѣса... Порой селенія съ черепичными красными кровлями въ зелени садовъ. Рѣзкіе, неправдоподобные силуэты вѣтряныхъ мельницъ, всегда вызывающихъ во мнѣ воспоминаніе о какихъ-то дѣтскихъ сказкахъ.

Гдѣ-то глухіе удары канонады. Это отходятъ съ боемъ болѣе южныя части нашихъ войскъ, уже настигнутыя непріятелемъ.

Вѣтви раскачиваются съ тревожнымъ и злобнымъ шумомъ. Холодно. Я поднялъ воротникъ моей валдайской шинели и отдаюсь своимъ мыслямъ.

Передо мною недостижимое, далекое. Думаю о единственно любимой, что, быть можетъ, плачетъ обо мнѣ по ночамъ и смотритъ въ темноту широко раскрытыми глазами. И другія проходятъ милыя, родныя мнѣ лица. И еще многіе, многіе друзья и враги.

Дремлю на сѣдлѣ подъ неторопливый ходъ моего коня. Явь заволакивается сномъ, и я брожу по его странно знакомымъ тропамъ, и странно близкіе и вмѣстѣ чуждые вижу образы, и блѣдныя руки тянутся ко мнѣ изъ тайнаго замка сновъ, прекраснаго и невозможнаго фантастическаго Орвіетто.

Съ усиліемъ открываю глаза. Впереди очертанія домовъ и между ними пылаютъ два круглыхъ электрическихъ глаза. Бѣлые ослѣпительные снопы свѣта пересѣкаютъ площадь,—въ нее вливаются и снова исчезаютъ сплошныя колонны войскъ.

Это огромный автомобиль начальника дивизіи.

Лошади косятся и храпятъ. Проѣзжаемъ яркимъ пространствомъ, щуря глаза отъ непривычно сильнаго свѣта. Еще немного, и снова дорога, и вѣтеръ, и луна.

Скоро останавливаемся. Въ этомъ районѣ назначенъ ночлегъ. Генералъ отправляетъ меня найти помѣ-

щеніе. Съ нами вмѣстѣ расположился одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ. Отправляемся вмѣстѣ съ полковымъ адъютантомъ на поиски. Скачемъ напрямикъ черезъ поле къ какимъ-то бѣлымъ зданіямъ, далеко видимымъ подъ луной.

Превосходно! Покинутый заводъ. Цѣлый рядъ просторныхъ каменныхъ сараевъ и складовъ, гдѣ легко умѣстится цѣлый полкъ. Рядомъ двухэтажный домъ владѣльца съ балконами и большимъ садомъ. Въ домѣ будутъ ночевать офицеры.

Черезъ двадцать минутъ у насъ въ домѣ есть три стола, штукъ восемь стульевъ, отличный бѣлый хлѣбъ, яйца и масло.

Натопили нѣсколько комнатъ.

Закусываю, пью чай и, укрывшись шинелями, мертвымъ сномъ засыпаю на полу, на свѣжемъ ворохѣ сѣна.

Утромъ разбудили, чѣмъ свѣтъ. Надо ѣхать съ приказомъ отъ генерала въ различные полки. Когда вернулся, все уже было уложено къ походу. Не досталось ни чаю, ни съѣстного. Что дѣлать! Дорогой постараюсь утѣшиться нѣмецкими яблоками.

Мы выѣзжаемъ. Отрядъ будетъ слѣдовать разными дорогами, въ общемъ параллельными другъ другу. Скоро я съ моими пѣхотинцами оказываюсь въ сторонѣ, на небольшомъ проселкѣ. Съ нами идетъ еще какая-то пѣшая команда съ прапорщикомъ. Къ вечеру я долженъ прибыть въ г. Краупишкенъ и явиться въ

мѣсто остановки штаба дивизіи, гдѣ къ тому времени уже будетъ нашъ генералъ.

Все ясно. Дорога по картѣ отмѣчена подробно. Никакихъ сомнѣній быть не можетъ.

День протекаетъ очень скоро. Голодъ нѣсколько заглушенъ яблоками изъ придорожнаго сада и жесткими, не очень съѣдобными, грушами.

Черезъ часъ отдѣльной боковой дорогой въѣзжаемъ въ Краупишкенъ и выбираемся на главную улицу.

Пока начальство совѣщается, болтаемъ съ прикомандированнымъ къ штабу моимъ товарищемъ по послѣднему учебному сбору прапорщикомъ А—вымъ, славнымъ юношей, на рѣдкость невоинскаго вида, съ добрыми, близорукими, ребячьими глазами, смотрящими изъ-подъ стеколъ очковъ. Юрочка (такъ его называютъ всѣ) угощаетъ меня шоколадомъ, который у него вѣчно во всѣхъ карманахъ, и чаемъ безъ сахару.

Наконецъ, генералъ выходитъ, и мы вмѣстѣ съ нашей пѣхотой, конными ординарцами, казаками и повозками переѣзжаемъ на другую окраину города, гдѣ генералъ рѣшилъ остановиться.

Въѣзжаемъ на большой дворъ какого-то полугородского, полусельскаго дома на окраинѣ. По сосѣдству на полѣ костры,—тамъ расположился какой-то полкъ.

Въ домѣ налаживается кофе и жарятъ яичницу. Думаю объ этомъ съ наслажденіемъ. Утромъ ни ѣсть, ни пить не пришлось. Днемъ яблоки и шоколадъ,— этого положительно мало.

Увы! Судьба упорно хочетъ пріучить меня къ воздержанію. Меня вызываетъ генералъ.

— Мы выступаемъ черезъ полтора часа. У меня сейчасъ будетъ совѣщаніе командировъ полковъ. Всѣ увѣдомлены, кромѣ полковника N. Поѣзжайте, найдите и пригласите немедленно ко мнѣ.

Сколько мнѣ извѣстно, N—ій полкъ долженъ былъ по прежнему расписанію стать на ночь бивуакомъ въ деревнѣ Б. Спрашиваю генерала для вѣрности, тамъ ли онъ находится.

— N—ій полкъ долженъ былъ, дѣйствительно, ночевать въ Б., но туда еще изъ города послано приказаніе пройти городъ и выйти на другую сторону. Идетъ онъ черезъ городъ или въ обходъ, я не знаю. Вы должны его найти.

Дѣлаю подъ козырекъ и выхожу.

Задача, по совѣсти, нелегкая. Городъ большой, раскиданный. Черезъ него проходитъ много дорогъ. Ни его, ни окрестностей не знаю. Тьма кромѣшная. Луна показывается изрѣдка и вновь исчезаетъ надолго.

Беру двухъ казаковъ и моего коннаго вѣстового. Одного казака посылаю въ одну сторону, самъ съ казакомъ и вѣстовымъ ѣду въ другую. Нахожу одну роту изъ нужнаго мнѣ полка, но она слѣдуетъ отдѣльно, и командиръ ея не знаетъ, гдѣ въ данный моментъ ихъ полкъ. Знаетъ только, что въ числѣ уже прошедшихъ мимо войскъ его полка нѣтъ.

Быстро ѣду въ другую сторону. Шоссе, впадающее

въ главную улицу, запружено. Чтобы облегчить путь, спускаюсь по откосу и пробую пробраться полемъ. Натыкаюсь на какія-то проволоки и канавы—приходится возвращаться. Пытаюсь пробиться по шоссе, гдѣ стоятъ въ два ряда повозки. Ругаюсь, проталкиваюсь, убѣждаю. Лошадь спотыкается, задѣваетъ оглобли, постромки, колеса.

Проходитъ всего около часу, пока послѣ невѣроятныхъ усилій мнѣ, наконецъ, удается добраться до полка, гдѣ я узнаю, что посланный мной казакъ только-что извѣстилъ полковника и онъ уже ѣдетъ къ генералу.

Слава Богу! Со спокойной душой ѣду назадъ. Теперь, наконецъ, можно взяться и за кофе.

Но кофе, положительно, неуловимъ. Весь уже выпитъ. Мы сейчасъ выступаемъ.

Ко мнѣ кидаются вѣстовые и мой денщикъ. Онъ еще болѣе всклокоченъ. У нихъ горе,—отказывается служить тарантасъ съ нашими вещами. Онъ долго кряхтѣлъ и въ самый неподходящій моментъ развалился. Что дѣлать? Неужели бросать вещи?

Какъ! Бросить мою кровать-чемоданъ остроумной системы „Дементъ", отъ которой у меня вѣчно ноютъ бока, и тамъ всѣ мои пожитки? Да никогда!

Быстро выкатываю какую-то старую нѣмецкую фурманку. Сейчасъ же перепрячь! Помогаю самъ. Въ пять минутъ все сдѣлано,—и во-время. Генералъ выходитъ, садится на коня и мы выступаемъ.

Еле движемся, медленно пробиваясь сквозь сплош-

ную вереницу людей и повозокъ, запрудившихъ неширокую дорогу.

Еще темно, но уже мутный брезжитъ предутренній сумеречный свѣтъ.

Усталыя лица людей кажутся землистыми и сѣрыми.

Блеснули первые лучи солнца. У околицы полуразрушеннаго селенія двадцатиминутный привалъ. Все тѣло ноетъ, голова кружится отъ усталости и голода. Слѣзаю съ коня и безсильно опускаюсь въ придорожную канаву.

Лежу лицомъ на влажной травѣ, нѣтъ силъ даже курить, по тѣлу разливается странное оцѣпенѣніе, какой-то упадокъ всѣхъ чувствъ.

Надо было видѣть, какъ захлопотали около меня мои вѣрные пѣхотинцы. Подложили подъ голову шинель, на какихъ-то щепкахъ мигомъ вскипятили мнѣ въ кофейникѣ чаю. Изъ скудныхъ своихъ солдатскихъ тайниковъ совали мнѣ яблоки, сухари, пару давно хранимыхъ измятыхъ печеныхъ яицъ и даже небольшой кусокъ копченаго сала.

Я выпилъ теплаго чаю съ огрызкомъ сахара, съѣлъ, размочивъ, пару сухарей и яйцо и вновь почувствовалъ себя бодрымъ и окрѣпшимъ.

Безхитростнаго солдатскаго участія, простой, идущей отъ сердца солдатской ласки я не забуду никогда.

Вотъ я въ сѣдлѣ, и мы снова движемся. День облачный, но пока еще съ солнцемъ. Было бы жарко, если бы не вѣтеръ. Подтягиваются отдѣльными груп-

пами отставшіе. Идемъ медленно и долго. Такое чувство, словно шли года и будемъ итти такъ до скончанія вѣка.

Справа впереди заговорили орудія. Еще далеко, но въ направленіи нашего движенія. Значитъ, нѣмцы, наконецъ, настигли насъ, выйдя намъ во флангъ, и наши главныя силы уже завязали бой.

Слава Богу! Лучше бой, чѣмъ эта нескончаемая дорога.

IV.

Словно малый корабль, затерянный въ необозримости моря, шелъ нашъ отрядъ ночью и днемъ въ полномъ порядкѣ съ обозами впереди, среди враждебной страны, перемогая усталость и лишенія. На десятиминутныхъ привалахъ, на двухчасовыхъ ночлегахъ люди валились на землю и спали какъ убитые, не въ силахъ думать о ѣдѣ. Всадники спали на коняхъ, артиллеристы на передкахъ и зарядныхъ ящикахъ, но каждый понималъ, что надо было итти. И всѣ мы знали, что справа и слѣва, сзади и спереди, изъ каждаго куста, изъ каждой лѣсной опушки стережетъ насъ смерть.

Не было страха смерти, былъ только страхъ доставить многочисленному врагу удовольствіе раздавить насъ. И какъ всѣ движенія нѣмцевъ сводились къ одной цѣли — обойти и окружить насъ, такъ всѣ наши помыслы и желанія слились въ одно напряженное усиліе, въ одну повелительную мысль—пробиться и уйти, не доставивъ имъ слишкомъ легкой побѣды. Мы были готовы, если отступленіе будетъ отрѣзано, дорого продать свою жизнь, но было еще важнѣй сохранить сем-

надцать тысячъ жизней для родины, чтобы отдать ихъ ей въ болѣе нужную минуту.

Мы были одиноки, и злоба окружала насъ. Она дышала въ глазахъ встрѣчавшихся жителей нѣмецкихъ селеній, она сквозила въ ихъ злорадныхъ улыбкахъ и слишкомъ поспѣшныхъ поклонахъ. Днемъ—поклоны, а ночью—стрѣльба въ разъѣзды и пылающіе дома, поджигаемые нѣмцами, чтобъ обозначить нашъ путь.

О, эти лунныя ночи! По гладкому, какъ столъ, германскому шоссе въ суровомъ безмолвіи тянутся войска. Ни слова, ни возгласа. Только мѣрный стукъ колесъ и глухое погромыхиваніе тяжко катящихся орудій. Вѣтеръ жутко шумитъ въ листвѣ высокихъ старыхъ деревьевъ, двумя рядами окаймляющихъ дорогу. Вѣтви качаются, и лунные облики испуганно мечутся внизу. Вокругъ стелются невѣдомые шорохи и шелесты. Какъ будто духи разгнѣванной нашимъ вторженіемъ чуждой стихіи дрожатъ закипающей яростью и тянутъ къ намъ изъ бѣлаго луннаго тумана свои незримыя руки. Мы одни. Кругомъ насъ—бѣлый прозрачный туманъ, бѣлое мертвое зыблющееся море.

На третій день непріятель, шедшій наперерѣзъ, настигъ насъ подъ деревней К., выйдя намъ въ правый флангъ, и намъ пришлось принять арьергардный бой.

Около двухъ часовъ дня, когда, исполняя данное мнѣ порученіе, я въѣхалъ въ небольшую деревню за $1^1/_2$ версты до К., меня охватила атмосфера преддверія боя. Столпившіяся вереницы повозокъ, сумрачно и

стройно уходящая пѣхота, быстро улетающія куда-то впередъ сотни казаковъ съ наклоненными пиками, вѣтеръ, вздымающій бѣлую пыль, тревожныя лица скачущихъ ординарцевъ и надъ всѣмъ этимъ висятъ глухіе удары пушечной канонады тамъ, впереди, за К., гдѣ на ярко-зеленомъ фонѣ бѣлѣютъ какія-то зданія.

Начальникъ отряда былъ уже въ К. Я поскакалъ туда съ коннымъ ординарцемъ доложить, что данное мнѣ приказаніе исполнено. Полторы версты по открытому шоссе, и я въ К.

Красивое селеніе на двухъ холмахъ. Дома утопаютъ въ садахъ. На одномъ изъ холмовъ бѣлый господскій домъ съ обширнымъ паркомъ. Черезъ оба холма главная улица. Между холмами внизу ручей съ мостомъ и за нимъ небольшая площадь. Отъ нея изъ деревни уходитъ шоссе. За нимъ впереди деревни идетъ бой.

Проѣзжая черезъ опустѣвшій паркъ, я увидѣлъ на измятомъ копытами гравіи дорожки сломанное серсо и большой голубой резиновый мячъ.

Два дня назадъ, когда дѣти играли въ паркѣ и тихо позванивали на закатѣ колокольчики бредущихъ къ дому коровъ, знала ли ты, мирная нѣмецкая деревня, съ поцѣлуйнымъ именемъ, что скоро твои зеленѣющіе сады, твои тихія поля будутъ вспаханы взрывами тяжелыхъ снарядовъ и опустошительный смерчъ опалитъ тебя багровымъ дымомъ и дыханіемъ летящаго свинца?

Цѣлый день богъ войны пламенѣлъ яростно надъ К. и его окрестностью. Весь этотъ безпощадный день

стоитъ въ моей памяти, какъ живой. Большую часть того, что было, видѣлъ я самъ, подробности знаю отъ очевидцевъ и участниковъ.

Около трехъ часовъ дня въ деревню влетѣлъ огромный открытый автомобиль съ начальникомъ дивизіи,—сѣдымъ, но бодрымъ генераломъ. Въ теченіе часа онъ объѣзжалъ наши позиціи, подъ сильнымъ шрапнельнымъ огнемъ, останавливаясь возлѣ передовыхъ частей и благодаря солдатъ за честную службу. Въ группѣ стоявшихъ у штаба офицеровъ мнѣ пришлось слышать выраженія неудовольствія по поводу того, что начальникъ части рискуетъ жизнью, бравируя опасностью какъ молодой офицеръ, только что выпущенный изъ полка.

Въ четыре часа дня нашъ полковникъ, командиръ артиллерійской бригады, поѣхалъ осмотрѣть работу нашихъ батарей, уже съ полудня громившихъ непріятеля. Съ нимъ отправились трое,—я, его адъютантъ и еще одинъ офицеръ. Выбравшись изъ деревни, мы быстро проѣхали по обстрѣливаемому шоссе и, свернувъ въ сторону, оказались на обширномъ низменномъ полѣ, гдѣ стояли резервные, зарядные ящики нашихъ батарей. Въ это время надъ резервами стали рваться непріятельскія шрапнели.

Еще нѣсколько минутъ, и стройные ряды зарядныхъ ящиковъ подъ отчетливую команду мѣрнымъ шагомъ выѣхали на позицію. Оттуда, несмотря на огонь, они уже не тронулись до конца боя. Между тѣмъ неда-

леко впереди неумолкаемо грохотали наши батареи. Вся тяжесть непріятельскаго огня легла изъ нихъ на первую. Надъ ней взвивались облака дыма и полыхали огни отъ разрывовъ непріятельскихъ снарядовъ. Глядя со стороны, было видно, какъ на небольшой квадратъ земли стремится съ неба какъ бы густой рой огромныхъ огненныхъ пчелъ, и было странно думать, что на этомъ кускѣ земли можетъ остаться какое-нибудь живое существо.

Командиръ батареи капитанъ Ф—въ былъ сбоку отъ нея на небольшомъ кладбищѣ, гдѣ стоялъ одинокій красный домикъ. Тамъ находился наблюдательный пунктъ, и оттуда командиръ управлялъ стрѣльбой. Тамъ же былъ командиръ дивизіона, руководившій стрѣльбой всѣхъ трехъ нашихъ батарей.

Бой пришлось принять въ той обстановкѣ, въ какой засталъ насъ непріятельскій огонь, и ни о какихъ окопахъ и особыхъ прикрытіяхъ думать было некогда. Вскорѣ послѣ начала боя, часа черезъ два, капитанъ Ф—въ былъ раненъ пулей въ грудь на вылетъ.

Поддерживаемый солдами, полуумирающій, высокимъ напряженіемъ воли онъ продолжалъ дѣлать наблюденія и отдавать команду въ теченіе 15 минутъ.

Вторая пуля, попавъ ему въ ротъ, пресѣкла его жизнь.

Славная смерть! Боже, прими его душу въ селеніяхъ праведныхъ! Онъ умеръ, какъ герой, и послѣдній вздохъ свой, послѣднюю каплю крови, послѣднее движеніе разума отдалъ родинѣ.

Я хотѣлъ бы сказать его близкимъ: не плачьте, онъ не умеръ, онъ будетъ жить въ памяти нашей, и его имя будетъ служить незабываемымъ примѣромъ высокой воинской доблести.

Тѣло капитана Ф. внесли въ близлежащій домикъ, скоро онъ загорѣлся отъ ударившаго туда снаряда и долго пылалъ этотъ погребальный костеръ, раздуваемый вѣтромъ. Тѣло храбраго не досталось врагу.

Убитаго командира первой батареи смѣнилъ старшій офицеръ. На его долю выпало вынести на себѣ большую часть этого долгаго дня. Занятый непріятелемъ лѣсъ, находившійся впереди батареи, словно неистощимый муравейникъ, высылалъ противъ насъ все новыя и новыя части. Вотъ, прикрываемая огнемъ еще невидимой нами непріятельской артиллеріи, вытянулась изъ лѣса нѣмецкая батарея и стала заворачиваться на рысяхъ, чтобы открыть огонь. Но ей не удалось этого сдѣлать. Минутная, но точная пристрѣлка, нѣсколько мѣткихъ очередей бѣшенаго огня, и непріятельская батарея была разгромлена, не сдѣлавъ ни единаго выстрѣла. Жалкіе остатки ея, нѣсколько отдѣльныхъ людей нашли спасеніе въ лѣсу. Высунулись, было, съ лѣвой стороны лѣса нѣсколько эскадроновъ непріятельской кавалеріи, но мѣткіе залпы заставили ее укрыться обратно, уйдя съ поля нашего зрѣнія. Тотчасъ лѣсъ былъ обстрѣлянъ нами въ этомъ направленіи, ступенями, и скоро казачій разъѣздъ, проѣхавшій мимо лѣса съ невидной нашимъ стороны, донесъ, что

на его глазахъ непріятельскіе эскадроны превратились въ безформенную груду людей и лошадей.

Изъ лѣса двигались новыя силы. Двѣ колонны пѣхоты выступили оттуда въ обходъ нашего праваго фланга и подъ убійственнымъ огнемъ нашихъ орудій двинулись къ батареѣ. Наши снаряды укладывали ихъ сотнями, и часть ихъ обратилась въ бѣгство. Но другая упорно продвигалась впередъ, пользуясь мелкими овражками между лѣсомъ и батареей. Тамъ залегли густыя непріятельскія цѣпи.

Свинцовый градъ хлесталъ по щитамъ и металлическимъ частямъ нашихъ орудій.

Лежавшая впереди, какъ прикрытіе, наша пѣхотная цѣпь, убавившись наполовину, отошла и очутилась на самой батареѣ. Непріятельская пѣхота была менѣе чѣмъ въ 300 саженяхъ, нашимъ орудіямъ приходилось стрѣлять при самомъ короткомъ технически-возможномъ прицѣлѣ. На батареѣ царилъ настоящій адъ. Непрерывный ружейный огонь подступающей непріятельской пѣхоты, смертельный дождь спрятавшихся въ лѣсной опушкѣ нѣмецкихъ пулеметовъ и грозные удары до сихъ поръ необнаруженной далеко стоящей тяжелой германской артиллеріи. На батарею съ оглушительнымъ грохотомъ сыпались огромныя бризантныя гранаты, вырывая цѣлыя ямы и окутывая все кругомъ чернымъ ѣдкимъ дымомъ. Минутами среди орудій воцарялась тьма и отъ одного орудія было не видно другого.

Батарея была въ опасности.

Но новый командиръ ея не растерялся. Скромный и застѣнчивый въ жизни, здѣсь въ бою онъ былъ стремительный, горячій и веселый. Контуженный въ плечо и ногу, не укрываясь за щитами, онъ быстро переходилъ отъ одного орудія къ другому, видный врагамъ во весь свой ростъ, ободряя солдатъ шутками и остротами. Видя близко наступающую нѣмецкую пѣхоту, онъ бросился къ своимъ пѣхотинцамъ, бывшимъ уже на батареѣ и позади батареи: „Ребята! Неужели отдадите нѣмцамъ русскую артиллерію! Стыдно вамъ будетъ! За мной, молодцы! Въ штыки!“. И ободренная пѣхота вмѣстѣ съ артиллеристами бросилась впередъ бѣгомъ съ громовымъ „ура“. И такова была бѣшеная стремительность ея напора, что въ двадцати шагахъ отъ нея нѣмцы не выдержали и обратились въ паническое бѣгство. Нѣсколько минутъ, — и все поле впереди до самаго лѣса опустѣло. Только груды нѣмецкихъ труповъ обозначали путь отступившаго непріятеля.

Оставивъ пѣхотныя цѣпи впереди, новый командиръ вернулся на батарею, и снова завязалъ правильный артиллерійской бой съ далекой нѣмецкой артиллеріей. Его поддерживали двѣ другихъ нашихъ батареи...

Между тѣмъ отвѣтная непріятельская стрѣльба ослабѣвала. Надвигалась ночь. Быстро темнѣло, и само небо, одѣтое тучами, какъ-будто хотѣло прекратить кровопролитіе.

Былъ полученъ приказъ отходить. На батареѣ было убито около 100 лошадей и около трети людей. Когда

эобрали наличныя запряжки, ихъ хватило только на четыре орудія. Остальныя вывезли на рукахъ и такъ катили болѣе версты до близлежащаго шоссе. Отправивъ четыре первыхъ орудія по назначенному пути на уменьшенномъ числѣ запряжекъ, командиръ подъ покровомъ темноты съ нѣсколькими запряжками и двумя десятками артиллеристовъ и случайныхъ пѣхотинцевъ вернулся за остальными и увезъ ихъ по направленію К. Жестокій пулеметный огонь застигъ ихъ на дорогѣ. Немногимъ изъ этихъ храбрецовъ удалось вернуться. Поздней ночью командиръ и двое—трое уцѣлѣвшихъ присоединились къ ушедшей впередъ батареѣ. Его беззавѣтной отвагѣ дивился весь отрядъ. Счастливо войско, гдѣ есть такіе офицеры.

Была темная ночь. К. опустѣлъ. Выступившія части были уже далеко впереди. Только въ одномъ домѣ еще свѣтилъ огонь. Тамъ оставались, желая пропустить всѣ войска и уйти послѣдними, генералъ, начальникъ отряда, командиръ артиллерійской бригады и нѣсколько офицеровъ. У дома стоялъ эскортъ—три десятка казаковъ.

Я получилъ приказъ стать у площади между холмами съ пятью казаками, чтобы указывать отставшимъ дорогу.

Темная, безлюдная площадь. Сбоку мостикъ, надъ которымъ нависли деревья. Подъ ними стоимъ мы. Впереди въ полуверстѣ пылаетъ зажженный домъ, четкимъ факеломъ рисуясь на багровѣющемъ горизонтѣ. Въ

деревнѣ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ загорѣлся другой, подожженный, какъ всегда бывало это, нѣмецкими шпіонами. Клубы пламени и рои золотыхъ искръ, летящихъ въ черное небо. И отъ этого еще гуще и безпросвѣтнѣй темнота подъ деревьями.

Слышны шаги! Казаки насторожились. Ихъ низкорослыя лошади словно срослись съ землей, точно присѣли, готовясь къ прыжку... Минута ожиданія!.. „Кто идетъ?"—„Свои", слышится изъ темноты. Это уходятъ отставшіе и бредутъ легко-раненые.

Вотъ прошли послѣдніе. Больше никого... Только ночь, только безлюдье, трескъ горящихъ домовъ и таинственная чернота, глядящая тысячью враждебныхъ глазъ. За деревней дробный трескъ пулеметовъ и грузное пыхтѣніе блиндированныхъ автомобилей. Это непріятель шагъ за шагомъ занимаетъ оставленныя позиціи, осторожно продвигаясь въ темнотѣ и прощупывая пулеметнымъ огнемъ пространство передъ собою.

— Ваше благородіе! Доложите генералу. Пора уходить. Сейчасъ нѣмецкіе разъѣзды займутъ деревню,—шепчутъ около казаки. Они опытны въ ночныхъ дѣлахъ и знаютъ хорошо, что при отступленіи нѣмцы идутъ по пятамъ, и кавалерійскіе ихъ разъѣзды черезъ часъ послѣ нашего ухода уже будутъ шнырять во всѣ стороны по очищенной нами мѣстности. Ѣду докладывать. Въ покинутомъ жителями домѣ, въ маленькой комнатѣ, должно быть, столовой начальника здѣшней почты, молча сидитъ, нагнувшись надъ картой и прихлебывая

*

кофе, генералъ — начальникъ отряда. Невозмутимый шведъ, точный и неторопливый, суровый и твердый, какъ сталь. Докладываю, что войска ушли въ путь, всѣ отсталые прошли, имъ указана дорога, больше нѣтъ никого, огонь пулеметныхъ автомобилей приближается къ деревнѣ и по указаніямъ казаковъ надо ждать появленія непріятельскихъ разъѣздовъ.

— Хорошо. Благодарю васъ. Не хотите-ли кофе, прапорщикъ? Франко, еще кофе.

Проворный генеральскій вѣстовой Франко несетъ стаканъ чернаго кофе. Пью съ наслажденіемъ горячую влагу.

Опять молчаніе. Оно кажется безконечнымъ. Дремлю отъ усталости, сидя на стулѣ. Прошло еще минутъ двадцать.

— Ну, кажется, можно ѣхать, — сказалъ генералъ, подымаясь.

Въ совершенной темнотѣ, двумя группами, мы покинули К. Одной дорогой поѣхалъ начальникъ отряда со своимъ адъютантомъ, 2—3 офицерами и двумя десятками казаковъ, другою—командиръ артиллерійской бригады, съ нимъ его адъютантъ, я и десять казаковъ.

Намъ предстоялъ перегонъ верстъ 12 — 14. Сперва было темно, какъ въ могилѣ, послѣ моментами луна выплывала изъ-за рваныхъ тучъ и освѣщала шоссе. гдѣ мы ѣхали подъ сводами старыхъ вѣковыхъ деревьевъ. Иногда въ лунномъ свѣтѣ мы видѣли неподвижныя тѣла, простертыя по сторонамъ дороги. Сходили съ ко-

ней, смотрѣли. Это отставшіе солдаты: ихъ на ходу сморила усталость, и они спали мертвымъ сномъ, тамъ, гдѣ свалились. Мы расталкиваемъ ихъ, приказываемъ итти дальше.

Вотъ кто-то стонетъ у дороги. Кто это? Спѣшиваемся, подходимъ. Нашъ солдатикъ съ размозженной ногой,—вмѣсто ноги какіе-то лохмотья. Непонятно, какъ онъ могъ добрести сюда. Устраиваемъ его на какую-то случайно подъѣхавшую, тоже отставшую телефонную двуколку и ѣдемъ дальше.

Меня клонитъ неодолимый сонъ. Чувствую, что спать нельзя, что кругомъ опасность, что надо ѣхать и все-таки сплю. Усиліемъ воли заставляю себя открыть слипающіеся глаза и ѣду дальше.

И снова зеленые своды, и силуэты всадниковъ, и лунные трепещущіе облики, и вновь темнота.

Вотъ все куда-то отходитъ, уплываетъ. Яркій солнечный день... я у себя на дачѣ играю въ лаунъ-теннисъ. Летятъ мячи. Только мнѣ лѣнь отбивать удары. И откуда этотъ пронизывающій холодъ?

Я очнулся.

Свѣтитъ луна, но подъ густыми вѣтвями деревьевъ полутьма. Лошадь дремлетъ, уткнувшись носомъ въ дерево. Со мной никого. Я прислушиваюсь... Ни голосовъ, ни звука копытъ. Въ какую сторону ѣхать?.. Вынувъ компасъ, при лунномъ свѣтѣ пытаюсь опредѣлить направленіе. Рѣшаю,—направо.

Скачу, какъ только можетъ усталая лошадь. Версты

черезъ три вижу конныхъ впереди. Это нашъ маленькій отрядъ.

Догоняю. Ѣдемъ въ молчаніи. Кругомъ тишина. Еще полчаса, и копыта нашихъ коней звонко застучали по вымытымъ дождемъ каменнымъ плиточнымъ мостовымъ.

Это покинутый жителями, разгромленный артиллеріей мертвый городъ Пилькаленъ.

V.

Было странно и дивно зрѣлище, представшее глазу.

Передъ нами была раскрыта на яву въ жуткомъ своемъ неправдоподобіи страница изъ фантастическаго романа Уэльса съ описаніемъ европейскаго города, разрушеннаго во время войны между народами земли и, прилетѣвшими на тяжелыхъ своихъ воздушныхъ корабляхъ, обитателями Марса.

Крыши двухэтажныхъ домовъ, сбитыя на бокъ и скоробившіяся, какъ листы папиросной бумаги, отслоившіеся отъ каменной толщи балконы, еле держащіеся въ воздухѣ, точно висящіе на какой-то невидимой нити.

Высокіе, прокопченные пожаромъ ѳасады, дико смотрящіе безглазыми своими окнами и огромными, круглыми пробоинами отъ снарядовъ.

Дома, въ которыхъ рука злораднаго волшебника вынула цѣлую стѣну, обнаруживъ скрытый интимъ жилищъ,—тамъ вѣтеръ раскачиваетъ люстры и стонетъ въ струнахъ полуразбитаго рояля.

Какія-то башни безъ верха, покосившіяся на бокъ и чудомъ стоящія подъ совершенно невѣроятнымъ угломъ.

Или уже сбываются пророчества поэтовъ и близится время, когда дикіе звѣри будутъ рыскать свободно по стогнамъ опустѣлыхъ городовъ и некому будетъ развернуть пожелтѣлые въ заброшенныхъ хранилищахъ фоліанты, накопленные мудростью столѣтій?

„О городъ! Будетъ день, и плющъ завьетъ палаты,
Сползетъ на улицы, гдѣ шумъ заботъ умолкъ,
И будетъ жить въ тебѣ лишь коршунъ, гость крылатый,
Да пестрая змѣя, да стражъ развалинъ—волкъ“.

Ѣдемъ по безлюднымъ улицамъ, по опустѣлымъ площадямъ, мимо бульваровъ, усыпанныхъ опавшими листьями, пробираемся между вывороченными плитами и поваленными телеграфными столбами.

Городъ кончается. На окраинѣ высокій трехэтажный домъ съ ярко освѣщенными окнами. Какъ странны признаки живой жизни на этомъ огромномъ залитомъ луною кладбищѣ!

Подъѣзжаемъ ближе. Фонарь у подъѣзда освѣщаетъ флагъ съ краснымъ крестомъ. Въ подъѣздѣ караульный.

Въ этомъ домѣ госпиталь нѣмецкаго Краснаго Креста. За время, что весь край былъ въ нашихъ рукахъ, туда добавилось нѣсколько русскихъ врачей, и теперь тамъ лежатъ одинаково и русскіе и нѣмецкіе раненые.

Пока полковникъ разговариваетъ съ врачами, а князь К. клюетъ носомъ на скамейкѣ въ корридорѣ, я и нашъ четвертый спутникъ отправляемся искать мѣсто для ночлега.

Луны не видно,—темнота и мелкій моросящій дождь. Безплодно обходимъ нѣсколько домовъ, — обугленныя стѣны, въ рѣдкихъ сохранившихся домахъ черныя окна и запертыя двери.

Наконецъ находимъ одинъ, какъ будто обитаемый: черезъ окно, когда приблизишь электрическій фонарь, видна мебель въ порядкѣ и чистые половики. Входимъ въ подъѣздъ и звонимъ. Дома не открываетъ никто. Звонимъ еще: наконецъ, сквозь стеклянную дверь, освѣщаемую нашимъ фонаремъ, видимъ угрюмую заспанную толстую физіономію съ усами.

Просимъ его черезъ дверь пустить насъ ночевать. Отказываетъ, ссылаясь на какое-то постановленіе мѣстнэго магистрата. Какъ, въ этомъ обширномъ мавзолеѣ есть еще магистратъ? Ну, Богъ съ нимъ! Не ломать же двери, махаемъ рукой и уходимъ.

Вернувшись въ госпиталь, разсказываю о неудачныхъ поискахъ. Было два часа ночи, наши войска, уже расположившіяся подъ городомъ, выступаютъ въ 5 часовъ. Для нашего сна осталось не болѣе двухъ съ половиной.

Доктора, нѣмецкій и русскій, посовѣщавшись, предлагаютъ намъ ночевать въ госпиталѣ.

Насъ проводятъ въ свободную комнату, на полу ворохъ сѣна, на немъ нѣсколько мягкихъ подушекъ, даютъ пару обширныхъ одѣялъ.

Нѣмецкія сестры милосердія приносятъ кофе и бутерброды. Пока мы пьемъ, русскій докторъ разсказываетъ о здѣшнихъ порядкахъ.

Здѣсь въ этомъ госпиталѣ все сложилось на рѣдкость задушевно и просто. Доктора и сестры (послѣднія все нѣмки) работаютъ дружно и совѣстливо, не раздѣляя раненыхъ на своихъ и чужихъ,—ухаживаютъ одинаково за всѣми.

— Здѣсь у насъ нѣтъ враговъ и друзей, есть только страдающіе люди.

Съ большой похвалой нашъ врачъ отзывался о нѣмецкихъ сестрахъ милосердія, работавшихъ въ госпиталѣ.

Мнѣ лично доводилось слышать и о противоположныхъ случаяхъ. Но къ врагу надо быть справедливымъ еще болѣе, чѣмъ къ себѣ.

Будемъ надѣяться, что, когда духовно опустившійся и одурманенный самомнѣніемъ германизмъ будетъ сокрушенъ, нѣмецкій народъ найдетъ въ себѣ источники внутренняго очищенія.

Въ госпиталѣ было все тихо, когда, проспавъ мертвымъ сномъ два часа, мы встали въ половинѣ пятаго и въ шестомъ часу еще въ полутьмѣ выступили изъ мертваго города, затянутаго сѣткой мелкаго дождя. Ѣду рядомъ съ моимъ четвертымъ ночнымъ спутникомъ, ядовитымъ, скептическимъ и сардоническимъ штабсъ-капитаномъ С.

Онъ говоритъ, что у него въ плечѣ ревматизмъ и оно ноетъ отъ дождя, а я дразню его, развертывая передъ нимъ образы цвѣтущей Италіи и озареннаго солнцемъ юга. Хорошо въ жаркій безоблачный день, въ свѣтломъ

костюмѣ полулежать въ глубокомъ плетеномъ креслѣ гдѣ-нибудь на Лидо, на верандѣ у моря, видѣть блистательную синюю даль и потягивать черезъ соломинку какой-нибудь сложный коктэль съ явнымъ преобладаніемъ мандариноваго ликера.

Мой собесѣдникъ отвѣчаетъ добродушными колкостями на своей характерной полупонятной скороговоркѣ.

Но Лидо и мандариновый ликеръ далеко, вмѣсто синей—сѣрая даль съ огоньками разрывовъ, насъ обоихъ одинаково пронизываетъ рѣжущій вѣтеръ и свирѣпо поливаетъ дождь. Миримся на этомъ и дружно съѣдаемъ плитку размякшаго шоколаду и пару достаточно раскисшихъ яблокъ, хранившихся у него въ сѣдельной сумкѣ.

Будемъ живы, Италія не уйдетъ. Дорога все тянется... Сожженныя селенія, темныя поля, брошенные старые окопы.

Переходъ былъ ничѣмъ не примѣчателенъ. Нѣмцы нѣсколько отстали, яростно борясь съ русскими дорогами. Наше движеніе совершалось вполнѣ спокойно.

Лишь у Нѣмана нѣмцы нагнали наши послѣдніе отряды.

Остановивъ колонну въ ожиданіи приказаній свыше, полковникъ послалъ меня съѣздить къ обрыву и донести объ обстановкѣ.

Скачу къ берегу напрямикъ, минуя какія-то строенія и деревья, заслоняющія даль, и осаживаю лошадь у края обрыва.

Передо мною, съ огромной крутизны, точно съ зрительной башни колоссальной панорамы, раскинулось видимое все сразу величественное и грозное зрѣлище боя.

Сходитъ вечеръ. Надъ рѣкой и надъ нашимъ берегомъ тучи, вдали по ту сторону ясная закатная полоса.

Внизу въ плоскихъ песчаныхъ берегахъ широкая водная лента съ двумя узкими перемычками, понтонными мостами. По ту сторону съ мелколѣсныхъ холмовъ длинными колоннами спускаются къ переправѣ наши войска. У вершины холмовъ отстрѣливается арьергардъ.

Надъ берегомъ вспыхиваютъ огни и плывутъ бѣлыя облачки высоко разрывающихся нѣмецкихъ шрапнелей.

Съ высотъ нашего берега, черезъ рѣку и черезъ головы отступающихъ войскъ, бьютъ непріятеля тяжелый мортирный дивизіонъ и одна батарея изъ сосѣдняго нашего отряда. Громовой гаммѣ ихъ выстрѣловъ всякій разъ секундъ черезъ двадцать отвѣчаетъ глухая гамма отъ разрыва нашихъ снарядовъ надъ нѣмецкими войсками, и тамъ, вдали, возникаетъ правильная вереница ихъ вспышекъ и бѣлыхъ дымковъ.

Въ мгновенные промежутки между рвущими землю ударами тяжелыхъ орудій слышно, какъ стучатъ за рѣкой, подобно цѣпамъ на гумнѣ, безпокойные пулеметы и трещитъ хаотическими переливами ружейная перестрѣлка.

Вдали загораются пожары, и багровые клубы дыма восходятъ къ небесамъ.

Наши войска съ того берега вступаютъ на мостъ и начинаютъ переправу. Съ нашего берега по другому мосту быстро идетъ пѣхота. Это оставленный нашимъ отрядомъ полкъ идетъ на поддержку. За ними скоро тронулась артиллерія. Это наша третья батарея. Вотъ она переходитъ мостъ, сворачиваетъ направо и начинаетъ подниматься вдоль берега, извилиной межъ холмами, чтобы занять укрытую позицію.

Я смотрѣлъ, какъ зачарованный. Съ моей горы бой открывался мнѣ въ своемъ декоративномъ, не затуманенномъ подробностями, почти отвлеченномъ величіи, какимъ можно видѣть его иногда на батальныхъ полотнахъ старыхъ мастеровъ.

Гляжу на часы. Надо спѣшить. Прошло ужъ не мало времени. Скачу назадъ. Минутъ черезъ сорокъ догоняю отрядъ, которому велѣно продолжать путь, и присоединяюсь къ полковнику.

Ѣдемъ долго. Накрапываетъ дождь и вновь утихаетъ Небо въ тучахъ. Темнѣетъ. Беремъ изъ литовской деревни проводника. Ночлегъ назначенъ въ маленькомъ селеніи. Къ нему ведутъ сплошь проселочныя лѣсныя дороги,—безъ проводника пропадешь.

Ѣдемъ съ полковникомъ и княземъ въ авангардѣ.

Лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ... Ночь внезапно бросаетъ на міръ черные свои покровы. Не видно ничего. Слабые лучи карманныхъ электрическихъ фонарей, безсиль-

ные, жадно поглощаются обступившей чернотой. Въ невѣрномъ ихъ озареніи возникаютъ на мигъ то голова лошади, то сѣдые усы идущаго у стремени проводника, то черная масса пѣхоты и зыбкіе ея штыки.

Длинныя лапчатыя вѣтви задѣваютъ лицо и тѣло, точно чьи-то руки протягиваются и хватаютъ, чтобъ удержать.

Переходимъ вбродъ ручьи и лѣсныя рѣчки. Лошадь то карабкается вверхъ, то вдругъ скользитъ ногами, куда-то спускаясь. Внизу журчитъ и хлюпаетъ вода.

Кажется, мы всѣ—волна, изливающаяся въ черную пропасть, втягиваемая водоворотомъ въ какой-то безконечный, бездонный провалъ.

Лѣсъ кончается! Выходимъ на твердую землю. Наверху скорѣе чуется, чѣмъ видится небо.

Движемся дальше. Подъ копытами коней наѣзженная дорога. Свѣтъ фонарей упирается въ какіе-то заборы.

Проводникъ, старый николаевскій солдатъ, привелъ вѣрно и на вопросы довольнымъ голосомъ отвѣчаетъ:

— Такъ, пане! Такъ, пане.

Черезъ четверть часа мы въ просторной литовской избѣ. Хозяинъ, тоже старый солдатъ, тащитъ яблокъ и молока.

Ординарцы хлопочутъ о чаѣ.

Засыпаю сладко въ деревянной, похожей на ящикъ кровати, на свѣжемъ сѣнѣ, покрывшись шинелью, съ фуражкой подъ головой.

Когда на другой день я проснулся, былъ ясный солнечный день. Я вышелъ умыться. Голубое небо, легкій вѣтерокъ. Кругомъ шумитъ пробуждающійся бивакъ. Снуютъ солдаты. Кипятъ на кострахъ котелки. Пріятное извѣстіе: къ вечеру изъ обоза къ намъ вернутся денщики и вещи. Завтра утромъ у меня будетъ вдоволь папиросъ, чистое бѣлье и я буду бритымъ.

Еще нѣсколько дней спокойнаго пути, непотревоженнаго непріятелемъ. Сравнительно недлинные, только дневные переходы. Литовскія деревни съ головоломными именами. Жареныя куры. Спѣлыя яблоки. Часовые привалы въ полѣ, гдѣ такъ пріятно раскинуть усталое тѣло на буркѣ и похлебать горячаго супа, принесеннаго изъ солдатскаго котла, въ кругу дружественныхъ офицеровъ.

Третья батарея, оставленная у Нѣмана, догнала насъ черезъ день вмѣстѣ съ бывшимъ съ нею полкомъ. Она принесла тяжелое извѣстіе. Не стало ея командира, капитана Г—ь.

Этотъ милый, ласковый человѣкъ, задушевный, тонко-интеллигентный, еще нѣсколько дней передъ тѣмъ долго говорившій со мною о любимой имъ музыкѣ и о своихъ заграничныхъ поѣздкахъ, стоитъ передо мною какъ живой, съ своей раздвоенной каштановой бородкой и кроткими глазами. Отправивъ батареѣ приказаніе стать на позицію, онъ ушелъ впередъ искать наблюдательный пунктъ увѣренно и неторопливо, какъ все, что онъ дѣлалъ. Ушелъ,—и не вернулся

Скоро было получено извѣстіе, что онъ тяжко раненъ четырьмя пулями въ грудь и отнесенъ на другой берегъ на перевязочный пунктъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ. Тамъ онъ ночью скончался.

Богъ приметъ его ласково въ своемъ небесномъ чертогѣ, когда онъ придетъ туда съ четырьмя кровавыми знаками на груди, и скромные, какъ онъ, полевые цвѣты будутъ каждое лѣто, гдѣ-нибудь на высокомъ берегу Нѣмана, цвѣсти на его безвѣстной могилѣ.

Въ день, когда дали были окутаны туманомъ, подъ проливнымъ дождемъ, мокрые до послѣдней нитки, мы въѣхали въ большой русскій укрѣпленный городъ, гдѣ нашему отряду было суждено простоять на отдыхѣ цѣлыхъ двадцать дней.

VI.

Непривычно спокойная жизнь... Мирное, къ лѣни располагающее сознаніе, что непріятель даже разъѣздами не подходитъ ближе двадцати пяти верстъ... Обѣды въ единственномъ незакрывшемся ресторанѣ... Хожденіе въ единственный кинематографъ съ картинами пятилѣтней давности... Ставшая „военнымъ клубомъ" кофейня съ сладкими пирожками на сомнительномъ маслѣ... Прогулки по надоѣвшей главной улицѣ и покупка втридорога всякаго хлама въ маленькихъ еврейскихъ магазинахъ... Унылые толки о томъ, что мы простоимъ здѣсь до самаго конца войны. Потомъ внезапный приказъ, и мы снова въ пути.

Батареи уже двинуты съ пѣхотными полками,— частью по желѣзной дорогѣ, частью походомъ. Полковникъ К., нашъ командиръ, за день до приказа уѣхалъ на пять дней въ служебную командировку,—ему послана телеграмма съ извѣстіемъ о внезапномъ выступленіи.

Князь К., его адъютантъ, и я, его ординарецъ, сопровождая временно командующаго, выѣзжаемъ изъ крѣпости поѣздомъ, съ послѣднимъ эшелономъ.

Поздней ночью мы прибываемъ на большую станцію,

П.,—дальше путь испорченъ только-что отступившими нѣмцами. Ночевать будемъ въ вагонѣ.

Я накинулъ шинель и вышелъ наружу.

Холодно. Темное небо. Звѣздъ не видно. На путяхъ у станціи красными змѣями извивается факелъ, раздуваемый рѣзкимъ вѣтромъ.

Изъ тьмы выплываетъ станціонное зданіе со слѣдами разрушенія.

У факела сгрудились черныя тѣни. Подхожу ближе. Толпа солдатъ разсматриваетъ бѣлую рубашку тонкаго полотна съ большими пятнами крови. На ней мѣтка съ короной. Это рубашка князя Олега Константиновича. Онъ тяжело раненъ во время конной развѣдки, его привезли на станцію, сдѣлали перевязку, и только-что отправили, почти умирающаго, дальше съ докторомъ въ особомъ вагонѣ. Вотъ коробка спичекъ изъ его кармана, насквозь пропитанная его кровью.

Говорятъ, ему не дотянуть до утра.

Солдаты рѣжутъ на память куски рубашки.

Беру изъ коробки спичекъ одну окровавленную спичку, и прячу ее въ бумажникъ.

Такъ просто: была бѣлая, стала красная.

Я сохраню ее. Да, эта война—особенная.

Разъединенную Россію она сдѣлала однимъ тѣломъ, и у этого тѣла одна кровь.

Утромъ узнали: здѣсь придется остаться весь день, двинемся только завтра.

Отправляемся вдвоемъ съ дивизіоннымъ адъютан-

томъ, прапорщикомъ Н., посмотрѣть взорваный нѣмцами желѣзнодорожный мостъ. Двое солдатиковъ желѣзнодорожнаго батальона охотно подвозятъ насъ на дрезинѣ.

Огромный желѣзный мостъ однимъ концомъ рухнулъ въ рѣку, другимъ еще держится, накренившись съ каменныхъ своихъ устоевъ. Это стройное сооруженіе выдержало и силу взрыва и силу паденія.

Любуюсь на него долго. Въ этомъ поверженномъ металлическомъ колоссѣ съ высокими ажурными боками есть одухотворенная красота,—навѣрное, кто-то задумалъ и вычертилъ его съ любовью. Все созидаемое съ любовью становится искусствомъ.

Вспоминаю, какъ герой пьесы Ѳедора Сологуба „Заложники жизни“, молодой инженеръ, говоритъ возлюбленной о своемъ призваніи строителя:

„Очарованіе взоровъ повиснетъ на паутинѣ стальныхъ канатовъ. Мечту изъ желѣза и стали воздвигну надъ безднами, мечту о тебѣ, моя единственная“...

Назадъ ѣдемъ на той же дрезинѣ. У станціи стройное пѣніе. На одномъ изъ путей товарный вагонъ, открытый съ одной стороны. Въ немъ идетъ обѣдня.

Передъ вагономъ море стриженныхъ солдатскихъ затылковъ. Молодой священникъ, охваченный молитвеннымъ восторгомъ, служитъ горячо и проникновенно. И когда, совершая безкровную жертву, подъ глухіе удары далекой канонады, онъ возноситъ Святую чашу съ Дарами, толпа разомъ опускается на колѣни, какъ нива, пригибаемая вѣтромъ.

*

„Нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ“...

Никогда я такъ ясно не чувствовалъ близости Бога. Въ этомъ простомъ вагонѣ, подъ этимъ сѣрымъ небомъ, вѣрую, совершается великое таинство. Въ воздухѣ, надъ склоненной толпой, тихія, бѣлоснѣжныя вѣютъ крылья, и въ трепетѣ закрываютъ лица многоочитые херувимы, чуя присутствіе Божіе. И мнится, если бы дано было видѣть слабому человѣческому взору, то открылось бы ему, удивленному, какъ черезъ мглу и туманы земли отъ этихъ бѣдныхъ полей золотая протянулась въ сверкающія выси лѣстница и свѣтлый по ней восходитъ юный витязь Олегъ и съ нимъ вмѣстѣ вы всѣ, кровью вѣнчанные, кровью вѣнчанные за тебя, многострадальная, за тебя, многолюбимая родина! И скорбная Смерть въ бѣлыхъ одеждахъ плачетъ у подножія, склонившись на свою косу, ибо жаль ей пожинаемой ею жатвы.

Обѣдня кончилась. Я ухожу въ свой вагонъ и ложусь на жесткую деревянную скамейку. На душѣ спокойствіе и ясность. Сѣрая мгла заволакиваетъ дали, слезы дождя текутъ по запотѣвшимъ окнамъ. Что въ томъ? Тамъ, въ высотѣ, вѣчная сіяетъ лазурь.

Рано утромъ въ походъ.

Вѣтеръ, дождь, унылое сѣрое небо, разбитыя дороги. Надо торопиться. Тамъ, вдали, за горизонтомъ гудитъ, не смолкая, канонада. Наши передовыя части еще со вчерашняго дня въ бою.

Разговоръ лѣниво влачится и замираетъ. Кони лос-

нятся подъ дождемъ. Сумрачно ѣдетъ временно командующій, суровый подполковникъ П... Его подвижной, какъ ртуть, адъютантъ, торопливый и румяный прапорщикъ Н., постоянно занятый подсчетомъ, сколько онъ писемъ написалъ и сколько получилъ, сверхъ обыкновенія, молчаливъ и лишь изрѣдка говоритъ мнѣ вполголоса:

— А тамъ все стрѣляютъ.

Да, тамъ все стрѣляютъ, и всѣ наши мысли тамъ, за этой непроницаемой завѣсой дождя. Надо спѣшить.

Скоро, скоро все стало яснымъ.

Нашему отряду выпала тяжелая задача. Онъ выдвинутъ на крайній правый флангъ всего расположенія. Противъ него крупная группа нѣмецкихъ войскъ... Если она собьетъ его, врагъ проникнетъ вглубь и можетъ ударить съ боку и въ тылъ. Нашъ отрядъ долженъ принять на себя и отразить этотъ первый грозный натискъ.

Большая часть отряда впереди. Ее ведетъ генералъ Х—ъ, воинъ увѣренный, безстрастный и смѣлый. Онъ сдержитъ эту лавину, чего бы это ни стоило.

Нашихъ много меньше, чѣмъ нѣмцевъ. Но тотъ, кто нападаетъ, всегда, кажется, болѣе сильнымъ, чѣмъ тотъ, кто защищается. Таковъ законъ войны. Лучше ударить самому на еще медленно ползущую лавину, нежели, опоздавъ, дать ей раскатиться, и послѣ испытать на себѣ ея сокрушительный размахъ.

Вотъ почему генералъ Х. не сталъ занимат сразу

оборонительныхъ позицій и на нихъ ожидать вражескаго нашествія.

Чтобы не дать непріятелю времени соразмѣрить свои силы съ нашими, забрать въ свои руки починъ и раздавить насъ своимъ численнымъ превосходствомъ, онъ быстро перешелъ черезъ нѣмецкую границу, ударилъ на врага, и, причиняя ему огромный уронъ, весь день бросалъ въ атаку свои батальоны, поддерживаемые мѣткимъ огнемъ нашихъ батарей.

Только къ вечеру непріятель оправился, и, почуявъ свой перевѣсъ, сталъ наступать на наши небольшія силы.

Наши медленно, съ боемъ, отходили къ границѣ, огрызаясь, какъ волки, отъ насѣдавшихъ нѣмцевъ. Въ арьергардѣ слѣдовалъ Б...ій полкъ и вмѣстѣ съ нимъ вторая полубатарея нашей пятой батареи съ ея командиромъ, капитаномъ Ф....о. Они должны были прикрыть переправу нашихъ войскъ у русскаго пограничнаго городка В.

На это слабое прикрытіе обрушился весь напоръ озлобленнаго дневными потерями противника. Медленно, шагъ за шагомъ, отступали, отстрѣливаясь, батальоны Б...аго полка. Съ нимъ вмѣстѣ отходила и полубатарея, нѣсколько разъ становясь на позиціи и изрыгая шрапнельный дождь четырьмя стальными своими глотками.

Въ надвигающихся сумеркахъ полчища нѣмцевъ, какъ саранча, съ трехъ сторонъ облегали нашъ небольшой отрядъ. Перекрестный огонь артиллеріи, ружей и

пулеметовъ билъ по нашей полубатареѣ. Люди и лошади падали то и дѣло.

Но силенъ былъ духъ ея храбраго командира. Мощный, высокій, широкоплечій, съ голосомъ яснымъ и громкимъ, онъ былъ вылитъ изъ той же стали, что и его пушки.

Развернувъ свои четыре орудія, онъ пропахивалъ глубокія борозды въ сѣрыхъ нѣмецкихъ массахъ,—и онѣ отходили. Онъ появлялся то здѣсь, то тамъ, не скрываясь, и могучая его фигура была видна повсюду.

Въ разгарѣ боя капитанъ упалъ, тяжко раненый пулею въ пахъ. Солдаты на рукахъ отнесли его въ домъ ближайшей усадьбы, гдѣ находился командиръ Б....аго полка, князь М....ій. Тамъ ему сдѣлали перевязку. Весь въ крови, то и дѣло лишаясь чувствъ, онъ просилъ князя принять отъ него и пересчитать бывшія при немъ казенныя деньги.

Было темно. Черное небо нависло, почти касаясь земли, и мракъ, густой и зловѣщій, со всѣхъ сторонъ навалился на усадьбу.

За столомъ въ небольшой комнатѣ господскаго дома сидѣлъ, склонивъ голову на руку, недвижный, какъ изваяніе, князь М....ій. Порывы вѣтра черезъ разбитое окно колебали огонекъ свѣчи, и слабый ея свѣтъ испуганно метался по комнатѣ, смутно рисуя въ полутьмѣ силуэты лежащихъ на соломѣ раненыхъ.

Четыреугольный дворъ передъ домомъ, окруженный

цѣпью усадебныхъ сараевъ и конюшенъ, былъ еще пустъ.

Снаружи, за линіей построекъ, отбивались послѣдніе батальоны Б....аго полка.

Разноцвѣтными ослѣпительными огнями загорались нѣмецкія ракеты и тогда на минуту выступали изъ темноты и желѣзная стѣна нашихъ штыковъ передъ усадьбой, и неширокое, дальше свободное пространство, и за нимъ черныя вражескія тучи.

Руководимыя офицерами, наши роты съ бѣшенымъ мужествомъ бросались въ штыки, и черные ряды отступали назадъ, вновь поглощаемые мракомъ.

Свинцовый градъ сыпался на усадьбу.

Нѣсколько разъ князю доносили о ходѣ дѣла, спрашивая, не пора ли отступать. Онъ отвѣчалъ только безмолвнымъ отрицательнымъ жестомъ, и вновь продолжалось это феерически-безумное при свѣтѣ бенгальскихъ огней ночное побоище.

Непріятель, подобравшись сзади усадьбы, ворвался во дворъ. Во дворѣ зазвучали нѣмецкіе голоса. Часть нашихъ немедленно бросилась туда и нѣмцевъ вышибли штыками. Дворъ снова опустѣлъ.

Одинъ изъ офицеровъ вновь пришелъ къ командиру полка съ докладомъ.

— Приказываю отступать. Идите.

Надо думать, самъ князь хотѣлъ уйти послѣднимъ.

Выйдя изъ дому, тотъ передалъ приказаніе. Отрядъ съ уцѣлѣвшими офицерами началъ отходить въ тем-

нотѣ, штыками прокладывая себѣ дорогу, и нѣмецкія волны, разступаясь на минуту, снова смыкались за ними.

Глубокою ночью люди наполовину порѣдѣвшаго полка и нашей полубатареи присоединились къ главнымъ силамъ отряда. Внезапно запылавшій стогъ сѣна, зажженный ручной гранатой, долго озарялъ имъ путь.

Утомленный непріятель не посмѣлъ преслѣдовать храбрыхъ.

Командира полка не досчитались среди уцѣлѣвшихъ. Нѣсколько солдатъ, спасшихся чудомъ и къ утру догнавшихъ полкъ, разсказали, что въ моментъ отступленія нѣмцы, снова обошедшіе усадьбу, переполнили дворъ черезъ проходъ между сараями, оттѣснивъ бывшую тамъ небольшую охрану. Въ темнотѣ передъ крыльцомъ долго шла послѣдняя отчаянная схватка. Геройская кучка защитниковъ была перебита.

Нѣмцы захватили домъ съ княземъ М. и множествомъ нашихъ раненыхъ.

Въ числѣ ихъ остался и командиръ нашей пятой батареи капитанъ Ф...о.

Если онъ живъ, послѣ войны родина встрѣтитъ его радостно. Если умеръ, земля будетъ легка ему, ибо онъ бился, какъ герой, и принялъ смертную чашу мужественно, какъ подобаетъ воину.

Простри надъ нимъ, Господи, усопшимъ или живымъ, твой свѣтлый покровъ!

День занялся туманный и хмурый, уставшій являть

зрѣлище смерти. Змѣино-желтые свѣты, тусклые и скупые, угрюмо озаряли окрестность.

Измученная земля съ полями затоптанными, съ грудью, изрытой гранатами, словно вспаханной циклопическими плугами, взывала о милосердіи. Но люди не знали пощады.

Къ полудню бой гремѣлъ по всей линіи.

Наши защищали В., нѣмцы стремились овладѣть имъ.

Городъ пылалъ, и рѣка, проходящая у города, и пѣнилась и кипѣла отъ взрывовъ безчисленныхъ снарядовъ, то мелкой морщинилась рябью отъ падающихъ пуль.

Въ этотъ день отличилась наша лихая первая батарея, покрывшая себя славой подъ К. въ первомъ прусскомъ походѣ, и съ нею первая полубатарея пятой батареи. Батареей командовалъ штабсъ-капитанъ В...ій, полубатареей—капитанъ В...въ.

Переправившись черезъ рѣку въ бродъ выше города и ставъ непріятелю во флангъ, наши батареи цѣлый день громили нѣмцевъ, не подпуская ихъ вплотную къ городку.

Какъ искусный игрокъ въ теннисъ, движеніями короткими и плавными, словно шутя, отбиваетъ летящіе къ нему съ разныхъ сторонъ мячи, и они улетаютъ обратно, такъ онъ увѣренно, точно и быстро перебрасывалъ огонь съ мѣста на мѣсто и ураганомъ своихъ шрапнелей сдувалъ съ равнины то пѣхотныя колонны, то орудія, то пулеметы, то зарядные ящики.

И куда падалъ посылаемый имъ огненный ливень, тамъ неподвижныя оставались груды и быстро убѣгали отъ нихъ въ стороны отдѣльныя мелькающія точки.

Полубатарея пятой батареи не отставала отъ первой, и нѣмецкая кровь щедро поила нѣмецкую землю.

День уходилъ торопливо, закрывая лицо руками, и раннія надъ полями проливались сумерки.

Какъ свинцовыя воды вечерняго прилива, грозно ползущія по прибрежнымъ дюнамъ, двинулись на наши батареи густыя массы нѣмецкой пѣхоты въ черныхъ мундирахъ. Казалось, этой стѣны не въ силахъ сокрушить ничто.

Первая батарея ждала ихъ въ суровомъ молчаніи. Стѣна подступала все ближе и ближе.

Рискъ становился безуміемъ.

Орудія грянули... Бѣглый огонь батареи, поддержанный пулеметами пѣхоты, рвалъ, ломалъ, кромсалъ и мѣсилъ нѣмецкіе ряды. Волны враждебнаго прилива отхлынули и растаяли во мглѣ. Атака была отбита.

Стала темно. Ночь-успокоительница черныя свои завѣсы одну за другой опускала на землю, силясь укротить разгорѣвшуюся человѣческую ярость.

Но ярость боролась съ ночью, сверкающія въ высоту кидала ракеты, переливалась разноцвѣтными горючими составами, стремила въ небо багровые клубы пожаровъ, и проливаемая обильно кровь не въ силахъ была ихъ потушить.

Генералъ X. исполнилъ свою задачу.

Накопившаяся энергія нѣмецкаго натиска была раздроблена, не успѣвъ развернуться. Лавина была разрыхлена при первомъ движеніи и стала на долгій рядъ дней неспособна къ стремительному наступленію. Но были еще грозны ея судорожные порывы.

Въ эту ночь бой вздымалъ свой послѣдній девятый валъ.

Нашъ отрядъ отходилъ на заранѣе намѣченныя обоnecessary позиціи, равняясь на сосѣдній, и этотъ послѣдній былъ тоже втянутъ въ бой.

Меня, князя К. и временно командующаго бригадой съ его адъютантомъ эта ночь застала въ обширномъ господскомъ фольваркѣ.

Весь домъ былъ переполненъ народомъ. Мы прибыли послѣ другихъ, и выбирать было не изъ чего. На чердакѣ, на площадкѣ у лѣстницы, наши ординарцы набросали въ углу соломы, и ночлегъ былъ готовъ.

Гремѣли буруны канонады, закипая все яростнѣе, и жалобно звенѣли отъ тяжелыхъ ея ударовъ стекла въ высокихъ окнахъ барскаго дома.

Мы спустились внизъ, гдѣ бывшіе здѣсь до насъ офицеры изъ сосѣдняго отряда собирались угостить насъ чаемъ и бутербродами.

Я случайно разговорился съ однимъ офицеромъ о гипнотизмѣ и о томъ, какія въ этой области знанія есть дали, еще ждущія своихъ Колумбовъ. Разсказалъ ему нѣсколько любопытныхъ опытовъ московскаго гипно-

тизера доктора Каптерева, на чьихъ интимныхъ сеансахъ я одно время часто бывалъ.

Мой собесѣдникъ отвѣчалъ сужденіями остроумными и интересными. Наши мысли ушли далеко отъ войны, и давно мнѣ не говорилось такъ уютно и занимательно, какъ въ этой слабо освѣщенной комнатѣ, за стаканомъ крѣпкаго чая, въ эту бурную ночь подъ громовые перекаты стрѣльбы.

Мы только-что начали перекидывать мостъ отъ гипнотизма къ медіумизму, какъ мои спутники встали, чтобы итти наверхъ. Во всѣхъ углахъ комнаты, на диванахъ, на скамьяхъ, на полу уже виднѣлись спящіе.

Я рѣшилъ сначала провѣдать ординарцевъ и, пробравшись осторожно черезъ сѣни, гдѣ отдыхали вповалку съ десятокъ казаковъ, недавно пріѣхавшихъ съ разъѣзда, вышелъ на высокое каменное крыльцо.

Беззвѣздное небо цѣлымъ океаномъ темноты низвергалось на землю. Буря металась изступленно, воздымая свои черныя одежды, и дико стонали охваченные трепетомъ старые каштаны господскаго парка. Колючія плети дождя звонко хлестали по окнамъ, стѣнамъ и крышамъ.

Но выше мрака, выше дождя и бури гигантскія взадъ и впередъ мѣрно качались по горизонту бѣлоогненныя полосы нѣмецкихъ прожекторовъ, словно вращаемыя ураганомъ раскаленныя до бѣла крылья дьявольской мельницы, и далеко въ высоту взлетали, многоцвѣтными переливаясь огнями, извивныя змѣи ракетъ.

Вдругъ погасали эти бредовые, тревожные свѣты... Вновь заливала все чернота, и слабыми въ ней казались точками голубыя лучистыя звѣзды рвущихся шрапнелей.

Долгимъ гуломъ гудѣла земля, и впереди въ темнотѣ невидимыя стальныя жерла, задыхаясь и хрипя отъ злобы, слали небу свой вызовъ.

Свѣтя себѣ маленькимъ электрическимъ фонаремъ и рѣшительно ступая черезъ цѣлые потоки дождевой воды, я пробрался вдоль парка къ дальнему сараю, гдѣ пріютились съ конями ординарцы. Коней велѣлъ не разсѣдлывать, самимъ быть наготовѣ.

Ординарцамъ далъ папиросъ, они раздобыли себѣ картофелю и варили его въ котелкѣ, на кострѣ изъ щепокъ, укрывшись за какой-то каменной стѣной, чтобы огня не было видно непріятелю.

На обратномъ пути фонарь измѣнилъ и погасъ. Кое-какъ я дошелъ назадъ и поднялся на чердакъ. Мои спутники уже лежали на соломѣ. Легъ и я, какъ и они, не раздѣваясь, и въ полномъ походномъ снаряженіи, съ фуражкой подъ головой.

Лежали молча.

— А тамъ все стрѣляютъ...—прошепталъ мой сосѣдъ, неугомонный прапорщикъ Н...

Канонада свирѣпѣла. Гдѣ-то врядъ громоносные били молоты, и стѣны стараго дома содрогались. Вѣтеръ бѣшено вылъ, кидаясь на крышу, хватаясь за трубы.

Точно стаи разъяренныхъ духовъ затѣяли надъ до-

момъ сатанинскую свалку. Люди сражались на землѣ, демоны надъ землею, стихія воздушная опьянилась злобой земной, и залпы орудій, и рычанія бури слились въ одинъ непрерывный, нескончаемый, лютый, оглушительный, безумный, бушующій ревъ.

Хаосъ, древній владыка, вырвался изъ невѣдомыхъ безднъ, и струевымъ водопадомъ падалъ на міръ, грозя поглотить его въ стремительномъ своемъ круженіи.

Было душно въ темнотѣ, и потолокъ казался нависшимъ, какъ гробовая крышка.

„И приходятъ ночи низкія,
Какъ упавшій потолокъ.
Гдѣ же вы, родные, близкіе?
Міръ отпрянувшій далекъ“, —

пролетѣли въ мозгу строки моего милаго друга Бальмонта.

Усталость пересилила, и я заснулъ крѣпкимъ сномъ. Раннимъ утромъ, когда я проснулся, все было тихо. Мы сошли внизъ. Наши случайные сосѣди снова напоили насъ чаемъ. Но одного чая было мало, и я отправился на поиски чего-нибудь болѣе существеннаго.

У мѣстнаго управляющаго, когда-то франтоватаго пана, въ рыжихъ потертыхъ кожаныхъ гетрахъ, который все еще ютился въ своемъ домикѣ, ухитрился я, потративъ много краснорѣчія, купить „ендыку“, по просту индюшку, и попросилъ стоявшихъ здѣсь солдатъ поджарить ее на походной кухнѣ.

Жарилась „ендыка“ очень долго, и воспользоваться ею—увы!—не пришлось.

Наши батареи, отойдя на ночь, къ утру стали на позиціяхъ. Командующій торопился къ нимъ.

День былъ сѣрый, но бездождный. Блѣдное небо равнодушно висѣло надъ землею, изнемогавшее отъ ночного безумства.

Мы ѣхали напрямикъ, черезъ унылые холмы, изрытые ямами. Тучи воронья съ крикомъ поднимались съ полей и летѣли на западъ, все на западъ,—онѣ знали, зачѣмъ.

Переѣхали рѣку вбродъ,—сперва на середину, потомъ вдоль теченія саженъ сорокъ, потомъ крутой выѣздъ на берегъ.

Вотъ мы въ маленькомъ, но раскиданномъ литовскомъ селеніи съ бѣднымъ краснымъ кирпичнымъ костеломъ.

Вблизи селенія часть нашихъ позицій и пѣхота.

Утомленный непріятель прочно задержался верстахъ въ восьми, ставъ на позиціяхъ у границы.

Въ одномъ изъ домовъ побольше много офицеровъ. Знакомыя лица. Привѣтствія. Разговоры.

— Убитъ... Раненъ... Контуженъ...

Только-что доставили двухъ нѣмецкихъ плѣнныхъ, „безсмертныхъ гусаръ“... Одинъ „безсмертный“ лежалъ на телѣгѣ. Онъ уже умиралъ. Носъ заострился, и кровь, пробиваясь сквозь перевязку, текла на землю тонкой струей.

Телѣгу увезли. На жидкой грязи двора осталось широкое алое пятно, его скоро смѣсили тяжелые сапоги.

Гдѣ-то, въ верстѣ, отдѣльные выстрѣлы. Туда поскакали казаки,—навѣрное это случайный, отбившійся нѣмецкій разъѣздъ.

Другого „безсмертнаго“ допрашивалъ на кухнѣ „Юрочка“, прапорщикъ А., отлично говорившій по-нѣмецки.

Юрочка усиленно старался взять суровый тонъ, что вовсе не вязалось съ добродушнымъ его, широкимъ, славянской лѣпки, лицомъ.

Бѣлобрысый, невысокій „безсмертный“, съ серебрянымъ черепомъ и костями на киверѣ, испуганно таращилъ глаза и, почтительно держа руки по швамъ, обстоятельно рапортовалъ на всѣ вопросы.

Къ вечеру ѣздили на развѣдку для болѣе точнаго выбора позицій батареямъ. Ѣхали маленькимъ отрядомъ человѣкъ въ десять.

Низкія фіолетовыя тучи лѣниво ползли по небу. Одинъ только мигъ солнце внезапно прорвалось изъза нихъ, и кроваво-красный лучъ его побѣжалъ по полямъ. Но онъ тотчасъ угасъ.

Мы ночевали съ командиромъ пѣхотнаго полка и его нѣсколькими офицерами въ душной крестьянской избѣ, на полу, на соломѣ, не раздѣваясь, какъ въ прошлую ночь.

Утромъ снова на коней. Ѣдемъ на позиціи батарей второго дивизіона.

Къ его командиру подполковнику Я... чу я давно уже питаю нѣжныя чувства. Въ его батареѣ я отбывалъ въ качествѣ прапорщика учебный сборъ и запомнилъ навсегда его неизмѣнное ко мнѣ радушіе и снисходительность къ разнымъ моимъ штатскимъ слабостямъ.

Онъ угощаетъ насъ жаренымъ гусемъ,—и это очень кстати. Съ того момента воспоминаніе объ утраченной „ендыкѣ" перестало меня преслѣдовать.

Ѣдемъ снова. Вотъ мы въ фольваркѣ, гдѣ остановились начальникъ дивизіи и генералъ Х...

Вхожу и вижу полковника К—ва, нашего командира бригады. Онъ вернулся изъ своей поѣздки и нынче догналъ отрядъ.

Я страшно радъ. Командиръ прибылъ,—все хорошо.

На этихъ позиціяхъ по всѣмъ примѣтамъ придется постоять порядкомъ. Ѣду вдвоемъ съ коннымъ вѣстовымъ отыскивать намъ жилище.

Осматриваю маленькія разбросанныя на поляхъ рощицы съ литовскими фольварками. Тамъ занято, тамъ тѣсно, и негдѣ помѣстить лошадей, въ третьемъ мѣстѣ какая-то одинокая полусумасшедшая женщина смотритъ на меня дико, не понимаетъ по-русски и плачетъ.

Наконецъ, нахожу. Черезъ часъ мы съ полковникомъ К. и княземъ водворяемся въ крестьянскомъ фольваркѣ.

Изъ обоза прибываетъ багажъ. Мой вѣрный неуклюжій денщикъ Костинъ, по обыкновенію что-то ворча подъ носъ, достаетъ изъ чемодана папиросы и чистое бѣлье.

VII.

Безлунная ночь... Ни звука, ни шелеста... Небо въ драгоцѣнныхъ уборахъ. Міровой Океанъ тихіе свѣты свои изливаетъ на маленькую уснувшую землю.

Переливаясь, дрожитъ голубая Венера. Души влюбленныхъ, познавшихъ страсть и умершихъ любя, живутъ на этой волшебной планетѣ. По цвѣтущимъ ея лугамъ, среди вѣчной весны, едва касаясь влажныхъ травъ легкими своими стопами, скользятъ они, объятые блаженнымъ томленіемъ, сладостнымъ и нѣжнымъ восторгомъ,—свѣтлые духи. И нѣтъ отравы въ ихъ поцѣлуяхъ, ибо не знаютъ они ни ревности, ни измѣны.

Вотъ бриллiантовая по небу проструилась рѣка, Млечный Путь. И большая Медвѣдица зажгла свой семисвѣчникъ. И тьмы темъ звѣздъ, роса на небесныхъ поляхъ блистаютъ въ высотѣ.

Но дико и тревожно застыла на горизонтѣ зловѣщая гостья комета, искристая и хвостатая. Багровые отблески дрожатъ въ ея безпокойномъ сіяніи.

— Народная мудрость связываетъ комету съ войной. Странно,—но во время большихъ войнъ почти всегда появляется комета. Вотъ и десять лѣтъ назадъ была

тоже комета,—говоритъ задумчиво полковникъ, — въ этомъ есть тайна, которой мы никогда не узнаемъ.

— Весь міръ есть тайна, которой мы никогда не узнаемъ, господинъ полковникъ.

Мы долго смотримъ на комету. Въ самомъ дѣлѣ, какая сила привлекла эту роковую странницу изъ далекихъ междупланетныхъ просторовъ? И почему именно теперь?..

— Какая радость видѣть звѣзды. Ничто такъ не очищаетъ душу. Черезъ нихъ чувствуешь Вѣчность. И хочется самому стать достойнымъ Вѣчности.

— Вы правы, не тѣ ли же звѣзды свѣтили воинамъ Александра, Цезаря, Атиллы и Наполеона. Они умерли, какъ умремъ и мы. Но человѣчество не умретъ.

Этотъ ночной разговоръ происходилъ между полковникомъ К., его адъютантомъ княземъ К., однимъ молодымъ. офицеромъ и мною, въ началѣ второго похода въ Восточную Пруссію, въ глухой Литвѣ, на обширномъ дворѣ крестьянскаго фольварка, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ непріятеля.

Послѣ упорнаго двухдневного боя подъ городомъ В., гдѣ грозовая сила нѣмецкаго натиска была раздроблена неожиданнымъ ударомъ нашего отряда, мы стояли въ Литвѣ, въ немногихъ верстахъ отъ границы на линіи укрѣпленныхъ позицій.

Нѣмцы видимо, не рѣшаясь перейти въ наступленіе, сильно укрѣпились вдоль границы. Война какъ будто принимала позиціонный характеръ.

Сосредоточенно упорные артиллерійскіе поединки, перестрѣлки между разъѣздами и сторожевыми заставами, смѣлыя развѣдки по ночамъ или въ сумеркахъ куда-нибудь подъ самый В., чтобы надѣлать у нѣмцевъ переполоху и вытащить у нихъ изъ-подъ носу десятокъ—другой плѣнныхъ.

Рѣшительнаго боя не было.

Война, стремительная и гнѣвная, вдругъ показала намъ какую-то совсѣмъ особенную размѣренную, плавную, неторопливую свою поступь.

Каждый день гремѣли орудія и долгимъ гуломъ гудѣла земля отъ ударовъ тяжелой артиллеріи, и тутъ же рядомъ пробивался и росъ, какъ трава между камнями уѣздной мостовой, какой-то своеобразный, наскоро сколоченный, но странно устойчивый бытъ.

Заботились о «хозяйствѣ», посылали куда-то за яблоками,—нѣмцы, бывшіе передъ нами, оставили ихъ очень мало,—укоряли обладателя нашего фольварка, стараго плутоватаго литвина, за его вѣчныя попытки нажать насчетъ цѣнъ на картофель и птицу.

— Панъ, а панъ! (На военномъ жаргонѣ всѣ здѣсь «паны»!) Ты Бога побойся. Развѣ можно съ солдата за котелокъ картофелю по тридцати копѣекъ драть? Вѣдь это за пудъ-то сколько выходитъ? Вродѣ трехъ рублей?..

Но упрямый кудлатый «панъ» только сурово моталъ головою.

Онъ мѣстный староста, «солтысъ», и упреками его не проймешь.

На насъ онъ смотритъ непривѣтливо. Такъ же непривѣтливы и двѣ его дочери, нескладныя, словно топоромъ изъ дерева вырубленныя молодыя крестьянки.

Пограничные жители —совсѣмъ особенная порода. Тысячами нитей они переплетены съ тѣмъ, что по ту сторону,—здѣсь много семействъ нѣмецкихъ и полунѣмецкихъ, и по стѣнамъ ихъ фольварковъ часто видишь фотографіи молодцовъ въ такой военной формѣ, какой не встрѣтишь въ русской арміи.

Благодаря близости границы, шпіонство здѣсь процвѣтаетъ. Около позиціи вѣтряныя мельницы пришлось уничтожить, либо снять у нихъ крылья,—очень ужъ подозрительно онѣ начинали махать, когда по сосѣдству располагалась наша батарея или начинали рыть пѣхотный окопъ.

Домъ, гдѣ мы живемъ,—длинное, неказистое, приземистое зданіе. Одну половину занимаемъ мы съ княземъ и полковникомъ, другую—наши случайные сосѣди, четверо........................офицеровъ. Въ серединѣ—кухня и комнаты хозяевъ. Передъ домомъ—большой четырехугольный дворъ, окруженный цѣпью сараевъ, конюшенъ, сѣнниковъ и кладовыхъ, гдѣ размѣстился эскадронъ.........и наши ординарцы съ конями.

Днемъ ѣдешь съ командиромъ на позиціи или безъ него исполнять какія-нибудь его порученія, захвативъ съ собой коннаго ординарца. Обѣдъ и ужинъ—у на-

чальника отряда, въ другомъ фольваркѣ, за версту отъ нашего,—тамъ общій столъ. Послѣ ужина спѣшимъ домой.

У каждаго человѣка есть потребность въ домѣ, въ какомъ-то мѣстѣ, гдѣ бываешь у себя. Война сжигаетъ всѣ привычки, ломаетъ всѣ уклады, но чувство дома не исчезаетъ и на войнѣ. На войнѣ всѣ бездомны и всѣ скитальцы, но мысль о домѣ неистребима и, какъ цѣпкій плющъ, обвивается вокругъ любого дерева.

На войнѣ мой д о м ъ тамъ, гдѣ мои вещи.

Въ палаткѣ, въ случайной лачугѣ, на чердакѣ, въ землянкѣ, въ пустой школѣ, въ вагонѣ, вездѣ, гдѣ угодно, если мой денщикъ Костинъ раскинетъ мой неуклюжій брезентовый „Дементъ", нелѣпую кровать-чемоданъ, и рядомъ поставитъ саквояжъ со множествомъ маленькихъ нужныхъ мнѣ предметовъ, у меня будетъ д о м ъ, и я буду входить туда съ особымъ чувствомъ.

Нашъ д о м ъ—довольно просторная низкая горница съ небольшими окнами и потолкомъ на тяжелыхъ дубовыхъ перекладинахъ. Сбоку выступаетъ огромная темная печь. Въ углу—высокая прялка съ куделью.

Вечеръ... Мы дома, пьемъ чай...

На дворѣ холодно, но горница натоплена на совѣсть. У насъ гости, наши сосѣди Вьется дымъ папиросъ.

Нескончаемые разсказы. У каждаго есть свое. Много ли мѣсяцевъ за спиной, а какой грузъ пережитаго!

Наши сосѣди попали на войну одни изъ первыхъ. Еще въ самомъ началѣ они вступили въ Восточную Пруссію и продѣлали безъ отдыха весь первый прусскій походъ, кружась впереди главныхъ силъ, проникая между отдѣльными отрядами непріятеля, забираясь въ такіе края, которые нѣмцы по справедливости еще могли называть своими.

Одинъ полуэскадронъ попалъ слишкомъ далеко и оказался отрѣзаннымъ. Двадцать дней горсть храбрецовъ блуждала по непріятельской странѣ среди движущихся нѣмецкихъ массъ, предпочитая гибель сдачѣ.

Двигались по ночамъ. Голодали. Днями укрывались въ лѣсахъ, въ оврагахъ, въ болотахъ. Много разъ смотрѣли смерти въ глаза и ускользали только чудомъ. Огненное кольцо облавы сжималось вокругъ нихъ и въ немъ они метались, какъ преслѣдуемые волки.

Слава тебѣ, царственный Случай, другъ и хранитель смѣлыхъ!

„Ты въ битвѣ хранишь, беззаботный.
Межъ тысячъ грозящихъ смертей,
Чтобъ пулей шальной и залетной
Сразить у бивачныхъ огней“.

Случай, убивающій одного шальною пулей, вывелъ ихъ всѣхъ невредимыми изъ-подъ града намѣренныхъ. Послѣ долгихъ скитаній имъ удалось прорваться къ своимъ. .

Разсказывали еще о знаменитой атакѣ

эскадрона барона В я на нѣмецкую батарею въ битвѣ подъ Кауменомъ, въ конномъ строю.

Зрѣлище было безпримѣрное... Лихіе всѣ молодцы на подборъ, на великолѣпныхъ коняхъ своихъ, подъ бурей шрапнелей, въ развернутомъ строю, бѣшенымъ карьеромъ мчались на батарею. Огненный вѣтеръ бушевалъ надъ ихъ головами. Половина была сметена, другая доскакала. Нѣмецкіе артиллеристы изрублены всѣ. Въ эскадронѣ офицеры, кромѣ самого В., перебиты.

Тотъ, кто разсказывалъ, вскорѣ послѣ атаки, когда нѣмецкія войска уже отступили, былъ на этой батареѣ. Незабываемая картина. Стоятъ въ полномъ порядкѣ блещущія новизной нѣмецкія орудія. Груды тѣлъ. Полная тишина. Ни стона. Раненыхъ нѣтъ, есть только убитые.

Ручей, протекавшій неподалеку, былъ запруженъ трупами, и струи его были красны отъ крови. Вмѣсто воды текла кровавая похлебка. Здѣсь погибло пѣхотное прикрытіе нѣмецкой батареи,—при видѣ атаки оно отступило за батарею и тамъ въ свой чередъ было настигнуто

Этой атаки нѣмцы не забыли.

. .

. .

. .

. .

. .

Сосѣди ушли. Пора ложиться спать.

Оконныя стекла позваниваютъ трепетно. Къ ночи канонада разыгралась. Звонкіе, отчетливые ритмы артиллерійскихъ очередей и глухіе громы разрывовъ... Но привычка великое дѣло. На каждый часъ не набережешься. Мы раздѣваемся, какъ слѣдуетъ, и спокойно укладываемся въ свои походныя постели.

Огонь еще не потушенъ. Князь за столомъ пишетъ письмо. Мнѣ хочется выкурить еще папиросу въ постели.

Лежу на правомъ боку.

Какъ странно! Почему все то, что я вижу, вдругъ кажется мнѣ такъ непонятно знакомымъ, точно я видѣлъ это давно? Я напрягаю память, стараясь уловить смутно мелькающіе образы.

Въ чемъ тутъ дѣло?

Тяжелый дубовый столъ. За нимъ стѣна съ низкими почти квадратными окнами. Вдоль стѣны дубовая скамья. Наверху массивныя темныя балки потолка. Большая печь. Гдѣ я видѣлъ все это?

Канонада разомъ смолкла. За печкой отчетливо запѣлъ сверчокъ.

Сверчокъ! Ускользающее воспоминаніе сразу освѣтилось.

Вѣдь это „Борисъ Годуновъ", сцена въ пограничной литовской корчмѣ, въ постановкѣ московскаго Художественнаго театра!

Вотъ сейчасъ распахнется низкая дверь налѣво, и

войдутъ московскіе стражи. Самозванецъ встанетъ и будетъ, озираясь, осторожно близиться къ окну. Потомъ распахнетъ его и выпрыгнетъ въ темноту.

Дверь открывается. Сидящій за столомъ встаетъ... Не сонъ ли это?..

Но нѣтъ, въ двери появляется мой денщикъ Костинъ и мрачно спрашиваетъ, надо ли сушить мои сапоги. Князь у стола, зѣвая, заклеиваетъ письмо. Сообщаю ему и полковнику свои соображенія. Оба смѣются, но оба согласны.

Наше жилище—дѣйствительно, „постановка по-Станиславскому".

Свѣча затушена. Всѣ уснули. Въ горницѣ полная тьма. Ставни еще съ вечера заперты наглухо, чтобъ снаружи не было видно свѣта.

Полуночный вѣтеръ кружится надъ маленькимъ затеряннымъ фольваркомъ и нечеловѣческимъ своимъ голосомъ разсказываетъ о чемъ-то древнемъ, забытомъ, но важномъ и единственно нужномъ.

И въ медленномъ круженіи проносятся блѣдныя лица съ зовущими глазами. Кто вы, незнакомыя, и о чемъ вы умоляете, молча?

Вы ли это, тихо вставшіе изъ старыхъ гробницъ своихъ тайные укоры о томъ, что вѣдомо мнѣ одному? Уйдите, покойтесь въ своемъ склепѣ. Жизнь свою я прожилъ, какъ хотѣлъ. Ни въ чемъ я не раскаиваюсь и ни о чемъ не жалѣю.

Или вы, тѣни несбывшихся надеждъ моихъ, за-

мысловъ невоплощенныхъ, что хотѣлъ и имѣлъ силы свершить и не свершилъ? О, не глядите такъ горестно. Не отгремѣли еще золотыя струны моей молодости. Спадутъ воды мірового потопа, еще краше воскреснутъ обновленныя поля, еще выше встанутъ горные хребты. Новый міръ будетъ царствомъ—строителей и смѣлыхъ. На омытыхъ пѣною высотахъ и я построю мой дворецъ. Если же завтра погибну, умрете со мною и вы...

Уходятъ, расплываются лица. Засыпаю спокойно и сладко. Завтра рано вставать.

Утромъ пьемъ чай торопливо. Намъ съ полковникомъ ѣхать въ мѣстечко В . . . и, верстъ за пятнадцать отсюда. На-дняхъ еще тамъ были нѣмцы. Теперь они отброшены къ границѣ, и мѣстечко въ нашихъ рукахъ.

Ординарцы у крыльца держатъ осѣдланныхъ лошадей.

Черезъ полчаса выѣзжаемъ. День безсолнечный, ясный и усталый. Дали блѣдны, но не занавѣшены туманомъ.

Ѣдемъ скоро. За нами двое ординарцевъ.

У маленькаго селенія пересѣкаемъ рѣку длиннымъ бродомъ. Прежде чѣмъ выѣхать на берегъ, приходится долго пробираться противъ теченія серединой рѣки.

Вода бурлитъ и пѣнится, разсѣкаемая сильными конскими ногами. Кони фыркаютъ.

Подымаемся на высокій берегъ и углубляемся въ лѣсъ. Тихо въ лѣсу... Осина и кленъ... На деревьяхъ

догораетъ багрецъ, послѣдніе осенніе червонцы. Это твое единственное золото, бѣдная, скудная, истоптанная Литва!

Рѣдѣетъ лѣсъ. У опушки фольваркъ. Нашъ путь идетъ мимо. Что за чудо? У самой дороги стройная молодая дама, въ изящномъ дорожномъ костюмѣ. Спрашиваемъ, какъ она очутилась здѣсь, въ районѣ позиций.

Она—помѣщица. У нея хорошее имѣніе и два фольварка, — одинъ этотъ, другой въ трехъ верстахъ, съ большимъ домомъ. Пріѣхала изъ Варшавы посмотрѣть, что уцѣлѣло послѣ нѣмецкаго нашествія, и ликвидировать, что возможно, изъ скота, сѣна и хозяйственныхъ запасовъ.

Домъ цѣлъ—увы!—пустой, ликвидировать нечего. Все, что можно, „ликвидировали“ уже давно. Завтра она уѣзжаетъ назадъ.

Нѣсколько любезныхъ словъ, и мы ѣдемъ дальше. Надо думать, у этой дамы остались еще кое-какіе „запасы“ въ Варшавѣ. Она вовсе не кажется слишкомъ опечаленной и на прощанье не забыла раза два стрѣльнуть намъ глазами.

Ѣдемъ однообразными невысокими холмами. По сторонамъ небольшія рощицы съ фольварками, очень похожими издали другъ на друга. Изъ-за этого очень трудно запомнить дорогу. Но съ полковникомъ не собьешься, онъ обладаетъ искусствомъ читать мѣстность по картѣ, какъ книгу, и мы ѣдемъ безъ дорогъ,

напрямикъ, пока не выбираемся на большое шоссе.

Подымается пронзительный вѣтеръ. Холодно. Далеко и глухо охаютъ орудія. Шоссе не разбитое, и мы двигаемся крупной рысью.

Справа и слѣва слѣды недавнихъ боевъ. Вотъ брошенные окопы... Вотъ перевернутая повозка безъ колесъ... Ранцы... Трупъ лошади съ оторванными снарядомъ задними ногами. Свѣжія могилы.

Пересѣкаемъ желѣзную дорогу. Сожженная станція. Закоптѣлыя разрушенныя стѣны. Она и теперь въ предѣлахъ обстрѣла. Путь возстановленъ, но поѣзду приходится останавливаться версты за три.

Еще четверть часа по шоссе, и мы въ В . . . ахъ. Ѣдемъ по непролазной грязи улицъ. На каждомъ шагу солдаты. Въ дворахъ военныя повозки. То и дѣло видишь выбитыя оконныя стекла,—нѣмцы хозяйничали здѣсь около двухъ недѣль. Въ домахъ пробоины отъ снарядовъ,—нѣмцевъ отсюда вышибали артиллеріей... Многіе дома пусты, но бѣднота уже вернулась (или, быть можетъ, не выѣзжала), и мелкія еврейскія лавчонки на площади уже торгуютъ какимъ-то хламомъ.

Евреи съ классическими пейсами и суетливыя еврейки бѣгаютъ по улицамъ торопливо. Сегодня они всѣ настроены особенно нервически. Утромъ въ мѣстечко упало нѣсколько тяжелыхъ нѣмецкихъ снарядовъ. Одинъ пробилъ крышу заводскаго сарая, гдѣ находился огромный бакъ съ керосиномъ, — чуть не вышло большого пожара.

Полковнику надо зайти въ штабъ. Лицо, которое онъ ищетъ, будетъ лишь черезъ часъ, и мы рѣшаемъ отправиться въ церковь.

Небольшой тѣсный храмъ съ розовыми стѣнами переполненъ народомъ. Толпа сплошь военная. Поетъ солдатскій хоръ, иногда ему вторятъ всѣ, и сотни сильныхъ голосовъ возносятъ молитву подъ невысокій куполъ. Сѣрая масса молится сосредоточенно. То и дѣло мелькаютъ передаваемыя черезъ головы тоненькія солдатскія свѣчки. Много офицеровъ въ полномъ снаряженіи,—видимо, пріѣхали прямо съ позицій.

Голубой кадильный дымъ тихо плыветъ подъ сводами. Много ли изъ стоящихъ здѣсь услышать святыя слова еще разъ!

Ты видишь, Господи! Твоею рукою не разъ выводилась изъ испытаній наша родина. И нынѣ ради великаго дѣла не жалѣетъ она своихъ сыновъ. Боже, храни Россію на державныхъ путяхъ ея!

Обѣдня кончилась. Торопливо крестясь, солдаты выходятъ изъ церкви. Выходимъ и мы.

Полковникъ быстро кончаетъ свои дѣла. Теперь мы свободны. Къ намъ присоединяется еще командиръ парковой бригады бравый капитанъ Б., съ лихо закрученными усами и гремящимъ вкуснымъ баритономъ.

Всѣ мы голодны. Начинаемъ искать чего-нибудь подходящаго. Увы! на этотъ счетъ въ городкѣ болѣе, чѣмъ слабо. Однако находимъ единственную уцѣлѣвшую колбасную. Весь товаръ распроданъ съ утра, но

послѣ моихъ долгихъ уговоровъ хозяинъ извлекаетъ изъ какихъ-то нѣдръ основательный кусокъ зильца. Такимъ же путемъ полковнику удается раздобыть въ единственной булочной послѣднiй бѣлый хлѣбъ. Молоденькая еврейка съ черными миндалевидными глазами припрятала его для кого-то другого, но, не устоявъ передъ полковничьимъ краснорѣчiемъ и умѣнiемъ „мувить по-польску", уступаетъ его намъ.

Теперь мы богаты. Въ какой-то проходной каморкѣ намъ налаживаютъ чай. Одна бѣда,—нѣмцы забрали въ городѣ весь сахаръ. Сахару нѣтъ ни у кого. Меня осѣняетъ мысль. Не можетъ быть еврейскаго городка безъ аптекарскаго магазина. Точно, одинъ уцѣлѣлъ,—онъ какъ разъ рядомъ.

Иду и спрашиваю ячменнаго сахару отъ кашля. Такого нѣтъ. „Проше пана. А може пану тшеба канадскего цукеру?"

Ячменнаго нѣтъ, а есть канадскiй, отъ грудныхъ болѣзней.

Канадскiй, такъ канадскiй!

Напились чаю, поѣли. Пора ѣхать. День короткiй. Надо быть дома засвѣтло, иначе среди этихъ однообразныхъ фольварковъ проплутаешь сколько угодно, и карта не поможетъ.

Назадъ ѣдемъ опять на-прямикъ, еще болѣе короткимъ путемъ. Тихо, орудiй не слышно.

Проѣзжаемъ мимо какого-то перелѣска.

Вдругъ грохотъ выстрѣла, долгiй вой снаряда и

тяжелый ударъ взрыва неподалеку за нами, въ кустахъ.

Мы были такъ удивлены этой неожиданностью, что невольно остановились и долго смотрѣли въ ту сторону, ожидая, что будетъ дальше.

Кто стрѣляетъ? По комъ стрѣляютъ?

Но продолженія не было, и мы тронулись своей дорогой. Послѣ мы узнали, что мѣсто у этого перелѣска хорошо видно нѣмцамъ съ ихъ наблюдательнаго пункта на колокольнѣ, и они рѣдко отказываютъ себѣ въ удовольствіи пустить снарядъ-другой по всякому, кто здѣсь ѣдетъ.

Вечерѣетъ. Мы торопимъ коней. Вотъ оврагъ съ высокимъ склономъ, солдаты роютъ окопы.

— Богъ помощь, братцы, — кричитъ полковникъ.

— Покорно благодаримъ,—гудятъ въ отвѣтъ голоса.

Ѣдемъ сумеречнымъ лѣсомъ. Опять бродъ и сизыя его волны. Кони карьеромъ выносятъ насъ на крутой берегъ.

Совсѣмъ темно, когда мы въѣзжаемъ во дворъ нашего фольварка. Вечеромъ дома. Прозябли порядкомъ. Хорошо выпить чаю съ ромомъ. Князь показываетъ письмо, снятое съ убитаго нѣмецкаго унтеръ-офицера. Онъ написалъ его женѣ, но не успѣлъ отправить.

„Санитарная часть у насъ, не дай Господи, какъ плоха: штабный врачъ, — докторъ по женскимъ болѣзнямъ, младшему врачу—всего двадцать лѣтъ. Инженерная повозка служитъ теперь лазаретной, да и та больше 12 дней далеко отъ насъ, въ Гумбиненѣ. Впро-

чемъ, болѣть все равно нельзя. Нашъ подполковникъ Пилицъ очень строгій. Онъ заявилъ, что всякаго, кто заявитъ себя больнымъ, онъ пошлетъ въ окопы безъ смѣны. Можешь себѣ представить, какъ у насъ всѣ здоровы. Пилицъ часто ругаетъ насъ сволочью и свинымъ обществомъ (переводъ буквальный). Настроеніе у насъ скверное. Ахъ, хоть бы это все кончилось“.

Изъ-за строкъ этого письма, котораго такъ и не получила бѣдная Берта, ясно вижу типично прусскій обликъ строгаго подполковника Пилица. Онъ толстый, налитый пивомъ, съ сизымъ носомъ, торчащими подъ кайзера усами и тупыми глазами на выкатѣ. Такъ и слышу его хриплый голосъ, ругающій солдатъ „свинымъ обществомъ“.

Узнаю ее, знаменитую прусскую дисциплину. У насъ офицера любятъ, а тамъ боятся. Быть можетъ, и мыслимо управлять солдатами страхомъ и палкой, но въ каждой душѣ есть точка, за которой палка не поможетъ. И въ часъ послѣднихъ испытаній, когда надо совершить невозможное, солдатъ пойдетъ умирать за тѣмъ, кого любитъ, а не за тѣмъ, кого боится.

Передъ сномъ выхожу на крыльцо. Гремитъ канонада. Кто-то незримый и веселый, смѣясь надъ вѣтромъ и ночью, катаетъ по горизонту исполинскія кегли. Онѣ грохочутъ, раскатисто сталкиваются, падаютъ, имъ вторитъ, отдаваясь, эхо, и вся окрестность опоясана слитнымъ, долгимъ, однозвучнымъ гуломъ.

Большой пожаръ залилъ заревомъ небо, и по темно-

багровому его лону зыблются бѣлыми перебоями волны нѣмецкихъ прожекторовъ.

Пора и ко сну. Улегшись, долго слышу сквозь сонъ, какъ жалобно и тревожно мычатъ коровы и негромко подвываетъ подъ окномъ песъ.

Утро, солнце и вѣтеръ... Облака бѣлыя, крупныя, быстро бѣгущія... Солнце то выплываетъ, то снова скрывается, и стремительно несется по полямъ золотая его полоса, настигаемая тѣнью.

Сегодня съ утра крылитъ надъ нами нѣмецкій аэропланъ, высматриваетъ расположеніе позиціи.

Нынче онъ летаетъ медленно, и съ трудомъ борется съ вѣтромъ, то взмываясь въ облака, то спускаясь совсѣмъ низко. Минутами его видно совершенно отчетливо, и гнусавое жужжаніе пропеллера рѣзко и назойливо сверлитъ слухъ.

Вотъ онъ двинулся въ сторону и чертитъ круги, вотъ застылъ неподвижно. Такъ коршунъ кружится надъ добычей, и замираетъ передъ тѣмъ, какъ ринуться на нее. Туммъ! Туммъ! Туммъ! Одинъ за другимъ доносятся взрывы. Проклятый коршунъ! Онъ кидаетъ бомбы. Только при такомъ вѣтрѣ ему не нацѣлить, какъ слѣдуетъ.

Нѣмецкій коршунъ уносится и пропадаетъ изъ виду. Приходитъ извѣстіе: въ наши батареи онъ бросилъ нѣсколько бомбъ, но потерь, къ счастью, не было.

Такъ проходятъ дни, одинъ за другимъ, различные и вмѣстѣ похожіе, какъ вереницы монаховъ.

*

Вотъ и нашъ фольваркъ съ „постановкой по Станиславскому“ остался позади, мы передвинулись по фронту верстъ на семь лѣвѣй и живемъ въ господскомъ имѣніи, въ маленькомъ домикѣ управляющаго.

Въ главномъ домѣ помѣстился начальникъ отряда со своими офицерами, — тамъ мы обѣдаемъ и ужинаемъ за длиннымъ столомъ, вокругъ котораго, за отсутствіемъ стульевъ, разставлены новенькіе бѣлые боченки.

Но жизнь все та же. Поѣздки на позиціи, унылыя поля, изрытыя окопами, трупы лошадей по дорогамъ, передъ окнами широкій дворъ съ прудомъ, за нимъ старые оголенные каштаны, вечеромъ глухо запертыя ставни, гулы канонады и тихое подрагиваніе стеколъ.

У меня новый конь, вороной, его зовутъ „Четвергъ“, но я переименовалъ его въ „Чорта“, — онъ крупный, сильный, неутомимый, сердито коситъ глазомъ и водитъ ушами, когда на него садишься.

Теперь война пріучила меня быть подрядъ сколько угодно часовъ на сѣдлѣ, и мнѣ странно вспомнить, что я когда-то уставалъ и отъ одного часа, какъ странно подумать, что я могъ когда-то носитъ франтовское англійское пальто и лаковые ботинки, а не эти высокіе сапоги со шпорами и грубую солдатскую шинель, туго подтянутую широкимъ ремнемъ съ шашкой и пристегнутымъ къ ней витымъ хлыстомъ.

Театры, литературные диспуты, мои многолюдныя воскресныя сборища, стихи Игоря Сѣверянина и альманахи Грифа,—я все помню отлично, я не потерялъ вкусъ ни къ чему, но вся эта жизнь кажется далекой, какъ сонъ, отдѣленной отъ меня непереплываемымъ океаномъ. Кажется, вѣкъ мнѣ ѣхать куда-то по неизвѣстнымъ дорогамъ на вороном конѣ, и будутъ только случайные ночлеги, холмы, изрытыя поля, короткіе дни, да стаи воронъ, да висящій надъ всѣмъ, ночью и днемъ, пушечный гулъ. Такъ было, такъ будетъ всегда, всегда.

Однажды мы съ полковникомъ и княземъ возвращались съ объѣзда позицій. Вечеръ былъ ясный, и небо пламенѣло тихо. Надъ лѣсомъ, на розовѣющей полосѣ, бѣлымъ блескомъ вспыхивали шрапнели и уплывали, тая медлительно, ихъ правильные, круглые дымы.

Ѣхали и знали, что завтра будетъ то же, что нынче и вчера.

Дома насъ встрѣтило неожиданное извѣстіе. Завтра отрядъ уходитъ куда-то къ югу. Предстоитъ длинный, на нѣсколько дней, фланговый маршъ вдоль боевой линіи. Насъ же смѣняютъ сосѣди.

Быстрые сборы. Все уложено съ вечера. Раннимъ утромъ мы выступаемъ.

Привставъ на сѣдлѣ, въ послѣдній разъ оглядываюсь на старые безлиственные каштаны.

Бѣдный, затоптанный, заѣзжанный колесами паркъ!

Не грусти. Ты долговѣчнѣе насъ. Придетъ и твое время. Ты отдохнешь, одѣтый молодой листвой, и по твоимъ аллеямъ будутъ снова рѣзвиться дѣти и гулять въ душистыя сумерки стройныя панны въ бѣлыхъ одеждахъ...

Придетъ ли и для насъ весна?

VIII.

Глухая пограничная Литва... Яснымъ холоднымъ утромъ семеро всадниковъ выѣхали изъ воротъ господскаго фольварка, мимо старыхъ каштановъ уже облетѣвшаго парка и, миновавъ ближайшій перекрестокъ, углубились въ мелколѣсье.

Это были полковникъ К., его адъютантъ князь К., я и четверо нашихъ ординарцевъ.

Всему отряду было приказано перемѣститься на другую часть фронта, значительно южнѣе. Предстояло совершить вдоль боевой линіи фланговый маршъ, одно изъ самыхъ трудныхъ передвиженій. Путь предвидѣлся трудный,—надо думать, на нѣсколько дней.

Районъ ночлега назначенъ. Батареи подтянутся туда съ полками еще засвѣтло. Намъ надо заѣхать въ мѣстечко В. Это займетъ часа полтора,—поэтому мы ѣдемъ впередъ.

Побывавъ въ мѣстечкѣ, ѣдемъ сперва дорогою, потомъ сворачиваемъ прямикомъ, по картѣ.

У одной маленькой деревни встрѣчаемъ команду управленія бригады. Тутъ-же нѣсколько повозокъ съ огромными деревянными ящиками. Въ нихъ только прибывшіе изъ Москвы подарки для солдатъ.

Все это — хлопоты нашихъ женъ. Старались, бѣгали, покупали, упрашивали, собирали.

При насъ тутъ же въ полѣ раскупориваютъ ящики. Солдаты окружили ихъ любопытной толпой.

Въ этихъ большихъ бѣлыхъ ящикахъ привезли радость. Тамъ, дома, думаютъ, заботятся, помнятъ...

Какія богатства! Горы фуфаекъ, теплыхъ шлемовъ, наушниковъ, варежекъ. Какія-то китайскія ватныя куртки. Сахаръ, соль, любезная солдатскому сердцу махорка. Пуда два шоколаду.

Вмѣстѣ съ полковникомъ дѣлимъ все это поровну на батареи. Къ вечеру все уже будетъ роздано по рукамъ.

Есть посылка и для насъ троихъ. Самое главное полушубки,—имъ рады до крайности. Но есть и много другихъ пріятныхъ вещей. Отправляя, помнили обо всемъ, какъ можно только помнить любя. Цѣлуемъ мысленно милыя руки.

Пора ѣхать, но жалко оставить все это въ обозѣ. Надѣваемъ на себя полушубки, забираемъ, что можно на руки, нагружаемъ свертками ординарцевъ и двигаемся дальше.

Черезъ часъ мы уже въ деревнѣ, гдѣ остановился начальникъ дивизіи. Издали видно, какъ его флагъ бьется на вѣтру у дороги. Здѣсь же наша повозка съ денщиками, сдаемъ имъ все привезенное съ собой.

Пока полковникъ бесѣдуетъ съ генераломъ, мы съ княземъ быстро подыскиваемъ для ночлега подходя-

щую „халупу“. Находимъ, располагаемся и идемъ за полковникомъ.

Брр... Къ вечеру ударилъ морозъ. Хорошо будетъ вернуться въ халупу, напиться чаю съ конфектами изъ Москвы и залечь спать въ теплѣ.

Увы! Мечты о ночлегѣ надо оставить. Приказано совершить ночной форсированный маршъ. Нашъ полковникъ назначенъ начальникомъ отряда. Черезъ часъ, какъ только стемнѣетъ, мы выступаемъ.

Ночной переходъ будетъ немалый. Собьешься съ дороги, попадешь къ нѣмцамъ. Мы взяли себѣ проводника, молодого литвина. Итти ночью за 25 верстъ небольшая радость, да и нѣмцы близко. Потому испуганный проводникъ въ послѣднюю минуту исчезаетъ. Но его все-таки находятъ, и суровый окрикъ полковника вмѣстѣ съ обѣщаніемъ приличной награды быстро возвращаютъ ему утраченное душевное равновѣсіе.

Вотъ мы и за околицей. Обгоняемъ темныя колонны. Какъ звенья безконечной цѣпи, тянутся наши орудія. Сливаясь во мглѣ, уходятъ сплошныя массы пѣхоты.

Кажется, черезъ пустынныя равнины течетъ какая то молчаливая рѣка, течетъ, уплываетъ невѣдомо куда, скользя въ неизвѣстность.

Вотъ мы уже въ головѣ отряда. Ѣдемъ шагомъ, — сбоку идетъ нашъ боязливый проводникъ, котораго мы не отпускаемъ отъ себя ни на шагъ.

Курить нельзя. Только позволь, и по всей колоннѣ запляшутъ огоньки, — со стороны непріятеля это можетъ быть очень замѣтно.

Немного свѣтлѣетъ. Двурогій мѣсяцъ сквозь завѣсу порѣдѣвшихъ облаковъ льетъ свѣты невѣрные и зыбкіе. Предметы стираются, растворяются, расплываются въ этой обманчивой полупрозрачной стихіи, словно насмѣшливый волшебникъ укралъ у вещей ихъ тѣни и совлекъ, какъ ветхую одежду, самыя очертанія.

Ширится мутное лунное море. Все — марево, все — призракъ, все — дымъ.

И, кажется, мы сами только сонмище ночныхъ видѣній, безпокойныхъ духовъ, скользящихъ надъ землей, чтобы разсѣяться при первомъ крикѣ пѣтуха.

Вдали загораются бѣлые огни, тонкіе и длинные. Хочется сохранить очарованіе.

Пусть другіе думаютъ, что это — нѣмецкія ракеты. Я знаю, за этимъ мглисто-луннымъ предѣломъ, печальнымъ и зловѣщимъ, зіяетъ нѣмою своею пастью входъ въ преисподнюю. Тамъ, у суровыхъ вратъ, изсѣченныхъ изъ базальта, змѣятся мгновенными зигзагами, то вспыхивая, то погасая, черныя адскія свѣчи. Къ этимъ широко раскрытымъ вратамъ мы стремимся, въ нихъ втечетъ и наша рѣка, чтобы исчезнуть навсегда.

Глухіе тяжелые удары справа. Звукъ ихъ слишкомъ знакомъ. Жестокая явь смѣняетъ ночную сказку.

Подходимъ къ обширному покинутому фольварку.

Проводникъ говоритъ, что хозяева, нѣмецкіе колонисты, скрылись вмѣстѣ съ отступавшими нѣмецкими войсками. Дорога проходитъ среди многочисленныхъ каменныхъ строеній. Подъемъ трудный и грязный. Будетъ задержка. Мы съ княземъ слѣзаемъ съ коней. Вотъ мѣсто, гдѣ можно отлично покурить.

Вотъ и фольваркъ позади. Снова поля, внезапно выплывающія изъ мглы придорожныя ветлы и темный людской потокъ, безшумно уходящій въ даль.

Въ тучахъ утонулъ мѣсяцъ. Вѣтеръ зашумѣлъ, засвисталъ въ оголенныхъ деревьяхъ. Стало совсѣмъ темно. Переходимъ какіе-то мосты, подымаемся на холмы, спускаемся куда-то. Лошади что-то видятъ, нашимъ глазамъ не видно почти ничего.

Короткій получасовой привалъ въ случайной литовской избѣ. Нависшій почернѣлый потолокъ... Солома на полу... Бѣдность... оплывающая сальная свѣчка. Крестьянинъ-литвинъ, старый отставной солдатъ, ограбленъ нѣмцами до-чиста, питается однимъ картофелемъ.

Съѣдаю плитку шоколаду, выкуриваю пару папиросъ и жадно пью холодную, какъ ледъ, воду изъ солдатской фляги.

Снова кони несутъ насъ куда-то въ ночь.

Наконецъ—ночлегъ.

Въѣзжаемъ во дворъ огромнаго господскаго помѣстья. Бѣлыя снѣжинки кружатся въ свѣтѣ нашихъ

электрическихъ фонарей, когда мы подымаемся по ступенямъ каменнаго крыльца.

Какъ неожиданны послѣ безконечныхъ ночныхъ полей, гдѣ съ хохотомъ шатается бездомный бродяга вѣтеръ, эти большія спокойныя комнаты со старинной мебелью и портретами предковъ на стѣнахъ.

Молодой заспанный полякъ-управляющій суетится и хлопочетъ, налаживая чай.

Самъ владѣлецъ, какой-то графъ съ громкой нѣмецкой фамиліей, живетъ постоянно въ Петроградѣ и за-границей.

Въ домѣ много лѣтъ не живетъ никто. Какъ странно! Домъ вовсе не производитъ впечатлѣнія необитаемаго. Множество мелкихъ примѣтъ говорятъ совсѣмъ о другомъ.

Разспрашиваю управляющаго, были ли тутъ нѣмцы. Оказывается—были.

И ничего не тронули?

Ничего.

Мы очень удивлены. Это уже совсѣмъ на нихъ непохоже. Продолжаемъ наши разспросы. Отвѣты уклончивые и односложные. Положительно здѣсь есть какая-та тайна.

Послѣ эта тайна раскрылась. Тотъ, кто встрѣчалъ насъ, только помощникъ управляющаго. Самъ управляющій—нѣмецъ, и его взрослый сынъ, жившіе въ этомъ домѣ, вчера арестованы нашими властями, какъ нѣмецкіе шпіоны и пособники.

Мы раздѣлись. Садимся за столъ. Лицо горитъ, исѣченное дождемъ и вѣтромъ. Хорошо выпить крѣпкаго чаю съ липовымъ медомъ и съѣсть пару тонко нарѣзанныхъ ломтиковъ копченой домашней ветчины.

Уже четыре часа ночи. Ложимся и засыпаемъ какъ убитые.

Въ этомъ помѣстьѣ проводимъ весь слѣдующій день. Тутъ же по сосѣдству расположились наши батареи. Погода отвратительная, не то дождь, не то снѣгъ. Надо дать передохнуть людямъ и еще больше лошадямъ, изнуреннымъ невозможными дорогами.

Передъ закатомъ дождь пересталъ, и тучи, разойдясь ненадолго, обнаружили багряный, неширокій заревой просвѣтъ.

Я вышелъ изъ дому и, пройдя черезъ паркъ, остановился у ограды, въ самой дальней аллеѣ. Паркъ на холмѣ, за нимъ безъ конца темнобурыя поля.

Суровымъ строемъ стояли вокругъ угрюмые стражи, вѣковые дубы. Ихъ черныя вѣтви были голы, и желтые листы, чуть запорошенные снѣгомъ, мертвымъ ковромъ устилали землю. Слабое сіяніе зари розоватые роняло отблески на мшистые стволы и невысокую старую ограду и потемнѣвшія отъ времени скамейки подъ дубами. Великая тишина царила на землѣ, — ни одинъ случайный звукъ не долеталъ ниоткуда.

Душа жадно пила одиночество, и тихія, непререкаемыя и плавныя протекали въ ней волны, почти

непередаваемыя словами, одному мнѣ важныя, одному мнѣ понятныя.

Свое, затаенное, глубокое переплеталось съ міровымъ, и здѣсь я впервые не умомъ, а чувствомъ постигъ, что значитъ изреченіе древней сокровенной мудрости, „все во всемъ".

Раннимъ утромъ мы покинули помѣстье. Выѣзжая, я не оглянулся на паркъ. Я унесу его въ душѣ такимъ, какимъ видѣлъ вчера.

Небо сѣрое, но дождя нѣтъ. Влажный воздухъ гулко разноситъ ритмическіе перекаты канонады, долетающіе справа. Слегка отдохнувшія за день батареи плывутъ между холмами по разбитой дорогѣ, преодолѣвая моря грязи. Пѣхота идетъ обочинами, тамъ все же чище.

Бѣдная, однообразно-печальная проходитъ передъ нами Литва, дважды истоптанная своими и чужими конями. Высокіе, темные кресты маячатъ издали на распутьяхъ дорогъ, и съ каждаго изъ нихъ въ неизреченной скорби смотритъ Христосъ на зіяющіе пустотою окопы и желтые бугры недавнихъ могилъ.

Нашъ полковникъ нынче опять начальникомъ отряда, и, проѣхавъ вдоль колонны, мы занимаемъ мѣсто въ головѣ.

Въ полдень подходимъ къ господскому фольварку П. Въ его районѣ будетъ большой привалъ.

Фольваркъ обитаемъ. Мы трое и командиръ одного изъ нашихъ полковъ заходимъ и просимъ разрѣшенія обогрѣться.

Пріемъ самый привѣтливый. Хозяинъ, худой колоритный польскій панъ съ длинными сѣдыми усами боленъ и почти не встаетъ, но ему хочется поговорить съ военными. Опираясь на палку, онъ съ трудомъ входитъ въ столовую и, извинившись за свой костюмъ, усаживается въ креслѣ. На немъ сѣрый домашній халатъ съ черными шнурами на груди.

Его жена, экспансивная полная пани, и ихъ дочь, молоденькая панна Марія, хлопочутъ у стола, заботясь о чаѣ и завтракѣ.

Воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго сдѣлало свое дѣло. Мы—у друзей. Нѣтъ и слѣда той тѣни, которая раньше лежала между поляками и „москалями“.

Старый панъ оживился, стучитъ по столу перстнемъ и радуется, что нѣмцевъ отогнали къ границѣ. Пани, волнуясь, разсказываетъ объ ихъ пребываніи въ этихъ краяхъ и объ убыткахъ, причиненныхъ ея хозяйству.

Лошадей взяли, коровъ взяли, овесъ взяли, всякіе запасы взяли, даже яблоки взяли... Хорошо, хоть обстановку и самихъ не тронули. Здѣсь жилъ командиръ полка, человѣкъ пожилой и серьезный, и потому домъ остался цѣлымъ. Пока были нѣмцы, старались сидѣть въ своихъ двухъ комнатахъ, почти не выходя, а панна Марія прожила всѣ двѣ недѣли въ мезонинѣ, въ маленькой комнаткѣ, запираясь по ночамъ и всячески избѣгая попадаться нѣмцамъ на глаза.

Панна Марія поднимаетъ свои длинныя рѣсницы и улыбается. Ей девятнадцать лѣтъ, она стройная, какъ

молодой тополь, и темныя ея косы тройнымъ вѣнцомъ обтекаютъ голову. У нея глаза молодой лани—кроткіе и строгіе. Должно быть, героиня романа Сенкевича „Огнемъ и Мечомъ“ панна Елена, невѣста Скшетусскаго, была такая.

Завязываю разговоръ съ панной Маріей.

Она училась къ Варшавѣ, отлично говоритъ порусски, знакома съ нашей литературой и очень любитъ поэзію.

У ней есть альбомъ, куда она выписываетъ стихи.

Чѣмъ поэту отблагодарить за радушіе? Беру у ней альбомъ и пишу.

Паннѣ Маріи Ханъ.

Война пройдетъ, какъ Божій громъ.
Настанутъ времена другія.
Но въ памяти мы унесемъ
Вашъ тихій и радушный домъ
И имя нѣжное: Марія.

Сергѣй К.

Панна читаетъ и мило краснѣетъ.

Мы благодаримъ любезныхъ хозяевъ. Пора продолжать путь. Дни короткіе, дорога трудная. Мы одѣваемся, когда полковнику докладываютъ, что пріѣхалъ казакъ съ приказомъ отъ высшаго начальства.

Задача измѣнена. Отряду ночевать въ районѣ деревни Э. и на утро смѣнить по близости такія-то части.

Полковникъ диктуетъ распоряженія, и ординарцы развозятъ ихъ по полкамъ.

Прощаемся. Садимся на коней. Въ окнѣ, за стекломъ, мелькаетъ, улыбаясь, дѣвичій профиль. Вотъ ужъ не видно ничего.

Милая панна! Пусть судьба вынесетъ тебя изъ этого второго потопа и дастъ найти своего вѣрнаго рыцаря Скшетусскаго.

Отрядъ свернулъ съ прежняго пути и движется нѣсколькими дорогами.

Мы трое съ нашими ординарцами ѣдемъ на прямую, черезъ волнообразную цѣпь безлѣсныхъ холмовъ.

Ночь находитъ насъ въ грязной литовской халупѣ. Въ двухъ ея горенкахъ набилось много народу,—здѣсь офицеры трехъ нашихъ батарей.

Готовятъ ужинъ. Командиръ дивизіона, мой старый знакомый, подполковникъ Я—чъ любитъ, чтобы хозяйство было въ исправности. Изъ его неистощимаго погребца появляются какія-то вкусныя вещи. Усаживаемся за длиннымъ столомъ, соткнутомъ изъ трехъ разнаго размѣра. Даютъ супъ, а за нимъ вѣстовой тащитъ на противнѣ цѣлую гору крѣпко поджаренныхъ котлетъ и пару основательныхъ утокъ.

За столомъ не засиживаются,—всѣ устали.

Прежде, чѣмъ спать,—выхожу провѣрить и записать вновь присланныхъ ординарцевъ, а кстати посмотрѣть, хорошо ли поставлены наши лошади.

Ночь безлунная, но не совсѣмъ темная.

Подхожу къ сараю, гдѣ поставили лошадей. За нимъ уходитъ внизъ какой-то откосъ. Внизу звонко журчитъ невидимый ручей.

Стихаютъ тихіе громы отдаленной канонады. Вотъ все рѣже и рѣже, вотъ смолкли совсѣмъ. Только стрекочущая дробь пулеметовъ еле доносится откуда-то съ другой стороны.

Иду въ халупу и устраиваюсь на ночлегъ. Наши вещи и денщики остались съ обозомъ. Сплю на полу на соломѣ, не раздѣваясь, сверху укрывшись полушубкомъ.

Изъ сѣней дуетъ. Ноги мерзнутъ въ сапогахъ. Надъ головой оконце,—изъ него тоже дуетъ. Съеживаюсь, какъ только могу, чтобы вмѣстить подъ полушубокъ и ноги и голову, коротко остриженную, какъ шаръ.

Дѣйствительность медленно уходитъ, и зыбкія свои декораціи развѣшиваетъ сонъ.

Я въ Нормандіи, стою у морского берега. Груда огромныхъ валуновъ съ краями, обточенными прибоемъ. Черезъ нихъ переплескиваютъ, высоко взвиваясь, бѣлые гребни и пѣна кипитъ на черныхъ изломахъ... А тамъ, впереди, сколько охватитъ глазъ, возноситъ свинцовые валы Атлантическій океанъ.

Рѣзкій холодный вѣтеръ налетаетъ съ моря...

Рано утромъ отрядъ выступаетъ. Мы съ полковникомъ должны помѣститься въ господскомъ фольваркѣ К., полки съ нашими батареями расположатся на позиціяхъ въ окрестномъ районѣ.

Нынче морозитъ. На деревьяхъ иней. Легко дышется на высотахъ. Вольная ширь безъ границъ. Синіе овалы озеръ, облака и вѣтеръ.

Ѣдемъ быстро. Полковникъ шпоритъ великолѣпнаго своего коня. Меньше часу, и мы у цѣли.

Фольваркъ К. на холмѣ. Господскій домъ на самой вершинѣ. По откосу въ нашу сторону спускается паркъ. У подошвы холма рѣчка. Выше она запружена, и на ней маленькая мельница.

Въѣзжаемъ на высокій мельничный мостъ. Въ серединѣ настилъ проломанъ, и доски еле держатся. Полковникъ и князь по счастливой случайности какъ-то минуютъ это мѣсто, но мой конь ступаетъ неудачно, и средняя часть моста съ грохотомъ проваливается подъ нимъ.

Стремительно кидаюсь съ сѣдла въ сторону и удерживаюсь, схватившись за перила. Конь, уцѣпившись передними ногами за уцѣлѣвшія доски, безпомощно бьется, силясь выкарабкаться. Вытаскиваемъ его вмѣстѣ съ подоспѣвшими ординарцами.

Все благополучно. Я ушибъ колѣно, но это пустое,— кости цѣлы. Мой вороной „Чортъ“ весь день дрожалъ мелкой дрожью. Съ тѣхъ поръ онъ не въ мѣру опасливъ и всегда упрямится и водитъ ушами, ступая на мостъ.

Домъ не великъ, но устроенъ удобно. Половина занята семьею владѣльца. Самого хозяина нѣтъ. Онъ— нѣмецъ, арестованъ и увезенъ, какъ уличенный нѣ-

мецкій шпіонъ. Имѣніе куплено имъ всего три года, а раньше принадлежало поляку.

Въ трехъ комнатахъ устраиваемся мы вмѣстѣ съ другими офицерами нашего отряда. Въ залѣ наставлено девять походныхъ кроватей.

Было еще свѣтло, когда мы вдвоемъ съ полковникомъ вышли пройтись по парку.

Длинная кленовая аллея спускается внизъ по холму. Густая красно-желтая пелена уже скованной холодомъ опавшей листвы шуршитъ подъ ногами. На лужайкѣ бассейнъ съ фонтаномъ. На бѣлизнѣ камня отчетливы багряные листы.

Мы идемъ молча.

Дальше, на склонѣ развалины каменной бесѣдки, аллея кончается и еще дальше, у самаго подножія холма, неширокій ручей, полный вровень съ берегами. Рѣдкія пятна снѣга. Ручей быстрый, но течетъ не журча, и кажется неподвижнымъ. Надъ нимъ склонились обнаженныя березы.

Кажется, изъ-за сливающихся стволовъ аллеи выйдетъ прекрасная скорбная женщина въ сѣромъ—и тихо пройдетъ у ручья, влача за собой длинныя свои одежды. Это земная радость, милая земная любовь уходитъ, гонимая грохотомъ орудій.

Но почему все это такъ жутко, такъ до боли знакомо? Въ какихъ тайныхъ снахъ видѣлъ я этотъ паркъ, эту теперь разрушенную бесѣдку, эти молчаливыя тусклыя струи, эти склоненныя безлиственныя березы?

Все это было когда-то, я уже стоялъ на этихъ невысокихъ берегахъ.

Или вѣрны прозрѣнія осмѣянныхъ толпою мудрецовъ, и я уже жилъ не одинъ разъ на землѣ, а то, что я вижу теперь, только одно изъ мѣстъ какого-то прошлаго моего бытія!

Или, быть можетъ, правъ былъ Ницше въ своихъ пророческихъ гаданіяхъ о вѣчномъ возвращеніи, и весь міръ повторяется въ вѣчности, а съ нимъ и я.

Смутное, неизъяснимое чувство, гдѣ слиты печаль, усталость, и сладкое томленіе охватываетъ меня.

Пусть я жилъ много разъ въ различныхъ тѣлахъ людей или повторялся все тѣмъ же въ вѣчно возвращающемся прибоѣ мірозданія!.. Я гражданинъ міра, и я знаю это.

Но гдѣ бы ни было мое вѣчное отечество, я люблю Россію, эту мою послѣднюю земную родину, о которой бьется мое живое, мое полное горячей кровью сердце.

Мы идемъ въ домъ... Легкія сумерки позади уже заливаютъ пустынныя аллеи. Вдали, на темнѣющемъ небѣ, вспыхиваютъ бѣлыя зарницы шрапнельныхъ взрывовъ.

Въ этомъ фольваркѣ мы прожили нѣсколько дней. Здѣсь долетѣло до насъ, съ сильнымъ опозданіемъ, извѣстіе о коварномъ обстрѣлѣ турецко-нѣмецкими кораблями Ѳеодосіи и Новороссійска и о новой нашей войнѣ.

Вѣсть эта была встрѣчена всеобщей радостью. Съ

этимъ старымъ врагомъ давно пора покончить, а воспрянувшая во весь колоссальный свой ростъ Россія не можетъ не побѣдить.

— Тѣмъ хуже для турокъ. Послѣ войны имъ предъявятъ основательный счетъ, по которому придется заплатить, — сказалъ за обѣдомъ, прихлебывая черный кофе, ген. Х...,—знатокъ восточныхъ дѣлъ, нѣсколько лѣтъ бывшій нашимъ военнымъ агентомъ въ Константинополѣ.

Это былъ голосъ трезваго политика.

Но мнѣ мечталось о большемъ.

Вѣсть о новой войнѣ наполнила меня чувствомъ страннаго освобожденія.

Если проснувшемуся славянству, если великодержавной Россіи пробилъ часъ рѣшать міровыя задачи, хорошо, что онѣ встали всѣ разомъ.

Не надо постепенности. Слишкомъ долго мы жили постепенностью, задерживаясь на вселенскомъ нашемъ пути.

Если рвать путы, то всѣ. Если рушить враговъ, то всѣхъ. Россія переживаетъ неслыханное объединеніе. Въ гигантскомъ тиглѣ, въ потокахъ очистительнаго пламени выкипаютъ, сгораютъ вѣковыя неправды и плавится ярое золото.

Мало желать, надо быть сильнымъ. Мало быть сильнымъ, надо быть достойнымъ.

Теперь или никогда Россія *достойна* свершить всеміриый свой подвигъ.

Преклонимъ головы. Да совершится Судъ Божій!.. Расколовъ германскій шлемъ и давъ естественныя очертанія славянству, твердою рукой возьметъ она свое древнее наслѣдіе Византіи.

Третій Римъ—наша мечта вѣковъ. Все наше историческое существованіе она неизбывно предносила нашимъ взорамъ. О ней думали цари, ею грезили въ темныхъ кельяхъ монахи, о ней пѣли калики перехожіе, сказатели стиховъ народныхъ.

Надъ пепломъ второго Рима создастъ Россія третій.

„Два Рима было во вселенной,
О, Русь! Создай мечомъ твоимъ
Вовѣкъ незыблемый, нетлѣнный,
Послѣдній, всеславянскій Римъ".

Такъ писалъ я, повинуясь смутному наитію, въ первый день войны съ Германіей. Такъ съ еще большей вѣрой хотѣлось повторить и теперь.

Дни убѣгали... Надъ окрестностью ужъ третій день виситъ канонада, и темное небо по ночамъ то мгновенными озаряется вспышками снарядовъ, то долгими кровавится заревами пожаровъ. Передовыя части нашего отряда съ нѣкоторыми изъ нашихъ батарей, подъ общимъ начальствомъ генерала Х...на, съ боемъ наступаютъ на границу, тѣсня упорно сопротивляющихся нѣмцевъ.

Вечеръ. Громъ канонады все глуше, все дальше. Нѣмцы сбиты съ границы и отступаютъ. Завтра остальная часть нашего отряда переходитъ границу.

Утромъ мы выѣхали изъ фольварка съ ординарцами и полусотней казаковъ.

Высокіе холмы. Изрѣдка озера. Моря густого тумана клубятся въ долинахъ и занавѣшиваютъ дали. Но гдѣ-то за ними чуется солнце, а туманъ нѣжно рдѣетъ перламутромъ и опалами.

Ѣду всю дорогу съ однимъ молодымъ полякомъ. Онъ прапорщикъ кавалеріи, но прикомандированъ въ казачій полкъ и уже много недѣль со своей полусотней живетъ настоящимъ кочевникомъ. Ни вещей, ни запасовъ. Все, что есть, приторочено къ сѣдлу.

Онъ съ одушевленіемъ говоритъ о наступающемъ воскресеніи польскаго народа и разсказываетъ о невѣроятныхъ притѣсненіяхъ, какимъ подвергаютъ нѣмцы польскую народность въ Познани. Когда русскія войска вступятъ туда, ихъ встрѣтятъ на колѣняхъ, со слезами радости, какъ долго жданныхъ спасителей.

Слушаю его и думаю: какое счастье жить въ наши дни, и какъ много прогадали наши отцы, люди чеховскаго безвременья.

По дорогѣ опустѣлые окопы, сожженные дома, ямы отъ снарядовъ, свѣжія могилы, — слѣды вчерашнихъ боевъ.

Вотъ телеграфный столбъ. Граната срѣзала у него верхъ, какъ ножъ голову у спаржи, и она виситъ тутъ же, на уцѣлѣвшей проволокѣ.

Ѣдемъ малой тропой. Спускаемся въ долину. Черезъ нее идетъ неширокій ровъ, наполненный водой.

Это—русско-германская государственная граница.

Гляжу на часы: девять пятьдесятъ утра. Во второй разъ за эту войну вступаю я въ Пруссію.

Даю шпоры моему „Чорту“, онъ однимъ махомъ перелетаетъ ровъ и карьеромъ выноситъ меня на холмъ по крутому склону.

Туманъ порѣдѣлъ... Далеко раскинулись поля въ распаханныхъ квадратахъ. Краснѣютъ черепицы кровель.

IX.

Нѣмцы отброшены за границу. Нашѣ передовыя части съ боемъ продвигаются впередъ. Сегодня остальная часть отряда переходитъ границу.

Вотъ и граница—неширокій ровъ, полный водою—осталась позади.

Обсаженная деревьями отличная дорога. Квадраты полей, раздѣленные проволочной изгородью. Столбы съ указательными надписями на перекресткахъ. Чистенькіе домики съ каменными сараями и красными черепичными кровлями.

Еще часъ ѣзды, и мы въ деревнѣ П., занятой однимъ изъ нашихъ пѣхотныхъ полковъ.

Горятъ костры. На нихъ поспѣваетъ какое-то варево. Вокругъ толпятся солдаты. Часть пѣхоты уже уходитъ, и рѣка сѣрыхъ шинелей, тускло поблескивая штыками, течетъ по узкой улицѣ деревни.

Въ одномъ изъ домовъ находимъ генерала Х...на. Онъ, какъ всегда, энергиченъ, неутомимъ и холодно спокоенъ. Его уже ждетъ осѣдланная лошадь и казачій конвой. Онъ переѣзжаетъ въ другой пунктъ, откуда ему удобнѣе руководить передовымъ отрядомъ.

Нѣмцы отстаиваютъ каждый шагъ, но подаются назадъ. Нельзя давать имъ задерживаться.

Наступленіе продолжается.

Мы съ полковникомъ К. и княземъ К. ночуемъ въ стоящей особнякомъ халупѣ. Это нѣчто въ родѣ отдѣльной крестьянской усадьбы. Маленькій домикъ съ двумя половинами, передъ нимъ дворъ, замыкаемый съ трехъ сторонъ основательными хозяйственными строеніями,—сараями, коровниками, овчарнями, конюшнями.

Домикъ мизерный, сараи отличные.

Эта черта, вообще, очень характерна для Пруссіи. Здѣсь прежде всего думаютъ о скотѣ и только потомъ о людяхъ.

Даже въ смыслѣ потугъ на эстетику—если только можно говорить объ эстетикѣ въ этой оглушительно бездарной странѣ!—скоту отдается рѣшительное предпочтеніе. Помѣщенія для него каменныя, высокія, съ узорчатой разноцвѣтной кирпичной кладкой, дома же приземистые, неказистые, подобные гробамъ. Коровники издали принимаешь за дома, дома за коровники.

Утромъ съ двумя конными ординарцами по порученію командира ѣду впередъ въ нѣмецкій городокъ Ц. Онъ только что очищенъ нѣмцами, и черезъ него, спѣша за отступающимъ непріятелемъ, проходятъ наши войска.

День солнечный. Дали успокоенныя, нѣжно-золотыя. Пріятно ѣхать крупной рысью по гладкой, какъ столъ, нѣмецкой дорогѣ, что узкой лентой уходитъ черезъ

холмы. Мостики, бѣлые камни съ дорожными знаками мелькаютъ, уходятъ одинъ за другимъ.

Мы въѣзжаемъ въ городокъ.

Разгромленный, полусожженный артиллеріей, онъ покинутъ совершенно. Нѣсколько домовъ еще пылаютъ.

Ѣдемъ по городской площади. Это былъ видимо „центръ". Сбоку бульваръ. На площадь выходятъ гостиницы, пивныя, аптеки, магазины. Бульваръ заѣзженъ колесами. Возлѣ дороги перевернутыя повозки съ брошеннымъ имуществомъ. Какіе-то продранные мѣшки, не то съ мукой, не то съ солью. Выпущенныя бочки съ бензиномъ.

Вотъ въ садикѣ у подъѣзда лежитъ на боку піанино съ расколотой декой. Хотѣли нагружать и бросили. Черезъ окна видѣнъ невѣроятный хаосъ. Все перевернуто вверхъ дномъ,—отступая, нѣмецкія войска все же успѣли поработать.

За городомъ гудитъ канонада. Наши съ боемъ наступаютъ на Роминтенскую пущу, чья черная кайма виднѣется съ подгородныхъ холмовъ.

По пустынной улицѣ быстро проносится эскадронъ кирасиръ и исчезаетъ за поворотомъ. Съ грохотомъ уходитъ за нимъ на рысяхъ далеко растянувшаяся батарея.

Снова безлюдье и трескъ пылающихъ зданій. Ѣдкій запахъ гари. Грязно-бурый дымъ стелется по землѣ.

Вотъ большой трехъэтажный каменный домъ, совершенно уцѣлѣвшій. У входа флагъ съ Краснымъ

Крестомъ. Это мѣстный германскій лазаретъ, оставшійся въ городѣ. Внизу, у дверей, русскій караульный.

Подымаясь по лѣстницѣ, встрѣчаюсь съ нѣмецкимъ докторомъ. Онъ житель этого города и хорошо говоритъ по-русски. Его квартира въ этомъ же домѣ.

Онъ приглашаетъ войти. Слѣдую за нимъ. Черезъ минуту сижу въ глубокомъ кожаномъ креслѣ и, попросивъ разрѣшеніе, закуриваю папиросу.

Разговоръ любезно-свѣтскій. Кто знаетъ, что дѣлается на душѣ у этого человѣка въ коричневой бархатной домашней курткѣ и въ желтыхъ кожаныхъ гетрахъ. Но тонъ его совершенно спокойный.

Нѣсколько словъ о войнѣ, какъ о чемъ-то третьемъ, далекомъ.

— Судьба измѣнчива. C'est la vie! Всему виной, конечно, англійское коварство. Впрочемъ, Англія еще пожалѣетъ объ этомъ. На Лондонъ летитъ воздушная эскадра изъ 15 цеппелиновъ. Тамъ уже паника. По вечерамъ тушатъ всѣ огни. Лондонъ будетъ разрушенъ.

Пора ѣхать. Встаю и прощаюсь. Докторъ учтиво провожаетъ до дверей.

На окраинѣ города стала на ночлегъ одна изъ нашихъ батарей. Офицеры въ крайнемъ домѣ.

Въ большой, еще непротопленной комнатѣ въ безпорядкѣ четыре мягкихъ дивана. На нихъ покоются четыре фигуры, укрытыя шинелями. Переходъ былъ трудный,—всѣ устали.

На столѣ россійскій самоваръ, видавшій виды. Огромный кусокъ сыра и куча бѣлыхъ французскихъ булокъ,—привезли изъ пограничнаго русскаго мѣстечка съ какой-то оказіей.

Переговоривъ, спѣшу назадъ.

Когда я подъѣзжалъ къ нашей халупѣ, солнце уже сѣло. Послѣдніе отблески заката еще рдѣли на краю небесъ, но луна, печальная владычица ночи, уже заливала голубыми своими волнами поля.

На холмѣ у дороги четко рисовались два наподвижныхъ силуэта. Это полковникъ и князь глядятъ на шрапнельные разрывы.

Я отдалъ коня ординарцу и присоединился къ нимъ.

Орудійные удары гулко разносились окрестъ, и въ южно-паутинной лунной дали одна за другой вспыхивали и погасали большія лучистыя ярко-голубыя звѣзды. Казалось, нѣкіе метеоры, мгновенно пролетая надъ землей, уносятъ какую-то свою голубую тайну.

Ровная, дробная и однозвучная, сѣетъ за холмами ружейная перестрѣлка.

Въ эту ночь небо долго пылало заревомъ.

Это работаетъ капитанъ Р....скаго полка Ю....ъ.

Сперва съ однимъ, потомъ съ двумя батальонами, выдержавъ натискъ цѣлой пѣхотной бригады, онъ опрокинулъ нѣмцевъ штыковой атакой, ворвался на ихъ плечахъ въ заповѣдную Р....скую пущу, взялъ и зажегъ ближайшее лѣсничество и, не давая врагамъ

опомниться, гонитъ ихъ черезъ дубраву, наступая на Т., охотничій дворецъ Вильгельма.

На слѣдующій день замокъ кайзера палъ послѣ ожесточеннаго штурма.

Тѣмъ, кто участвовалъ въ этомъ изумительномъ лѣсномъ бою, все бывшее казалось послѣ странной и дикой сказкой.

Угрюмая глушь, гдѣ подъ хвойными сводами и днемъ царятъ сумерки... Желтые стволы съ застывшими каплями смолы... Стада напуганныхъ ланей проносятся стремительно... Залпы и крики „ура", стократно повторяемые эхомъ... Шишки, сбитыя пулями, сыплются сверху... Потомъ ночь... Лунные узоры на землѣ... Вѣтви, бьющія по лицу... Огни выстрѣловъ... Сѣрые призраки мечутся межъ деревьевъ...

Битва тѣней въ заколдованномъ лѣсномъ царствѣ!

Кто зналъ въ Москвѣ капитана Ю...са—скромнаго рядового офицера, добраго малаго, двадцать лѣтъ тянувшаго служебную лямку, тотъ никогда не угадалъ бы, какъ быстро и неоспоримо онъ выдѣлился на войнѣ.

Воина рождаетъ смѣлыхъ!

Высокій, худой, съ своей длинной раздвоенной бородой, спокойно разгуливающій подъ пулями, какъ у себя дома, онъ кажется солдатамъ - колдуномъ, знающимъ „слово" отъ пуль.

Еще бы не колдунъ! Вотъ вамъ примѣръ.

Былъ жестокій пулеметный огонь. Солдаты залегли

въ окопѣ. Носа высунуть нельзя, такъ и припечатаетъ.

— Ложитесь, ваше высокоблагородіе!

Не тутъ-то было. Капитанъ вышелъ на валъ и сталъ неподвижно во весь свой огромный ростъ. Шапка на затылкѣ. Руки презрительно заложены въ карманы. Нѣмцы такъ и надрываются.

Прошло минуты три.

Наконецъ, плюнулъ и выругался.

— Тьфу, дрянь какая! Ребята, видите, они и стрѣлять то не умѣютъ. Въ штыки! Ура!

За нимъ хлынула стремительная сѣрая волна. Нѣмцы были выбиты изъ пяти рядовъ окоповъ.

Не ясно ли, что тутъ дѣло неспроста!

Мы ночевали въ той же халупѣ. День пришелъ тихій, холодный и безвѣтренный. Бѣлый иней на поляхъ. Солнце золотитъ дали.

Около полудня мы съ полковникомъ и княземъ проходили по полю одного изъ недавнихъ боевъ.

Высокій безлѣсный холмъ, продолговатый, далеко протянувшійся, подобный перевалу. Его вѣнчаетъ длинная линія нѣмецкихъ окоповъ. Въ ста шагахъ, на восточномъ склонѣ, русскіе окопы, небольшіе, неправильно разбросанные, почти ямки.

Наши, атакуя холмъ, перебѣгали вверхъ по склону, залегали, окапываясь подъ огнемъ торопливо, и снов лѣзли впередъ.

На краю холма сельское кладбище. Между могилами ямы отъ снарядовъ. Много памятниковъ раздроблено.

Деревянные кресты расщеплены пулями. Ярость живыхъ потревожила покой мертвыхъ.

На могилахъ нѣтъ надписей. Много этихъ желтыхъ, безыменныхъ бугровъ разбросано по дорогамъ и полямъ Восточной Пруссіи, много русскихъ солдатъ уснуло въ чужой непривѣтливой землѣ.

Тебѣ, Единому, Господи, вѣдомы имена ихъ. Ты самъ сочти ихъ и запиши въ твоей свѣтлой книгѣ.

Выбитые послѣдней атакой нѣмцы бѣжали, оставивъ своихъ убитыхъ въ окопахъ.

Иные лежатъ навзничь, другіе уткнулись ничкомъ. Одинъ на колѣняхъ, припавъ къ брустверу, въ той позѣ, въ которой стрѣлялъ и въ которой нашла его пуля. Въ чертахъ его такъ и застыла сосредоточенная угроза.

Раны у всѣхъ въ голову.

Въ окопахъ сумки, ранцы, каски, пачки патроновъ разстрѣлянныхъ и цѣлыхъ. Около труповъ масса писемъ.

Передъ окопами нѣсколько нашихъ убитыхъ.

Низкорослые запасные солдатики какого-то полка кажутся карликами въ сравненіи съ крупными прусскими гренадерами. И все-таки эти карлики прогнали этихъ великановъ.

Валяется прострѣленная русская офицерская фуражка. По скованному холодомъ, заиндевѣвшему склону шаговъ на пятнадцать протянулся и застылъ ручей крови.

Одинъ изъ нашихъ убитыхъ остановилъ наше вни-

маніе. Высокаго роста, молодой, красивый, среди другихъ онъ казался прямо богатыремъ.

Его руки сложены крестомъ на груди, и сверху небольшая иконка-складень. Видно какой-то сострадательный товарищъ, задержавшись на минуту, оказалъ ему наскоро эту послѣднюю услугу.

Ни ранъ, ни крови не видно. Нельзя понять, отъ чего онъ погибъ. Кто-то замѣтилъ маленькій кончикъ бичевки, чуть торчащій изъ-за воротника. Смотримъ ближе: онъ удавленъ.

Проклятіе и месть безчестнымъ убійцамъ!

Приходятъ солдаты съ носилками и лопатами. Смерть равняетъ всѣхъ. Черезъ часъ всѣ эти тѣла, нѣмецкія и русскія, будутъ возвращены землѣ.

Мы уходимъ съ холма. На западной его сторонѣ, которая въ свое время была укрыта отъ русскихъ пуль, остатки какого-то нѣмецкаго полкового торжества.

Въ склонѣ вырыто небольшое ровное плато. На немъ натыканы елочки. Отъ елочки къ елочкѣ хвойныя гирлянды, перевитыя разноцвѣтной бумагой. Надъ ними на деревянной подставкѣ утвержденъ вырѣзанный изъ дерева гербъ—оленьи рога и на нихъ крестъ.

Вечеромъ были на всенощной.

Низкая горница нѣмецкой халупы тѣсно набита народомъ. Служитъ священникъ одного изъ полковъ. Солдатскій хоръ поетъ увѣренно и дружно. Волны ладана плывутъ подъ темнымъ потолкомъ.

„Свѣте тихій святыя славы...“—торжественно и плавно льются знакомыя съ дѣтства слова.

Черезъ окно видна неширокая алая полоса вечерней зари, и слабое ея сіяніе, входя черезъ небольшія окна, сливается съ мерцающимъ свѣтомъ маленькихъ восковыхъ свѣчей, прилѣпленныхъ къ образу на столикѣ.

„Пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній“...

Господи, Господи! Кто увидитъ твой тихій вечерній свѣтъ? Кто услышитъ твой тихій вечерній зовъ?

Пушистая, дымчатая нѣмецкая кошка Марта удивленно ходитъ около священника и смотритъ большими глазами на непонятное ей зрѣлище.

Сильные голоса переполняютъ горницу. Но сквозь громкое пѣніе хора въ уши вливается неумолкаемая канонада.

Тамъ, впереди, генералъ Х...ъ отбивается отъ цѣлаго корпуса.

Идутъ тяжелые часы. Всю ночь и весь слѣдующій день орудія ревутъ, не стихая. Разрывы сіяютъ надъ холмами. Пулеметы поютъ свою пронзительную пѣсню. Волна боя надвигается все ближе.

Бой свирѣпѣетъ и растетъ, все выше вознося къ облакамъ свою, огнемъ вѣнчанную, главу, и два жребія зыблются на вѣсахъ богини Судьбы. Но загадоченъ ея древній ликъ.

*

Во множествѣ проходятъ раненые,—въ ихъ словахъ нѣтъ и тѣни унынія.

Вотъ пригнали и опрашиваютъ плѣнныхъ. Кадровые—здоровяки, резервисты—плохи. Одинъ изъ нихъ на службѣ впервые,—раньше былъ освобожденъ по причинѣ ревматизма и грыжи.

Пока они стоятъ на дворѣ, откуда ихъ по очереди ведутъ на допросъ, ихъ обступили наши солдаты, и дружелюбно объясняются съ ними при помощи переводчика, солдата—еврея съ комической фамиліей „Халупка", калякающаго по-нѣмецки.

Иные пытаются объясниться жестами. Веселый молодой хохолъ Печенчикъ, скаля бѣлые зубы, похлопываетъ нѣмца по плечу и внушаетъ ему: „Въ Москвѣ послѣ войны встрѣтимся, выпьемъ тамъ вмѣстѣ". И для убѣдительности выразительно щелкаетъ себя пальцемъ по горлу.

Нѣмецъ испугался, поблѣднѣлъ, даже отшатнулся Думалъ—тотъ показываетъ ему, что плѣнныхъ вѣшать будутъ. Но Халупка мигомъ все разъяснилъ. Послѣ нѣмецъ очень смѣялся. Говоритъ—ихъ запугало начальство насчетъ русскихъ звѣрствъ.

Еще одна ночь канонады. Нѣмцы отступаютъ, русскіе полки съ боемъ идутъ впередъ.

Командиръ мѣняетъ свое мѣстопребываніе. Ночь застала насъ въ томъ покинутомъ городкѣ, гдѣ я уже былъ. Съ утра мы на походѣ. Въ полдень мы уже на новомъ жилищѣ, въ полѣ, у лѣсной опушки.

Нашъ „домъ“—зловонная, бѣдная хижина съ маленькими окошками и низенькимъ потолкомъ. Какъ ее ни провѣтривали, запахъ держится такой, точно въ подпольѣ зарыта пара труповъ. А можетъ оно и такъ... Раскапывать некогда...

Командиръ посылаетъ меня верстъ за двѣнадцать установить связь съ артиллерійскою частью сосѣдняго отряда, которая должна поступить подъ его начальство.

Соображаю по картѣ дорогу, и черезъ нѣсколько минутъ я и ординарецъ Грачевъ крупной рысью ѣдемъ лѣсною дорогой къ сѣверу.

Грачевъ—мой неизмѣнный спутникъ. Онъ былъ при мнѣ съ самаго начала войны и сдѣлалъ со мной все отступленіе во время перваго прусскаго похода. Теперь онъ зачисленъ въ составъ постоянныхъ командирскихъ ординарцевъ, ѣздитъ всегда со мной и питаетъ ко мнѣ большую привязанность.

Когда-то онъ былъ неповоротливъ и тяжелъ на подъемъ, но послѣ всякихъ военныхъ передѣлокъ изъ него выработался лихой ординарецъ, спокойный, исполнительный и понятливый. Куда хочешь, посылай,—найдетъ; куда хочешь, поѣзжай, не отстанетъ.

Только одного война и походы не лишили его—дородства. Лицо у него лоснится, круглое, какъ блинъ, а щеки такія красныя, что воробьи, того и гляди, клевать станутъ.

Въ полѣ—Грачевъ, „дома“—мой вѣстовой Костинъ. Съ ними я совершенно спокоенъ. Случись что, боль-

ного ли, раненого ли, мертваго вытащутъ откуда угодно, нѣмцамъ не оставятъ.

Съ Костинымъ мнѣ повезло. Во время японской войны онъ былъ денщикомъ у моего брата, привязался къ нему и служилъ ему вѣрно. Послѣ войны братъ взялъ его къ себѣ, и онъ служилъ у него. Въ этой войнѣ мы оба съ Костинымъ случайно оказались въ одной и той же части, и я отпросилъ его къ себѣ въ денщики. Онъ преданъ всей нашей семьѣ, ходитъ за мной, какъ нянька, стираетъ мнѣ бѣлье, гладитъ его нѣмецкимъ утюгомъ, слѣдитъ за моими припасами и добродушно ворчитъ на меня за разные непорядки. Пожитки мои хранитъ, какъ зеницу ока. Во время перваго прусскаго похода, при отступленіи, вывезъ ихъ чуть не на себѣ.

Итакъ, мы спѣшимъ съ Грачевымъ исполнять порученіе. День ясный. Тихо въ лѣсу... Только фазаны, гуляющіе по дорогѣ, завидѣвъ всадниковъ, неторопливыми вереницами сѣменятъ въ сторону, да одинокая стремительно проскочила черезъ дорогу дикая коза. Лѣсъ, за нимъ поля. Въѣзжаемъ въ большое покинутое селеніе. За нимъ безконечная блещущая ширь В...скаго озера. Нѣжно-голубая громада водъ тихо покоится въ низкихъ берегахъ своихъ, словно чаша, налитая до краевъ, и водная даль незамѣтно сливается съ бирюзовою далью небесъ.

У берега—брошенныя ладьи рыбаковъ. Вокругъ ни души. Сворачиваемъ влѣво отъ озера. Прямо черезъ

холмы вьется небольшая дорога. Ѣдемъ еще съ полчаса. Скоро должна быть деревня. Бросивъ дорогу, ѣду на прямую черезъ высокій холмъ. На самой вершинѣ я сдерживаю коня. Вдали — кучка красныхъ кровель. Вотъ то, что я ищу.

Далеко, сколько видитъ глазъ, холмы, поля и долины утопаютъ въ золотомъ сіяніи, и медленно надъ ними плывутъ бѣлыя круглыя облака.

Благоговѣйный трепетъ охватываетъ душу. Священная славянскому сердцу земля!

На этихъ славныхъ поляхъ Грюнвальда больше пятисотъ лѣтъ назадъ общія силы Польши, Литвы и Руси разбили въ прахъ волну нѣмецкаго натиска и нанесли тевтонскому движенію на востокъ неисцѣлимую рану.

Быть можетъ, на этомъ самомъ высокомъ холмѣ стояли славянскіе вожди, взирая на битву, когда смоляне со своимъ княземъ ударили на враговъ, рѣшая участь боя.

Сейчасъ пустынны мѣста великой битвы народовъ.

Два дня и одну ночь шелъ въ этихъ краяхъ артиллерійскій бой. Нынче онъ перемѣстился дальше, и громы орудій перекатываются впереди за холмами.

Наши лихія батареи,—славная первая, четвертая и шестая,—подъ конецъ привели непріятеля въ такое разстройство, что нѣмецкая пѣхота, гонимая мѣткими шрапнелями, почти не задерживаясь, уходила черезъ эти холмы, и наши полки чуть не церемоніальнымъ

маршемъ занимали одну за другой нѣмецкія позиціи.

Въѣзжаю въ деревню и въ полуразбитомъ домикѣ нахожу двухъ солдатъ-телефонистовъ съ аппаратомъ и охраняющій телефонную станцію казачій постъ.

Передаю по телефону командирскія распоряженія и сообщаю мѣсто его пребыванія. Къ намъ немедленно пришлютъ ординарцевъ. Связь установлена.

Теперь можно ѣхать назадъ.

Избираю другую, болѣе удобную дорогу. Ѣдемъ лѣсною опушкой. Въ лѣсу какіе-то одиночные выстрѣлы. Кто стрѣляетъ, въ кого стрѣляютъ, судить невозможно.

Прибавляемъ ходу. Скоро мы опять въ полѣ.

Здѣсь лучше,—во всѣ стороны видно далеко.

Изъ воротъ одинокаго хутора, мимо котораго намъ ѣхать, выходитъ человѣкъ, за нимъ быстро выдвигается какая-то группа мужчинъ. Одежда не военная, — видимо, нѣмецкіе поселяне. Отъ этихъ „мирныхъ“ нѣмцевъ одиноко ѣдущимъ всадникамъ всегда можно ждать предательской пули.

Передвигаю вдоль пояса браунингъ поближе къ рукѣ и быстро скачу впередъ. Грачевъ не отстаетъ.

При нашемъ приближеніи группа быстро скрывается. Минуемъ хуторъ.

Неужели, пуля въ спину? Нѣтъ, проѣхали благополучно.

Приближаясь къ нашей халупѣ, вижу забавную картину. На маленькомъ пруду глушатъ пироксилино-

выми шашками рыбу на обѣдъ. Множество ея плаваетъ кверху брюхомъ, и двое солдатъ, разъѣзжая на какомъ-то дырявомъ челнокѣ, подбираютъ рыбу въ ведро.

— Здорово, братцы!

— Здравія желаемъ, ваше благородіе.

Желаю „рыбакамъ" удачи. Черезъ четверть часа, доложивъ полковнику, что порученіе исполнено, лежу на походной постели и читаю „Совиный Домъ", романъ Евгеніи Марлитъ,—все еще не могу одолѣть со времени перваго прусскаго похода.

На утро разстаемся съ халупой. Слава Богу!

Десять верстъ верхомъ, и мы на новой квартирѣ.

Большое селеніе Н... Къ югу невдалекѣ темныя массы Р... Этотъ огромный заповѣдный боръ въ триста двадцать квадратныхъ верстъ — личная собственность Вильгельма и служитъ для его охотъ.

Мы заняли домикъ школьнаго учителя. Въ одной половинѣ—классная комната, тамъ помѣстились наши ординарцы. Въ другой—маленькая квартира изъ трехъ комнатъ.

У нѣмецкаго педагога все очень прилично, есть мягкая мебель и даже піанино. Только добродѣтельныя прописи на стѣнахъ, въ тройномъ, чѣмъ у простыхъ нѣмцевъ, количествѣ, мозолятъ мнѣ глаза.

Въ томъ-же селеніи домъ королевскаго лѣсничества. Тамъ помѣстился начальникъ отряда. Ходимъ туда обѣдать.

Домъ лѣсничества устроенъ великолѣпно. Тамъ цѣлый рядъ парадныхъ комнатъ для краткихъ остановокъ кайзера и высокихъ особъ во время ихъ охотничьихъ наѣздовъ въ Р...

Старинная золоченая мебель съ образцовыми украшеніями, крытая желтымъ атласомъ. Драгоцѣнная столовая рѣзного чернаго дуба. Много фарфора и хрусталя. Въ углу столовой къ стѣнѣ привинченъ какого-то страннаго вида желѣзный держатель съ крючьями. На немъ подвѣшиваютъ убитую дичь во время охотничьихъ пирушекъ.

Селеніе цѣликомъ покинуто.

Вообще, во второмъ прусскомъ походѣ совсѣмъ не то, что въ первомъ. Тогда населеніе было поголовно на мѣстахъ и очищался только районъ боевыхъ позицій.

Теперь по другому. Жители уходятъ передъ нашими войсками, и край, занимаемый нами, сплошь безлюдный.

Два дня уже мы съ командиромъ въ Н.

Отъ дома, гдѣ мы живемъ, открывается видъ на рѣдкость нѣмецкій, совсѣмъ, какъ на картинахъ старыхъ нѣмецкихъ мастеровъ.

Большой прудъ, за нимъ на высокомъ берегу свѣтлый каменный домъ лѣсничества съ красными островерхими кровлями, дальше холмъ со старыми елями, отчетливо возникающими на небѣ. За ними пылаютъ по вечерамъ безумные, кровавые, тяжелые закаты.

Впереди, за холмами, полукругомъ развернулась линія боя. Второй день надъ окрестностью висятъ несмолкаемые перекаты, долгій и гнѣвный громъ. Минутами онъ сливается съ рокотомъ пулеметовъ и дробнымъ трескомъ ружейной перестрѣлки въ одинъ стремительный летящій шквалъ.

Нѣмцы съ отчаяннымъ упорствомъ пытаются задержаться на быстро укрѣпленныхъ ими позиціяхъ.

Въ полуверстѣ за селеніемъ, совсѣмъ позади отъ общаго расположенія войскъ, въ опушкѣ пущи вчера и нынче постукиваютъ отдѣльные выстрѣлы. Это отрѣзанныя отъ своихъ шайки бродячихъ нѣмецкихъ солдатъ обстрѣливаютъ нашихъ одиночныхъ всадниковъ и мелкіе разъѣзды.

Прапорщикъ Б. съ двумя взводами пѣхоты и нѣсколькими казаками устроилъ на нихъ облаву.

Часть скрылась, одну группу поймали.

У нѣмцевъ оказалась землянка въ лѣсу. Они залегли въ ней и долго отстрѣливались, пока ихъ не выкурили дымомъ. Землянка набита всякимъ награбленнымъ добромъ. Плѣнные нѣмцы — плотные, ражіе, лбы низкіе, глаза бѣгаютъ, типичные мародеры.

При взятіи землянки убитъ одинъ солдатикъ. Онъ лежитъ въ ожиданіи похоронъ на дворѣ королевскаго лѣсничества. Простое, крестьянское лицо тамбовскаго землепашца, окладистая борода. Губы сжаты. Въ чертахъ усталость и спокойствіе много поработавшаго человѣка.

— Милый, отдохни!

Вечеръ. Стихаетъ канонада, какъ волны послѣ пролетѣвшей бури. Нѣмцы не выдержали удара и отходятъ назадъ.

Завтра командиръ мѣняетъ свое пребываніе. Распоряженія отосланы. Батареи увѣдомлены.

Раннимъ утромъ мы уже на коняхъ.

Недолгія поля, за ними темнѣетъ громада хвойнаго бора. Вдоль опушки тянется и уходитъ вдаль проволочная ограда.

Вотъ сорванныя съ петель тяжелыя ворота со сбитымъ на бокъ королевскимъ орломъ и столбъ съ запретительными надписями.

Шпоримъ коней. Нашъ маленькій отрядъ быстро втягивается въ ворота.

Насъ объяла заповѣдная пуща, и слабый стукъ копытъ растаялъ въ великомъ молчаніи бора.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ.

ОКУНЕВЪ, Я. Каменное иго. Ц. 1 р. 25 к.

ЧЕВКИНЪ, С. «Востровъ и С-нъ». Ц. 1 р. 25 к.

АШЕШОВЪ, Н. Раны любви. Ц. 1 р. 25 к.

БРУСЯНИНЪ, В. Бѣлыя ночи. Ц. 1 р. 25 к.

БРУСЯНИНЪ, В. Молодежь. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЕМОНЬЕ, К. Когда я была мужчиной. Съ предисловіемъ А. И. Куприна. Ц. 1 р.

СѢВЕРОВА, Н. Къ идеаламъ. Съ иллюстраціями И. Е. Рѣпина. Ц. 1 р. 25 к.

БЕРЕСФОРДЪ. Царство женщинъ. Переводъ З. Н. Журавской. Ц. 1 р. 25 к.

ПОЭЗІЯ.

МАРІЯ МОРАВСКАЯ. Золушка думаетъ. Ц. 1 р.

ЛИДІЯ ЛѢСНАЯ. Аллея причудъ. Ц. 1 р.

ВѢРА РУДИЧЪ. Молодыя пѣсни. Ц. 75 к.

ВѢРА РУДИЧЪ. Въ осенній полдень. Ц. 75 к.

АНДЖЕЛЛА. Дневникъ дней моихъ и ночей. Ц. 1 р. 50 к.

ГАРТЕВЕЛЬДЪ, М. Ночные соблазны. Ц. 50 к.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

Левъ Ждановъ.

Историческіе романы съ иллюстраціями.

Томъ I. Въ стѣнахъ Варшавы. Книга I. Ц. 1 р. 50 к.
„ II. Въ стѣнахъ Варшавы. Книга II. Ц. 1 р. 50 к.
„ III. Осажденная Варшава. Ц. 1 р. 50 к.
„ IV. „Сгибла Польша!“ Ц. 1 р. 50 к.
„ V. Послѣдній фаворитъ. Книга I. Ц. 1 р. 25 к.
„ VI. Послѣдній фаворитъ. Книга II. Ц. 1 р. 25 к.
„ VII. Былые дни Сибири. Книга I. Ц. 1 р. 25 к.
„ VIII. Былые дни Сибири. Книга II. Ц. 1 р. 25 к.
„ IX. Третій Римъ. Цѣна 1 р. 50 к.
„ X. Грозное время. Цѣна 1 р. 50 к.
„ XI. Боярыня Морозова. Цѣна 1 р. 50 к.
„ XII. Протопопъ Аввакумъ. Цѣна 1 р. 50 к.

ДВА МИЛЛІОНА ВЪ ГОДЪ.

Нищій милліонеръ. Сказочныя были нашихъ дней.

Ц. 2 р. 25 к. Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ—2 р. 75 к.

«Живое изложеніе, умѣлый діалогъ, множество выраженій, взятыхъ изъ старинныхъ источниковъ,—все это дѣлаетъ хроники г. Жданова занимательными и полными историческаго интереса».

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“. Евг. Л.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

АМФИТЕАТРОВЪ, А. В.

Паутина. Романъ. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
Аглая. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Раздѣлъ. Романъ. (455 страницъ). Ц. 2 р. 25 к.
Викторія Павловна. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Дочь Викторіи Павловны. Романъ.
Марья Лусьева за-границей. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Женское нестроеніе. Ц. 1 р. 50 к.
Девятидесятники. Романъ. Часть I. Ц. 1 р. 50 к.
Девятидесятники. Романъ. Часть II. Ц. 1 р. 50 к.
Сумерки божковъ. Романъ. Часть I. Ц. 1 р. 25 к.
Сумерки божковъ. Романъ. Часть II. Ц. 1 р. 50 к.
Противъ теченія. Ц. 1 р.
Антики. Ц. 1 р. 25 к.

„А. В. Амфитеатровъ ярко талантливъ, много на своемъ вѣку видѣлъ и между прочими достоинствами обладаетъ однимъ превосходнымъ и рѣдкимъ, какъ бѣлый воронъ среди черныхъ, достоинствомъ— великолѣпнымъ русскимъ языкомъ, богатымъ, сочнымъ, своеобычнымъ, но въ то же время безъ вывертокъ и щегольства... Это настоящій писатель, отмѣченный при рожденіи поцѣлуемъ Аполлона въ уста“.

„Русское Слово“ 20. XI. 1910. А. А. ИЗМАЙЛОВЪ.

СТЕПНЯКЪ-КРАВЧИНСКІЙ, С. М.

Собраніе сочиненій подъ редакціей С. А. Венгерова.

Томъ I. Штундистъ Павелъ Руденко. Ц. 1 р.
„ II. Подпольная Россія. Ц. 1 р.
„ III. Домикъ на Волгѣ. Ц. 1 р.
„ V. Эскизы и силуэты. Ц. 1 р.
„ VI. Критика и публицистика. Ц. 1 р.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, ПЕТР. ПОВАРСКОЙ, 10.

ЧЕГО ЖДЕТЪ РОССІЯ ОТЪ ВОЙНЫ.

Статьи спеціально написаны для настоящаго сборника.

Туганъ-Барановскій, М. И. Фридманъ, М. И.—Вернадскій, В. И. Гиппіусъ, З. Н.—Славинскій, М. А. Шингаревъ, А. И.—Курбатовъ, В. Я. Милюковъ, П. Н.—Карѣевъ, Н. И. Бехтеревъ, В. М.—Знаменскій, С. Ф. Стрѣльцовъ, Р. Е Шишкина-Явейнъ. П. Н.—Ц. 1 р. 25 к.

ЧЕГО ЖДЕТЪ ГЕРМАНІЯ ОТЪ ВОЙНЫ.

Редакція, примѣчанія и предисловіе Р. Е. Стрѣльцова.

Въ книгѣ собраны бесѣды съ общественными дѣятелями и членами правительства Германіи—К. Либкнехтомъ, Эд. Бернштейномъ, Ф. Листомъ, проф. Зерингомъ, Зюдекумомъ, Дальбрюкомъ, Шиманомъ и т. д. Бесѣды даютъ богатый матеріалъ для уясненія внутренняго положенія и внѣшней политики воюющей Германіи. Ц. 1 р. 50 к.

РОССІЯ, ЦАРЬ-ГРАДЪ И ПРОЛИВЫ.

Матеріалы и извлеченія.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. Стрѣльцова.

Въ книгѣ собрано все важнѣйшее, что было высказано по вопросу о Царь-градѣ и проливахъ выдающимися писателями различныхъ направленій (Данилевскій, Достоевскій, Жуковскій, Куропаткинъ, Леонтьевъ и др.). Книга можетъ служить исчерпывающимъ источникомъ для всесторонняго—историческаго, культурнаго и политическаго—изученія вопроса. Примѣчанія и предисловіе редактора характеризуютъ современную постановку проблемы. Ц. 1 р. 50 к.

28319

1 р. 25 к

37. 77. 6, 36